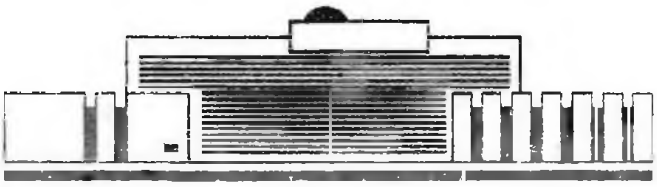
ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага універсітэта



2004 № 2(32)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
І.Я. Андрушкевіч (нам. галоўнага рэдактара),
Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар),
С.С. Ануфрыева, С.Л. Багамаз, А.А. Бачкоў, М.Ц. Вараб'ёў, Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, В.І. Гідрановіч, А.А. Карніенка, В.П. Клімовіч, В.А. Космач, В.Я.Кузьменка, І.Л. Лапін, С.А. Мацараў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева, П.І. Навіцкі, В.І. Несцяровіч, І.М. Прышчэпа, Э.І. Рудкоўскі, Ю.А. Русецкі, У.Л. Фядотаў

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага універсітэта імя П.М. Машэрава

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года
Выходзіць чатыры разы ў год

2004 № 2(32)

Змест

Да 60-годдзя вызвалення Беларусі

Зыбин С.Ю. Освобождение Беларуси (хроника основных событий) 3

Сацыялогія. Філасофія

Гащенко Л.А. Патриотическая идеология и ее составляющие 9

Орлов В.И. Социальные функции бизнеса в современном обществе 15

Уткевіч В.І. Міфалогія і мастацкая літаратурная творчасць 23

Культуралогія. Гісторыя

Миницкий Н.И. Текст исторического источника: когнитивные модели 29

Добжинская Т.В. Роль Высшего Старообрядческого Совета в Польше в довоенный период (1927–1929 гг.) 38

Чеснокова О.И. Методология анализа проблем пола и гендера в славянской культуре XX века 41

Полетаева Н.И. Купечество Беларуси: источники формирования (60-е годы XIX – начало XX вв.) 48

Педагогіка. Псіхалогія

Минаева В.М. Развитие методики преподавания природоведения в Беларуси в 80–90-е годы XX века 54

Гайковая О.Л. Педагогические условия подготовки студентов к формированию социально-нравственной устойчивости подростков 58

Рачинский С.В. Художественно-эстетическое направление в системе дополнительного образования на современном этапе 62

Кухтова Н.В. Возрастные и гендерные различия в проявлении просоциального поведения 66

Філалогія

Васюковіч Л.С. Інтэрпрэтацыя мастацкага тэксту падручніка як вучэбна-пазнавальная дзейнасць 72

Трофимович Т.Г. К изучению нумерально-темпоральных наименований старорусского делового языка 76

Голубович Н.В. Сатирическая условность в прозе М.А. Булгакова 1920-х годов 83

Мастацтвазнаўства

Котович Т.В. Театр и ритуал 91
Медвецкий С.В. Особенности развития белорусской станковой живописи в 1990-е годы 97

Матэматыка

Савельева Н.В., Воробьев Н.Т. О максимальных подклассах нормального класса Фиттинга 104
Задорожнюк Е.А. О p-сверхразрешимости конечных групп 107
Прохожий С.А. Об однозначной разрешимости задачи Коши для уравнения фильтрации с конвекцией и поглощением 111

Механіка. Фізіка

Локтионов А.В., Буткевич В.Г., Мачихо Т.А. Исследование процесса смешивания волокнистых компонентов при формировании нетканых полотен 120
Дунина Е.Б., Корниенко А.А., Контарева О.А. Анализ параметров интенсивности люминесцентных и абсорбционных переходов Eu^{3+} в $YAlO_3$ 124
Буйнов Н.С., Иванов В.С. Спектр элементарных возбуждений в системе осцилляторного типа 128

Біялогія. Экалогія

Пискунов В.И., Солодовников И.А. Уточнение перечня видов выемчатокрылых молей (Lepidoptera, Gelechiidae) Беларуси 131
Гречаников А.В., Платонов А.П., Ковчур С.Г. Утилизация отходов ТЭЦ ... 138

Кароткія паведамленні

Кривцун В.П. Сравнительная характеристика эффективности средств физической культуры для лиц умственного труда 143

Канферэнцыі. Сімпозіумы

Бароўка В.Ю. У пошуках аптымальнай метадалогіі 147
Падстаўленка В.Ф. IV Міжнародныя навуковыя чытанні «Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце» (да 210-годдзя з дня нараджэння) 148
Крытыка 149
Персаналіі 150
Хроніка 152
Рэфераты 155
Звесткі пра аўтараў 161

Рэдактар **А.М. Фенчанка**
Камп'ютэрны набор **Г.У. Разбоева**
Карэктар **Л.В. Прыстаўка**

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.
Ліцэнзія ЛВ № 02330/0056790 ад 1.04.2004.
Падпісана ў друк 17.06. 2004. Фармат 70x108 1/16. Папера друкарская. Афсетны друк.
Ум. друк. арк. 11,62. Ул.-выд. арк. 11,68. Тыраж 120 экз. Заказ 30 .

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны універсітэт імя П.М. Машэрава».
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33. Ліцэнзія ЛП № 520 ад 9.12.2002.

© УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2004

УДК 947.6 «1942-1944»

С.Ю. Зыбин

Освобождение Беларуси (хроника основных событий)

Три года немецко-фашистские захватчики хозяйничали в Беларуси. За это время они нанесли народному хозяйству и населению огромный ущерб. Оккупанты варварски разрушали промышленные предприятия, электростанции. Они уничтожили 96 процентов энергетических мощностей, вывели или привели в негодность свыше 90 процентов станочного и другого промышленного оборудования. В селах гитлеровцы сожгли 1200 тысяч строений, в том числе более 500 тысяч колхозных общественных построек и 420996 домов колхозников и крестьян-единоличников, полностью ликвидировали колхозное животноводство.

В таких крупных городах, как Минск, Витебск, Гомель, были разрушены все промышленные здания и 80–90 процентов – коммунальных. Фашисты сожгли здания Академии наук БССР, высших учебных заведений, разгромили около 7 тысяч школ. Превратили в развалины почти все театры, клубы, музеи, библиотеки, где хранились произведения классиков русской, белорусской, западной литературы. Общий ущерб, нанесенный оккупантами нашей республике за годы войны, исчисляется в 75 млрд. рублей.

Белорусский народ подвергся неслыханным издевательствам и насилиям. Вся территория республики была покрыта густой сетью тюрем и концентрационных лагерей. За три года гитлеровцы угнали на каторжные работы в Германию около 380 тысяч человек, зверски замучили свыше 2200 тысяч местных жителей и военнопленных. Много деревень и сел фашисты уничтожили полностью. Особенно сильно пострадала наша Витебская область. Причиненный ущерб гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям исчисляется свыше 25 миллиардов рублей. Уничтожено 4852 здания промышленно-производственного назначения, сожжены и уничтожены животноводческие постройки в количестве 12454. Полностью уничтожены вместе с оборудованием 18 электростанций, из которых 16 принадлежало колхозам, полностью сожжено и взорвано 892 моста, общей длиной 10567 метров.

* * *

Январь-февраль 1942 г. – в результате разгрома фашистских оккупантов под Москвой войска Калининского и Западного фронтов продвинулись на 250 км на запад.

На витебском направлении соединения 4-й ударной армии подошли к границам Беларуси и вступили на ее территорию. Взаимодействуя с партизанами, 249-я стрелковая дивизия освободила около 10-ти деревень Суражского и Меховского районов Витебской области. Чтобы остановить наступление войск Красной Армии, немецкое командование перебросило сюда 4 дивизии из Западной Европы. Однако фашистам не удалось полностью закрыть прорыв в линии фронта. В результате были образованы знаменитые «Витебские» или «Суражские ворота» – 40-километровый разрыв в линии немецкого фронта на стыке вражеских армий «Север» и «Центр» между Велижем и Усвятами. С внешней стороны подступы к воротам удерживали 4-я ударная армия, с внутреннего – 1-я и 2-я Белорусские партизанские бригады.

«Витебские ворота» просуществовали почти 8 месяцев и ликвидированы в конце сентября 1942 г.

1943 г.

22 сентября – 13-я армия Центрального фронта подошла к Днепру и с ходу начала его форсировать, в результате наступления был освобожден 1-й районный центр Беларуси – г. Комарин.

26 сентября – 3-я и 50-я армии Брянского фронта вступили на территорию Беларуси и освободили районный центр Хотимск Могилевской области.

29 сентября – войска 50-й и 10-й армий Западного фронта взяли г. Кричев. 212-й и 385-й стрелковой дивизии приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено почетное наименование «Кричевских».

7 октября – войска правого крыла Калининского фронта освободили г. Невель. Перед войсками Калининского фронта открылся путь на Полоцк и Витебск.

8 октября – советские войска освободили райцентр Витебской области Лиозно. Приказом Верховного Главнокомандования 5-ти воинским частям за взятие крупного оборонного узла немцев присвоено почетное наименование «Лиозненских».

16 октября – после артиллерийской подготовки и авиационного удара был форсирован Днепр, и на правом берегу захвачен плацдарм.

17 октября – 27-й корпус в полном составе переправился через реку Днепр, и его части освободили город Лоев.

30 октября – опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза 183 воинам за мужество, отвагу, героизм, проявленные при форсировании Днепра.

18 ноября – враг был изгнан из Речицы ударом 65-й армии. Это дало возможность форсировать Днепр 61-й армии на юг от г. Лоева.

19–24 декабря – силами 1-го Прибалтийского фронта были освобождены около 500 населенных пунктов, среди которых – районный центр Витебской области Езерище, а также ж/д станции Грибачи и Бычиха.

24 декабря – освобожден важный опорный пункт на витебском направлении – город и ж/д станция Городок.

22 ноября – началось наступление войск правого крыла Белорусского фронта силами 50-й и 3-й армий на Гомельском направлении.

25–26 ноября – освобождены Пропойск, Корма и Журавичи, и войска вышли к Днепру в районе Нового Быхова.

26 ноября – 11-я и 48-я армии изгнали гитлеровцев из Гомеля. Был освобожден 1-й областной город Беларуси. 20 соединений и частей, наиболее проявивших себя в освобождении города, получили почетное наименование «Гомельских».

1944 г.

В связи с успешным наступлением 1-го Украинского фронта на Житомирско-Бердичевском направлении, которое продолжалось до января 1944 г., войска Белорусского фронта 8 января развернули наступление в направлении городов Калинковичи и Мозырь (Калинковичско-Мозырская операция).

14 января – после артиллерийской подготовки началось наступление передовых частей. Оборонительная линия фронта фашистов была прорвана. Войска вышли на окраину Калинковичей. Силами 61-й армии и частей 1-го Гвардейского танкового корпуса город был взят. Почетное наименование «Калинковичских» получило 21 соединение.

14 января – 2-й и 7-й Гвардейские корпусы с помощью белорусских партизан, выведших войска через болота в тыл фашистским войскам и разгромив их, овладели городом Мозырем.

21 февраля – 3-я армия 1-го Белорусского фронта при поддержке 50-й армии с севера начала военные действия в районе к Рогачеву – с целью разгромить группировку противника возле Рогачева и Жлобина и создать условия дальнейшего наступления на Бобруйском направлении (Рогачевско-Жлобинская операция).

24 февраля – войска 3-й армии штурмом взяли Рогачев, продвинулись к р. Друть, захватив на правом берегу плацдарм между Рогачевом и Новым Быховом, ликвидировав на юг от Рогачева плацдарм гитлеровцев на левом берегу Днепра, и вышли на подступы к Жлобину.

24 февраля – в честь наших воинов, освободивших Рогачев, в Москве был дан салют. 13 соединений и частей получили почетное наименование «Рогачевских».

Лето 1944 г. – Белорусская наступательная операция «Багратион». В операции были задействованы силы 4-х фронтов:

1-й Белорусский (командующий генерал армии К.К. Рокоссовский);

2-й Белорусский (командующий генерал-полковник Г.Ф. Захаров);

3-й Белорусский (командующий генерал-лейтенант И.Д. Черняховский);

1-й Прибалтийский (командующий генерал армии И.Х. Баграмян).

А также:

Днепровская флотилия (командующий капитан 1-го ранга В.В.Григорьев);

авиация дальнего действия (командующий маршал авиации А.Е. Голованов).

Действия фронтов координировали маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский.

4 фронта, готовившихся к наступлению в Беларуси, насчитывали 2400 тыс. человек, 36400 пушек и минометов, 5200 танков и самоходок, 5300 боевых самолетов.

Фашисты сконцентрировали в Беларуси группу армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал В. Модель), насчитывающих 63 дивизии, 3 пехотные бригады общей численностью 1200 тыс. человек. На вооружении имелось 95 тыс. пушек и минометов, 900 танков, 1350 самолетов.

23 июня – главные силы 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление на Витебском, Оршанском и Могилевском направлениях (Витебско-Оршанская операция).

24 июня – войска 1-го Прибалтийского фронта форсировали Западную Двину в районе Бешенковичей и захватили несколько плацдармов.

25 июня – 43-я и 39-я армии соединились на западе от Витебска, завершив, таким образом, окружение Витебской группировки фашистов.

26 июня – 145-я дивизия ворвалась в Витебск и, соединившись с частями 39-й армии, освободила город.

26–27 июня – советские войска продолжали сжимать кольцо вокруг группировки противника. Враг начал сдаваться. За успешный прорыв вражеской обороны и быстрое форсирование Западной Двины 145 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза. 63 соединения и части 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов получили почетное наименование «Витебских».

25 июня – советскими войсками освобожден Богушевск.

26–27 июня – 36-й гвардейский стрелковый корпус 11-й армии и 71-й стрелковый корпус 31-й армии после жестоких уличных боев освободили от фашистов город Оршу.

Приказом Верховного Главнокомандования 41-е соединение и части 11-й гвардейской, 31-й и 1-й воздушной армий, которые проявили себя в боях за освобождение города, получили наименование «Оршанских».

Разгромив окруженную под Витебском группировку противника и освободив города Витебск, Богушевск и Оршу, советские войска создали условия для дальнейшего развития наступления на Борисов и Минск.

За 6 дней боев Витебская группировка гитлеровцев в составе более 5-ти дивизий была окружена и ликвидирована. Враг потерял 20 тыс. солдат и офицеров, свыше 10-ти тыс. пленных.

26 июня – советские войска штурмом овладели Паричами. Путь на Бобруйск был открыт (Бобруйская операция).

27 июня – до конца дня 9-й танковый корпус вышел к городу с востока и объединился с частями 1-го гвардейского танкового корпуса, который вышел ему навстречу.

28 июня – Могилев полностью «очищен» от фашистов. В боях за Могилев гитлеровцы потеряли более 6-ти тыс. солдат и офицеров (Могилевская операция).

29 июня – начался штурм Бобруйска, в результате чего 65-я и 48-я армии в тесном взаимодействии овладели городом.

В результате окружения и разгрома Бобруйской группировки были ликвидированы 6 вражеских дивизий, 50 тысяч солдат противника были убиты, 23680 попали в плен. 20 частей и соединений наших войск получили почетное наименование «Бобруйских».

Бобруйская и Могилевская операции дали возможность развить наступление на Минск и Барановичи.

30 июня – преодолевая упорное сопротивление фашистов, советские войска обошли Полоцк с севера и юга (Полоцкая операция). Завязались упорные бои на подступах города.

1 июля – соединения 5-й гвардейской танковой и 31-й армии освободили Борисов – важный узел немецкой обороны, который прикрывал путь к Минску (Минская операция).

2 июля – войска Красной Армии совместно с партизанами освободили город Вилейку.

3 июля – начинается операция по освобождению столицы Беларуси. На восточной окраине города бои вел 2-й гвардейский танковый корпус. С южной стороны в битву вступил 1-й гвардейский танковый корпус. К концу дня город был взят.

На востоке и северо-востоке от Минска было завершено окружение более 100-тысячной группировки противника. В Минском «котле» оказались основные силы группы армий «Центр».

После семидневного сопротивления фашистам так и не удалось вырваться из окружения. 70 тыс. гитлеровцев было убито, 35 тыс. – взято в плен.

4 июля – в результате активных боевых действий 4-я ударная армия и правофланговое соединение 6-й гвардейской армии освободили город Полоцк.

Таким образом, 4-го июля завершился первый этап битвы за Беларусь.

4 июля 1944 г. – войска 3-го Белорусского фронта вели бои на рубеже оз. Нарочь – Сморгонь – Молодечно – Красное.

5 июля – комбинированным ударом с севера, востока и юго-востока советские войска вместе с партизанами овладели г. Молодечно.

4–15 июля – соединения 3-го Белорусского фронта с боями продвинулись на 180–200 км на запад и **16 июля** освободили г. Гродно – крупный узел железных и шоссейных дорог, важный укрепленный район обороны фашистов.

8 июля – войска 48-й, 65-й и 28-й армий при поддержке авиации штурмом взяли город Барановичи.

21 июля – части 65-й армии перешли государственную границу СССР в районе Беловежской пущи и вышли на территорию Польши.

27 июля – советские войска замкнули кольцо вокруг Бреста.

28 июля – в результате решительного штурма город был взят. 47-ми соединениям и частям, проявившим массовый героизм при штурме Бреста, были присвоены почетные наименования «Брестских». Так завершилось изгнание фашистов с белорусской земли.

* * *

В результате наступательной операции, проведенной с 23-го июня по 28-е июля силами 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, завершился разгром центральной группировки войск противника.

Потери немцев по главным видам боевой техники и живой силе составили:

– убито более 381000 солдат и офицеров;
– уничтожено самолетов – 631;
– танков и самоходных установок – 2735;
– пушек разных калибров – 8703;
– минометов – 5695;
– автомашин – 57152.

Огромную поддержку войскам Красной Армии оказали белорусские партизаны. За период освобождения в июне-июле 1944 г. они уничтожили более 15 тыс. и взяли в плен 17 тыс. гитлеровцев.

Белорусская наступательная операция по своему размаху является одной из крупнейших не только в Великой Отечественной войне, но и во всей Второй мировой войне.

С обоих сторон, с учетом резервов, в ней участвовали более 4 млн. чел., задействованы около 62000 пушек, свыше 7100 самолетов.

Свыше 1500 советских воинов, принимавших участие в Белорусской операции, удостоены звания Героя Советского Союза. Боевые ордена, медали получили более 402 тыс. солдат и офицеров, 633 соединения и части получили почетные наименования «Минских», «Витебских», «Могилевских», «Бобруйских» и др.

В операции по освобождению Беларуси, продолжавшейся чуть более 2-х месяцев, войска 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов и Днепровской флотилии потеряли 765815 солдат и офицеров, из них без вести пропали 178507 чел.

За время операции советские войска потеряли 2975 танков, 822 самолета, 2447 пушек и минометов.

Великая битва за Беларусь уже стала историей. Историю не повернуть назад. Однако важно помнить главное: когда прокладываешь путь в будущее, нельзя забывать прошлого, его уроки [1–12].

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Акудовіч В.*** Вялікая Айчынная ці Другая сусветная? // Літаратура і мастацтва, 1992, 26 чэрвеня.
2. ***Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945.*** Энцыклапедыя. – Мн., 1990.
3. ***Бурдо А.*** З хронікі баёў за Віцебск // Віцебскі рабочы, 1991, 3 снежня.
4. ***Коршук У.К.*** Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны / В кн.: Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мн., 2000.
5. ***Кузняцоў І.*** Паміж жыццём і смерцю (аб стратах у гады вайны) // Голас Радзімы, 1995, 16 лютага.
6. ***Кушнер В.Ф., Паўлаў Я.С.*** Вызваленне Беларусі: на шляху да Вялікай Перамогі // Беларускі гістарычны часопіс, 1994, № 2.
7. ***Польскі С., Мацюнін С.*** Цана перамогі: Колькі ж ахвяр забрала на Беларусі вайна? // Літаратура і мастацтва, 1990, 6 ліпеня.
8. ***Пономаренко П.К.*** Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. – М., 1986.
9. ***Сидоров В.*** Укрепленные районы. Уроки и выводы // Военный вестник, 1991, № 4. – С. 46–49.
10. ***Тимохович И.В.*** Битва за Белоруссию. 1941–1944. – Мн., 1994.
11. ***Туранок Ю.*** Беларусь пад нямецкай акупацыяй. – Мн., 1993.
12. ***Энцыклапедыя гісторыі Беларусі***. У 6 т.: Т. 1. – Мн., 1993; Т. 2. – Мн., 1994.

SUMMARY

The article is devoted to the 60th anniversary of the liberation of Belarus. The main stages of the "Bagration" campaign which played the important military-strategic role during the Great Patriotic war are revealed. The preparations, the purpose and the tasks set by the Supreme command are described in the article. It also tells of heroism and courage of Soviet soldiers, officers and partisans who liberated Belorussian towns and villages. At the end of the article the author sums up the results of the campaign and the way it affected the further course of the combat operation.

Поступила в редакцию 2.04.2004

УДК 316.66

Л.А. Гащенко

Патриотическая идеология и ее составляющие

Патриотизм и идеология. Идеология и патриотизм. На эту тему в советское время писали очень много и казалось, что она и научно, и идейно уже исчерпана, а ее проблематичность расценивалась скорее как знак идеологической ритуальности. Сегодня актуальность такой связки вновь оживает, но уже в другом историческом контексте.

Как это ни печально, но приходится констатировать: советская эпоха нашей страны, со всеми достижениями в науке, образовании, культуре, технике, равно как и трагичность советского народа, в XX веке закончилась. И доказательство тому – глубинный кризис идеологии, которая еще недавно соединяла самые противоречивые периоды советской истории в нечто единое целое, монолит. Думается, именно распад этой былой идеологической целостности вызвал сегодня у наших граждан социальный шок: растерянность, безысходность, негативизм ко всей предшествующей истории, чувство горечи и страха перед завтрашним днем. Появились общественные настроения, которые связаны с ощущением того, что распался сам ход исторического времени. Между прошлым и настоящим образовалась огромная пропасть. Разорвалась органическая связь между смыслом текущей жизни нынешнего поколения и ценностями прошлой советской истории. В то же время будущее, ее гуманистическая перспектива в настоящее время также отсутствуют.

Понятно, что все это имеет глубокие предпосылки. На наш взгляд, главной из них является утрата значительной частью нынешнего населения пассионарности, которая была столь характерна для прошлых поколений.

В недалеком прошлом «нервом» истории было социальное творчество масс, энергичные темпы которого четко выразил в своей музыке композитор Г. Свиридов («Время – вперед»). Именно активизация социального творчества масс, мобилизация их усилий на создание общества, где свободное развитие каждого должно стать необходимым условием свободного развития всех. К сожалению, эта квинтэссенция всей марксистской идеологии впоследствии была из нее выхолощена. Хотя сама идея и цитировалась во всех партийных документах, но на практике она искажалась. В конечном счете, это и привело к распаду Советского Союза. Следовательно, необходимо вновь разработать такую идеологическую парадигму, которая позволила бы сформулировать ясные и четкие цели грядущего, объединить всех граждан общества, активизировать их энергию, а также заставила бы их поверить в свои собственные силы.

И такой объединяющей идеологией, по нашему мнению, должна стать патриотическая идеология. Именно она отвечает определенным критериям, выделяющим ее значимость, ценность, предпочтительность и актуальность в обществе. По ходу рассуждения мы постараемся раскрыть эти критерии. Сразу оговоримся: ни в советской, ни в постсоветской научной литературе термин «патриотическая идеология» не определялся как таковой. Правда, это

не означает, что не было подходов и попыток выделить его в самостоятельную дефиницию. И по сей день российские и белорусские социологи, философы и политологи ищут пути, чтобы выработать какое-то общеприемлемое понятие «патриотическая идеология».

Однако, мозаичность, разноплановость, сложность и противоречивость трансформационных процессов, протекающих на всем постсоветском пространстве (в том числе и в Республике Беларусь), существенно затрудняют определение значимой парадигмы патриотической идеологии, аналогичной той, которая недавно доминировала в советском обществе.

Наиболее прогрессивным и современным теоретико-методологическим подходом, пытающимся занять и обосновать свое место в пространстве современных интегральных концепций, является упомянутый уже междисциплинарный подход, состоящий в рассмотрении патриотической идеологии не с точки зрения какой-то одной концепции, а через призму целой системы ведущих современных теорий и концепций патриотизма, каждая из которых позволяет обозначить в исследуемом объекте свои специфические, раскрываемые только при данном подходе, особенности содержания и структуры. И хотя зачастую некоторые концепции бывают достаточно удалены друг от друга, тем не менее выявление взаимосвязей между ними дает возможность обнаружить в изучаемом феномене новые аспекты, грани и оттенки, ускользающие от внимания исследователей при монотеоретическом подходе.

Нет смысла приводить различные позиции авторов в трактовке патриотизма, государственной, национальной и интегральной идеологии, поскольку это займет достаточно большой объем страничного материала, к тому же они всесторонне обозначены в представленной литературе. Анализ источников по патриотической проблематике позволил нам дать такое определение понятия «патриотическая идеология». Под ней мы понимаем систему национальных, интернациональных и гражданских взглядов и убеждений как отдельных субъектов, так и социальных групп, социума в целом, отражающих этнополитическую реальность через призму общечеловеческих ценностей. В такой трактовке только патриотизм без уклона к национализму или интернационализму (космополитизму) выступает необходимым условием сохранения мира и гражданского согласия для всех членов общества [1].

Патриотическую идеологию в структуре общественного сознания следует классифицировать по предмету отражения, способу отражения, функциям и социальной роли в обществе, по которым выделяются уже устоявшиеся формы идеологии: политическая, правовая, нравственная и т.д. Вкратце рассмотрим обозначенные критерии.

Предметом патриотической идеологии являются патриотические отношения: отношения граждан к тому месту, где родились и выросли, к своей Отчизне, истории своей страны, национальной культуре, языку, традициям и обычаям своих предков, государственным символам, духовному наследию других этносов.

Патриотическая идеология отражает патриотические отношения через призму своих специфических категорий. Не определяя и не выясняя их соподчиненность в данный момент, укажем на следующее: патриотические ценности, потребности, интересы, цели, идеалы, патриотическая социализация, патриотическая среда, патриотическое, гражданское, национальное и интернациональное воспитание и др. Причем вся эта система категорий высвечивается в органической слитности.

Патриотическая идеология обладает и рядом функций, которые, по сути дела, позволяют ей выполнять социально активную роль в обществе. К ним относятся: гносеологическая, аксиологическая, гуманистическая, историческая, прогностическая и воспитательная. Рассмотрим указанные функции.

Патриотическая идеология, также как и идеология в целом, познает тенденции общественного развития, выявляя сущностные связи и закономерности, что позволяет ей сознательно конструировать новую социальную идентичность, отражать новые смысложизненные ценности. При этом гносеологический потенциал патриотической идеологии нацелен на изучение прежде всего духовного мира субъекта, его повседневных представлений и ценностей. Анализ последних позволяет выяснить степень расхождения между научно обоснованными патриотическими идеалами и обыденным сознанием больших масс людей, как быстро происходит (и происходит ли вообще) замена старых ценностей на новые.

Аксиологическая функция патриотической идеологии дает возможность определить патриотические ценности как социокультурную значимую матрицу, посредством которой оцениваются основные гражданско-патриотические побудители личности, патриотическая среда, этнополитическое пространство в целом. Поскольку аксиологическая проблематика патриотизма достаточно подробно рассмотрена в наших предыдущих публикациях, то отпадает надобность в ее всестороннем освещении [1].

Одновременно патриотическая идеология обладает мощным гуманистическим потенциалом. Гуманистические идеалы имманентны (внутренне присущи) самой идеологии патриотизма и их содержание вытекает из самой природы этносов и этнических групп, из их стремления к свободе, справедливости, деятельному участию в том, что происходит вокруг. Отрицание или непризнание гуманизма приводит к выхолащиванию сути патриотической идеологии. К сожалению, с распадом СССР, упразднением его идеологических оснований под воздействием оппозиционных средств массовой информации определенная часть нынешней молодежи ставит под сомнение подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. Нередко даже можно слышать чрезмерно циничные высказывания: «необходимо было подчиняться более высокой цивилизации – немецкой, и жили бы хорошо».

Вместе с тем, зная какие зверства фашистские захватчики осуществляли на оккупационной территории, советские солдаты проявили гуманность по отношению к немецкому народу. Они оказались выше жажды мести за кровь и страдание своих родных и близких. Более того, гуманистический характер патриотической идеологии советского народа был так значим и велик, что сохранил и немецкую нацию, освободив ее от пут коричневой чумы.

Можно очень много привести цифрового материала, свидетельствующего о гуманности советских солдат. Однако сошлемся на воспоминания немецкого писателя Ганса Фаллада, писавшего о советских военных комендантах, с которыми ему приходилось часто общаться как бургомистру города Фельберга. «...Русские люди потрясли меня, ничего подобного я еще не видел... Где и когда видно это было, чтобы армия-победительница была так великодушна и добра к побежденному народу?... Я видел одержимых комендантов, которые ни себе, ни мне не давали покоя, пока не откроется еще булочная для немцев, пока не пустят электростанцию, откроют кинотеатры, пока не завезут продукты в детскую больницу... Какое вам было до всего этого? Пускай немцы вымрут, подохнут с голода, сойдут с ума – вам-то что до этого? Так даже многие немцы рассуждали в те дни... А мои друзья коменданты... чуть свет поднимали меня с постели и спрашивали: сколько я послал людей на разборку руин, сколько выпечено хлеба и завезены ли овощи. Потом они ездили на поля, проверяли, как идет посевная, как будто это было где-то у них в Рязани, как будто этот хлеб нужен был их детям!» [2].

Воспоминания немецкого писателя настолько очевидны, что просто нет смысла их комментировать. В целом, если будут отсутствовать гуманистиче-

ские идеалы в содержании патриотической идеологии, то это может привести к росту утилитаризма в его самых эгоистических формах: аморализм, коррупция, агрессивность, жестокость, насилие и т.д.

Патриотической идеологии свойственна и функция исторической преемственности, сущность которой заключается в том, чтобы неустанно сохранять непосредственную связь между прошлым, настоящим и будущим. Обновление патриотического сознания невозможно без подлинно научного, то есть основанного на фактах, честного непредвзятого переосмысления исторического опыта. По словам В.И. Ленина, «...действительная история есть база, основа, бытие, за коим идет сознание» [3].

Вместе с тем, обновление знаний и оценок, связанных с историей нашей страны, особенно ее советского периода, протекает далеко не гладко. Взгляды на ряд событий приобретают порой неоднозначный характер. Данная ситуация объясняется не только гносеологическими причинами (сложностью добывания истины в области истории), но и социальными позициями спорящих, их интересами, через которые происходит переосмысление исторических фактов. Переосмысливая исторические события только с негативных позиций, оппозиционно настроенные историки, писатели, публицисты сознательно стремятся нарушить историческую преемственность, что, в свою очередь, значительно затрудняет формирование подлинных гражданско-патриотических качеств личности. Исказив прошлое, данные «идеологи» пытаются сделать послушными подрастающее поколение, дабы оно упрощенно понимало происходящее в обществе.

Безусловно, глубоко аморальна попытка лишить тот или иной этнос (народ в целом) исторической памяти. Ведь последняя – это **основа исторической культуры, лежащей в основе патриотической культуры**. Как считал В. Сухомлинский, «чувство современности то есть сопричастность со всем важным, что происходит сейчас, чувство ответственности за развитие наших дней, неотделимо для нас от другого чувства – чувства истории, сопричастности с прошлым нашей Родины и человечества, ответственности за их будущее. Одно чувство можно назвать горизонтально современности, другое – вертикально, идущей от прошлого к настоящему и будущему. Каждый есть точка пересечения этих координат, он их живое средоточие, воплощение связи времен. В этом реальное, а не мифическое бессмертие смертного человека. Убежден, что духовная зрелость приходит к человеку с **видением жизни своего поколения** как одного из звеньев в бессмертной цепи человечества» [4].

Патриотическая идеология призвана всячески способствовать тому, что на смену догматическому униформизму, апатичному конформизму и деформированному историческому представлению должна прийти живая мысль, наполненная эмоциями, без которых познание истины невозможно.

Истина, взятая в определенных конкретно-исторических условиях и границах, единственна, а мнений по ее поводу может быть много. Но истина в историческом познании не должна зависеть от чьих-то пристрастий, симпатий или антипатий, ей противопоказаны конъюнктурные соображения, субъективизм и волюнтаризм, ее нельзя задрапировать, скажем, в националистические одежды, поставить на службу чьих-либо амбиций.

Настоящее, из которого рождается будущее, всегда многовариантно, содержит выбор между несколькими возможностями, носящими иной раз альтернативный характер. Но поскольку время, включая и историческое, анизотропно (необратимо), то прошлое однозначно, в нем ничего нельзя изменить, подправить, улучшить. История – мудрый учитель. Она передает новым поколениям реальное социально-политическое наследие, в котором все наиболее ценное и значимое служит отправной точкой, фундаментом в решении проблемы сегодняшнего дня и будущего.

Выполняя функцию исторической преемственности, патриотическая идеология тем самым вскрывает определенные исторические закономерности. Мощь, или, как любил говорить Маркс, мускулатура подлинно прогрессивной теории состоит в умении своевременно разглядеть ту, едва заметную, почти неуловимую, ускользающую грань, за которой кончается одна и начинается совершенно другая историческая полоса.

Патриотическая идеология выполняет также и прогностическую функцию, позволяющую моделировать отношение между этносами, их национальными культурами в грядущем, тщательный анализ которой будет дан ниже.

Наконец, патриотическая идеология обладает ярко выраженной воспитательной функцией. Она научно обосновывает технологии патриотической, гражданской, национальной и интернациональной социализации личности.

Обосновав критерии выделения патриотической идеологии в структуре общественного сознания, следует также выяснить и ее составляющие компоненты.

Любое явление необходимо рассматривать как систему со своим набором элементов. Патриотическую идеологию также следует изучать как систему, включающую в себя две важнейшие составляющие: национальную и интернациональную идеологию, которые находятся в тесной диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности; их нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять друг другу.

Под национальной идеологией следует понимать систему взглядов этноса, фиксирующих его социально-экономическое, политическое бытие, национальную культуру, язык, традиции, обычаи, веру и т.д. К интернациональной идеологии можно отнести совокупность идей, отражающих такие важнейшие общечеловеческие ценности, как знание и уважение национальной культуры другого этноса, его обычаев и традиций, неприязнь и борьба с проявлениями различных форм национализма.

Из сопряжения двух идеологических составляющих вытекает, что в качестве равнодействующей будет патриотическая идеология. И как только равнодействующая приближается к национальной идеологии, то происходит «сваливание» к национализму. И, наоборот, приближение равнодействующей к интернациональной идеологии неизбежно приводит к космополитизму. И то, и другое плохо и вредно, и оказывает негативное влияние на патриотическую социализацию современного поколения. Схематично сопряжение двух идеологических составляющих патриотической идеологии изображено на рис. 1–3.

Рис. 1.
Патриотическая идеология

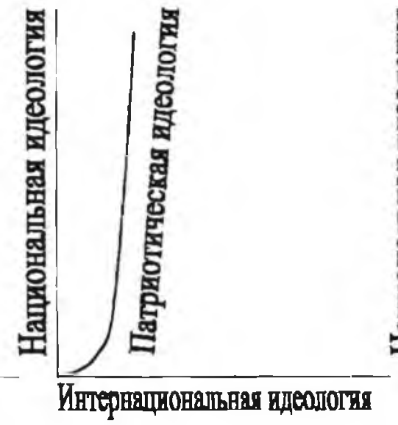


Рис. 2.
Националистическая идеология

Рис. 3.
Космополитическая идеология

В своих предыдущих публикациях мы подробно рассмотрели неправомерность отождествления патриотической идеологии либо с национальной, либо с интернациональной идеологией, либо их противопоставления, указали на социальные, гносеологические и психологические корни национализма [1]. Поэтому, не повторяясь, отметим следующее. И по сей день среди социологов, философов, политологов, лидеров политических партий и движений, публицистов наблюдается определенная методологическая путаница, идет поиск некой виртуальной государственной, патриотической, национальной идеи (редуцированный вариант идеологии). И вновь приводится уже замусоленная аргументация, которая не в состоянии дать ответы на ряд поставленных нами ранее вопросов: способен ли ориентир на национально-государственную идеологию подчеркнуть самобытность, неповторимость и, главное, равноценность этнических начал, шире – культурно-исторических типов? Как национальная идея может выступать в качестве интегративной? Интересы какого этноса в таком случае она будет выражать? Ведь в принципе нет моноэтнических государств, они, как правило, многонациональные. В свою очередь, как интегративная национальная идея будет выступать в качестве «плавильного котла», в котором идеологически оформляются единые духовные ориентиры всех этносов, проживающих на территории Республики Беларусь» [1].

По нашему мнению, государственная идеология – это и есть идеология патриотизма, важнейшими составляющими которой являются: идеи сохранения каждого этноса, этнической группы, их национальной культуры, языка, обычаев, традиций, верований; уважительное отношение к своей истории; взаимообогащение и взаимопроникновение национальных культур; недопущение возникновения националистических тенденций в различных формах их проявления. Только в этом случае можно мобилизовать всех граждан Республики Беларусь на активизацию их усилий для ее процветания и развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Гащенко Л.А.*** Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества: Моногр. для науч. работников по спец. 22.00.01. – теория, методология и история социологии. – Витебск, 2003. – 135 с.
2. ***Якушевский А.*** Гуманность советского солдата // Аргументы и факты, 1985, № 19. – С. 7.
3. ***Ленин В.И.*** Полн. собр. соч. Т. 29. – С. 327.
4. ***Сухомлинский В.*** Потребность человека в человеке. – М., 1978. – С. 77.

SUMMARY

This article deals with the patriotic ideology analysis, its constituents functions and role in the life of the society.

Поступила в редакцию 3.03.2004

УДК 316.33

В.И. Орлов

Социальные функции бизнеса в современном обществе

Анализ социальных функций бизнеса, на наш взгляд, должен опираться на выявление в бизнесе некоего социально-экономического отношения (именно отношения, так как бизнес – это коммуникативная деятельность), которое детерминирует его роль в обществе. Таким отношением является отношение частной собственности. Поскольку проблема частной собственности требует для своего всестороннего анализа вычленения в ней онтологического, системно-структурного, психологического, аксиологического, прагматического и иных аспектов, то и анализ перечисленных аспектов позволит не только полнее выявить сущность частнопредпринимательской деятельности, взаимосвязь последней с другими видами человеческой деятельности, но и рассмотреть те социальные функции, которые реализуют бизнесмены в обществе.

В широком смысле слова «предпринимательская деятельность» не является видовым понятием по отношению к родовому понятию «экономическая деятельность», однако в рамках данного исследования мы будем рассматривать феномен предпринимательства только лишь по отношению к экономической сфере жизни общества. И здесь для нас особенно важно то, что экономика – это не чисто технологический феномен (в противном случае она представляла бы из себя только процесс производства товаров), ее сущность связана с социальными ориентациями и на самом деле она есть процесс формирования производства товаров. Социальная же ориентация экономики означает, прежде всего, что производимые товары и услуги адресованы самым широким слоям населения. Кроме того, экономическая деятельность включает в себя, в качестве своей составной части, метауровень – специальную деятельность по формированию необходимых социальных условий эффективного функционирования экономики.

В силу того, что полнокровная экономика возможна лишь при существовании товара и его обращения, не всякое материальное производство является экономической деятельностью. Материальное производство – экономика лишь тогда, когда оно связано с процессом реализации товаров. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальным явлением. Владелец частной собственности заинтересован не в удовлетворении потребностей общества, а в расширении своего капитала. Однако данное расширение возможно лишь тогда, когда его бизнес носит социально-ориентированный характер. Таким образом, исходной функцией бизнеса является функция социализации экономической деятельности человека. Причем данная функция не просто необходимое условие для реализации остальных функций, но и по своей сущности носит метахарактер: порождая другие функции, она одновременно является и их логическим завершением.

Социализация экономики средствами бизнеса возможна лишь благодаря отношению частной собственности на средства производства. Но институт частной собственности порождает и сам бизнес как таковой. Он является исходным системообразующим элементом особого вида товарного

производства (экономической деятельности) и особой группы людей – организаторов и участников данного производства. Именно анализ частной собственности как необходимого условия существования системы частного предпринимательства подводит нас к выявлению других социальных функций бизнеса. Во-первых, хорошо известно, что развитие частного предпринимательства служит делу стабилизации общества. На наш взгляд, стабилизационная функция – основная социальная функция бизнеса. Она носит сложный интегративный характер, проявляется в различных, взаимосвязанных сферах жизнедеятельности общества. Ограничимся рассмотрением двух из них: экономической и политической.

Известный физик И. Пригожин отмечал, что «в детерминистическом мире риск отсутствует, ибо риск есть лишь там, где универсум открывается как нечто многовариантное, подобное сфере человеческого бытия... именно такое, многовариантное видение мира, положенное в основание науки, с необходимостью раскрывает перед человечеством возможность выбора – выбора, означающего, между прочим, и определенную этическую ответственность» [1]. Именно частная собственность дает возможность существованию экономической деятельности в качестве поливариантного социального универсума. Для того чтобы понять стабилизационный механизм бизнеса, обратимся вначале к обыкновенному маятнику, так как маятниковая система представляет собой исключительно стабильный механизм.

Механическая детерминация колебания маятника вполне возможна: она происходит за счет внешнего воздействия на него. В обществе, построенном только на государственной собственности, экономическая система детерминируется внешним административным принуждением. В этом случае весь риск от экономической деятельности носит внешний характер и сводится к риску административного принуждения. Наличие частного предпринимательства приводит к качественному изменению структуры риска. Последний уже не является только лишь государственным, а распределяется на сотни и тысячи субъектов хозяйственной деятельности. Количественный уровень риска не уменьшился, но благодаря его раздроблению на отдельные составляющие увеличилась степень определенности, стабильности в обществе, независимости общества в целом от негативного воздействия ошибок отдельных индивидов.

Обратим внимание на то, что стабильность экономической жизни общества в данном случае достигается путем создания условий для нестабильного существования отдельных его индивидов – частных предпринимателей, причем последние идут на принятие таких условий добровольно. В США мелкий частный предприниматель имеет доход зачастую ниже дохода рабочего. Однако он удовлетворяется своим положением и не стремится стать рабочим. Более того, разорившись, такой бизнесмен снова и снова стремится «встать на ноги» и организовать собственное дело. Включая подобного рода людей в свою сферу, бизнес способствует гармонизации личных и общественных потребностей. С одной стороны, человеческое общество реализует свою потребность в стабильности, перекладывая ответственность на плечи частных производителей, с другой – индивид реализует свою потребность в свободе, забирая у общества ответственность за результаты своей деятельности. Таким образом, происходит гармонизация общественных и личных интересов, что и является важнейшей социальной функцией бизнеса. «Чем сбалансированнее отношение между частными, и общественным или государственным интересом, – отмечает Ю.А. Замошкин, – тем чаще, полнее, естественнее частный интерес оказывается личной, индивидуальной формой воплощения

интереса государства или иной коллективности. И тем чаще частный интерес человека побуждает его активно участвовать в реализации интересов государства, в других коллективных образованиях и социальных движениях. Интерес общественный и государственный становится продолжением частных интересов людей» [2].

Развитие частного предпринимательства служит не только экономической, но и политической стабилизации общества. Хорошо известно, что «пролетариату нечего терять», однако современному рабочему в капиталистическом обществе терять есть что: он зачастую является владельцем акций того предприятия, на котором трудится. И он заинтересован не в социалистической революции, а в успешной работе акционерного предприятия. Улучшая жизненный уровень рабочих, привязывая их доход к доходу предприятия, бизнес тем самым препятствует включению последних в дестабилизирующую общество революционную деятельность. Но этого мало. Отнюдь не выходцы из рабоче-крестьянской среды были вождями и являлись наиболее активными деятелями революционных движений. Согласно теории Л.Н. Гумилева, во главе таких движений идут люди, обладающие повышенным уровнем пассионарности. Пассионарии обладают повышенной тягой к действию и стремлением к риску. Они стремятся изменить окружающий их мир и способны на это. «Обычно, – отмечал Л.Н. Гумилев, – у людей, как у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше, чем необходимо, то человек формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений» [3]. Большинство бизнесменов – это люди с повышенным уровнем пассионарности: агрессивно-активные, склонные к риску, стремящиеся быть лидерами и обладать властью. Именно в бизнесе они находят «мирное» применение своим социально специфическим способностям. Давно замечено, что если государство не дает выхода этим качествам в области частнопредпринимательской деятельности (то есть в области созидания), то индивид направит их на разрушение общества. И наоборот, чем больше активно-агрессивных людей занято собственным бизнесом, тем меньше их будет заниматься политикой, и, следовательно, тем социально стабильнее будет общество в целом.

Социально-стабилизационная функция бизнеса находит еще одно объяснение. Любая организованная социальная группа всегда социально стратифицирована. До эпохи развития системы частного предпринимательства иерархия в западном обществе носила статический характер: положение человека в жизни определялось его рождением, грань между различными социальными группами была жесткой, переход из одного социального уровня в другой был либо в принципе невозможен, либо крайне затруднен. В современном западном обществе в рудиментарной форме сохранились элементы подобного рода общественного устройства, но в целом система частного предпринимательства разрушила старую иерархическую лестницу, заменив ее принципиально новой: стратификацией людей по уровню материального дохода. «Нет необходимости говорить, – утверждал П.А. Сорокин, – что в настоящее время накопление богатств – один из самых простых и действенных способов социального продвижения. Преуспевающий предприниматель – крупнейший аристократ современного демократического общества. Если человек богат, то он находится на вершине социального конуса, вне зависимости от своего происхождения и источника доходов» [4]. Таким образом, именно бизнес вводит принципиально новую иерархию в общество – иерархию динамического, мобильного типа. Контуры структуры размыты, жестко не ог-

раничены, но, с другой стороны, степень социальной энтропии в таком обществе, по крайней мере, не выше, чем в обществе с господством иерархии статического типа.

Важнейшей социально-политической функцией бизнеса является охранительная, антитоталитаристская функция. Одной из сущностных характеристик тоталитарной системы, как известно, является ее ориентировка на слитность, как бы единство без различий всех без исключения сфер жизни человеческого общества. При тоталитаризме политическая и экономическая власть, по существу, тождественны между собой. Однако при отсутствии экономической свободы выбора нет, и не может быть никакой подлинной политической свободы. И наоборот – наличие частного предпринимательства является серьезным препятствием для установления тоталитарного режима.

Известно, что определенный уровень экономической свободы может существовать в обществе и при резком ограничении политических свобод (в качестве примера достаточно привести Чили времен диктатуры Пиночета). Однако обратное утверждение не верно: без экономической свободы политической быть не может. Свободная экономика – это система свободной конкуренции, основанная на свободном владении частной собственностью. «Свобода выбора в конкурентном обществе, – считает нобелевский лауреат по экономике Ф. Хайек, – основана на том, что если кто-то отказывается удовлетворить наши запросы, мы можем обратиться к другому. Но, сталкиваясь с монополией, мы оказываемся в ее полной власти» [5]. Вот почему свободная экономика является необходимым и достаточным условием отсутствия тоталитаризма, т.к. при ее наличии нет слияния политической и экономической сфер жизни общества. Она является также только лишь необходимым, а отнюдь не достаточным, условием наличия подлинных политических свобод.

Естественно, что при определенных условиях бизнес (речь идет в первую очередь о крупном бизнесе) как гарант политических свобод может со временем превратиться в свою противоположность. Тенденция к слиянию экономической власти с политической отчетливо прослеживается на Западе. Хорошо известно, что, например, в США многие политические кампании финансируются представителями большого бизнеса. Существуют «нефтяные», «автомобильные» и другие сенаторы, которые отстаивают интересы крупного монополистического капитала в ущерб интересам всего общества. Кроме того, бизнес во многом контролирует деятельность средств массовой информации, тем самым объективно ограничивая их свободу на независимое и беспристрастное освещение событий. Американский журнал «Факт» в своем рекламном объявлении выдвинул следующее обвинение против бизнеса: «Как могут журналы «Лайф», «Пост» и «Ридерс Дайджест» позволить себе рассказать всю правду о скандально низкой питательной ценности большинства фасованных пищевых товаров..., если субсидируются эти издания таким рекламодателем, как «Дженерал Фудз», «Келлог», «Набиско», «Дженерал миллз»? Ответ – не могут и не делают этого» [6].

Бизнес – явление противоречивое, в том числе противоречивы и те функции, которые он выполняет в обществе. Неудивительно, что противоречивы и оценки этих функций различными учеными. Так, например, известный австрийский биолог и философ К. Лоренц следующим образом оценивает социально-психологические последствия конкурентной борьбы в сфере частного предпринимательства, с точки зрения его теории селективного отбора обществом господствующего психологического типа поведения людей: «Трудно увидеть какие-либо селективные преимущества, которые хоть один человек сегодня мог бы извлечь из обостренного чувства ответственности или из-за

добрых естественных наклонностей. Скорее следует серьезно опасаться, что нынешняя коммерческая организация общества своим дьявольским влиянием соперничества между людьми направляет отбор в прямо противоположную сторону» [7]. Таким образом, рассматривая внутривидовой отбор среди людей, Лоренц приходит к выводу, что конкуренция в бизнесе играет в этом отборе такую же негативную роль, как и войны в докапиталистическую эпоху.

Следовательно, имеются серьезные основания считать, что современный бизнес выполняет селекционную функцию. Эта функция неотделима от жесткости конкуренции. Причем наиболее жесткая экономическая конкуренция бывает, как правило, на внутреннем рынке. В этом нет ничего удивительного, так как человек – существо конкурирующее. Не оценивая данный факт с моральной точки зрения, можно сказать, что, не имея возможности проявлять свои агрессивные свойства, индивид тем самым ставит себя в состояние острого противоречия между социальными нормами и биологическими свойствами организма. Вот почему, на наш взгляд, система частного предпринимательства способна эффективно направлять биологическую агрессию в социально безопасное русло. Бизнес, однако, не просто соперничество, а это бескровная война. Следовательно, не только социальной, но и психологической стабильности в обществе. вопреки утверждению Лоренца, он проводит не просто селекцию в обществе в сторону увеличения в нем агрессивности, а, как мы полагаем, перераспределяет эту агрессивность, качественно модифицирует ее, что, согласно гегелевской диалектике, не может не вести к ее количественному уменьшению. Таким образом, система частного предпринимательства способствует не только социальной, но и психологической стабильности в обществе.

Рассматривая социальные функции бизнеса, важно видеть их взаимосвязи с характером социального отчуждения человека от труда. Смысл этого отчуждения человека от труда не только в том, что современный труд требует узкой специальности, но и в утрате чувства ответственности человека за конечный результат своих действий. Это, в свою очередь, не может не менять социальный характер отношения человека к своему труду. По мнению немецкого философа Романо Гвардини, «...оно тоже становится по преимуществу косвенным, абстрактным и деловым. Труд нельзя больше переживать – можно только исчислять и контролировать. Но в связи с этим возникает ряд трудноразрешимых вопросов. Ведь человек – это то, что он переживает; чем же он будет теперь, если его дело не дает пищи его переживанию? Ответственность означает, что человек держит ответ за все, что он делает, – переход всякого предметного действия в этическое свойство; что же представляет собой человеческая ответственность, если действие не имеет больше конкретного облика, протекая в аппаратах под покровом формул и цифр?» [8]. Таким образом, современность характеризуется неизвестными ранее социальными характеристиками отчуждения человека от результатов своего труда.

Преодолению неизвестных мыслителям XIX столетия социальных характеристик отчуждения наша цивилизация может противопоставить переосмысление роли собственности. Последняя может стать главным условием формирования необходимой для личности ответственности, т.е. полную ответственность в своей жизни человек может нести лишь за свое или за то, что считает своим. Наличие частной собственности дает чувство этой ответственности и препятствует отчуждению от труда. Хотя в своей деятельности чаще всего бизнесмен оперирует цифрами прибыли, важно видеть, что за этими цифрами стоит реальное (экономическое и социальное) Дело, за кото-

рое он отвечает. Вот почему бизнес выполняет в обществе своеобразную функцию социально-психологического смягчения отчуждения, обеспечивая человеку через разные формы собственности ощущение сопричастности к общему Делу. С помощью же сопричастности достигается высокий уровень гармонизации личных и общественных интересов.

Конечно, нельзя думать, что бизнес является единственным (и единственным для всех) способом гармонизации личных и общественных интересов. Как отмечалось, склонность к риску не является характерной чертой всех людей. Частная собственность для многих ограничивается наличием собственного жилья, автомобиля и других атрибутов устойчивого материального благополучия. Но для части людей именно бизнес – это наиболее адекватная форма реализации их творческого потенциала. Вот почему одной из социальных функций бизнеса является функция снятия противоречия между личным стремлением человека к реализации своего творческого «Я» и интересами общества.

Сопричастность к общему Делу – это особая коммуникация, а гносеологические и коммуникативные компоненты социально-экономических оснований бизнеса есть конкретная форма проявления сущности хозяйственной деятельности человека вообще. Как было доказано С.Н. Булгаковым, познание – не только гносеологическое, но и социально-философское понятие, вид хозяйственной деятельности. «Все знание, – отмечал он, – есть хозяйственное моделирование в ставимых вопросах будущих ответов... В этом смысле знание есть хозяйственная деятельность, выход субъекта я в не-я (точнее, в еще не-я), и в каждом познавательном акте осуществляется изначальное тождество я и не-я, субъекта и объекта. ...Хозяйство есть процесс знания, сделавшийся чувственно-осязательным, выведенный наружу, а познание есть тот же процесс, но в идеальной, нечувственной форме. И там, и здесь по-своему преодолевается противопоставление субъекта и объекта, в обоих процессах обнаруживается одна и та же метафизическая основа, именно тождество субъекта и объекта, и жизнь раскрывается как постоянное выявление, углубление и обнаружение этого тождества вместе с преодолением этой полярности. И путь этого преодоления, он же и путь жизни, есть труд. Всякое сознательное, преднамеренное преодоление противоположности субъекта и объекта в сфере идеальной или чувственной есть трудовое действие» [9]. Таким образом, бизнес имеет и коммуникативные, и социально-психологические, и гносеологические, и онтологические социально-экономические основания. Конкретнее это может означать следующее. Если бизнес – это не только деятельность по организации производства, познания, то бизнесмен – особый субъект, организатор познания. Это положение подтверждается историей функционирования и развития науки за последние столетия. Известно, что потребности частного предпринимательства были нередко основным «двигателем» научных исследований. С другой стороны, никогда еще наука не развивалась такими бурными темпами, как во времена становления системы капиталистического способа производства. На это обращали внимание не только К. Маркс и его последователи, но, например, известный русский ученый Д.И. Менделеев, считавший, что развитие предпринимательства требует существования не только частных капиталов, развития в народе определенных нравственных и политических качеств, уважения к труду, самостоятельности, свободы, но и развития науки [10].

Таким образом, бизнес выполняет в обществе и гносеологические функции. Эти функции не ограничиваются тем, что система частного предпринимательства способствует организации процесса познания. С помощью этой

системы, как уже отмечалось, происходит эффективное накопление культурного потенциала, а также человеческое расширение этого потенциала путем распространения новых знаний и формирования у людей ранее не существовавших потребностей.

Итак, на наш взгляд, именно частная собственность является той базой, опираясь на которую система частного предпринимательства выполняет свои многочисленные социальные функции в современном обществе. Однако, из данного положения не следует вывод о том, что иные формы собственности (например, государственная) на средства производства с прагматической точки зрения вообще не нужны. Напротив, наилучший экономический результат получается при нахождении правильного комбинирования государственной и частной собственности. Чаще всего, это такая комбинация, в которой государственная собственность выполняет не самостоятельную, а связанную с развитием частного предпринимательства функцию. Например, государство занимается строительством железной дороги с целью создания условий для освоения новых территорий не им самим, а бизнесменами, которые будут только использовать государственную собственность – железную дорогу.

Важнейшим же социальным последствием деятельности бизнесменов в мировом масштабе явилось становление единой, охватившей большую часть нашей Земли цивилизации, базирующейся на различных культурах. По мнению А.И. Ракитова: «Цивилизация возникает благодаря особой социогенной функции технологии. Технология создает, порождает и конструирует адекватную ей нормативно-регулятивную среду обитания, в которой оно живет и развивается... Цивилизация выражает нечто общее, рациональное, стабильное. Она представляет собой систему отношений, закрепленных в праве, в традициях, способах делового и бытового поведения. Они образуют механизм, гарантирующий функциональную стабильность общества. Цивилизация, следовательно, фиксирует общее в сообществах, возникающих на базе однотипных технологий» [11]. Вот эта-то однотипная технология и лежит в основе жизни тех стран, где экономическое процветание достигнуто на базе системы частного предпринимательства. Конечно, становление единого цивилизационного пространства лишило мир культурного разнообразия, так как культура является выражением индивидуального начала любого общества.

Характерной чертой этой цивилизации, наряду с наличием универсальной технологии, является высочайший уровень жизни жителей тех стран, которые образуют ядро цивилизации. Однако на периферии цивилизации этот уровень намного ниже. Причем материальное неравенство между «богатыми» и «бедными» странами за последнее время увеличилось. «За последние 15 лет, – отмечает российский экономист А. Уткин, – доход на душу населения снизился в более чем 100 странах, потребление – в более чем 60 странах. С распадом Советского Союза примерно 150 миллионов человек, что равно совокупному населению Франции, Великобритании, Нидерландов и Скандинавских стран, впало в нищету» [12]. В ближайшее время можно ожидать лишь увеличения пропасти между ядром цивилизации и ее периферией. Данной тенденции во многом будет способствовать то, что: «Технологический обмен и военная взаимопомощь осуществляются преимущественно внутри довольно узкой сферы Северной Атлантики и Восточной Азии. Более 90% прямых иностранных инвестиций не покидают круг развитых стран» [12]. В последнее время происходит даже отток капиталов из бедных стран в богатые. Такое положение дел привело к тому, что некоторые страны оказываются выброшенными на обочину техногенной цивилизации.

Следующим важнейшим отрицательным последствием бизнеса, на наш взгляд, явилась широчайшая коммерциализация всех сфер человеческой жизни. В настоящее время меркантильные моменты проникли практически во все сферы человеческой деятельности. Для того, чтобы преодолеть отмеченные нами негативные последствия, необходимы не только и не столько действия в экономической сфере. Дело в том, что бизнес не является самодостаточной и саморегулируемой (даже в экономическом аспекте) системой. Вот почему рыночные силы, возведенные в абсолют, способны лишь разрушить всю систему частного предпринимательства. Без соответствующей социальной подпитки бизнес утратит свой исходный социальный смысл и станет угрозой для всего человечества.

В заключение отметим, что бизнес является исключительно многогранной сферой человеческой деятельности. Его существование предполагает наличие развитых отношений не только в рамках системы «производитель-продавец – покупатель», но и в более общей социальной системе. Как уже отмечалось, бизнес – это не просто производство, основанное на частной собственности, это – деятельность по организации производства в условиях рыночной экономики. Таким образом, в системе предпринимательской деятельности мы можем выделить как собственно экономическую, так и организационно-управленческую подсистемы, функционирующие по своим специфическим законам. Соответственно, объясняя социальную роль бизнеса, мы должны оценивать ее не только в рамках чисто экономических категорий. В целом же вопрос о сущности, содержании бизнеса и его роли в жизни общества оказывается вопросом о смысле человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Пригожин И.*** Философия нестабильности // Вопросы философии, 1991, № 6. – С. 52.
2. ***Замошкин Ю.А.*** Частная жизнь, частный интерес, частная собственность // Вопросы философии, 1991, № 1. – С. 14.
3. ***Гумилев Л.Н.*** От Руси до России. – М., 1997. – С. 30.
4. ***Сорокин П.А.*** Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – 403.
5. ***Хайек Ф.А.*** Дорога к рабству. – М., 1992. – С. 175.
6. ***Котлер Ф.*** Основы маркетинга. – М., 1995. – С. 631.
7. ***Лоренц К.*** Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии, 1992, № 3. – С. 24.
8. ***Гвардини Р.*** Конец нового времени // Вопросы философии, 1991, № 4. – С. 48.
9. ***Булгаков С.Н.*** Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1993. – С. 129.
10. ***Менделеев Д.И.*** Заветные мысли: Полное издание. – М., 1995. – С. 321.
11. ***Ракитов А.И.*** Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии, 1992, № 5. – С. 7.
12. ***Уткин А.*** Кто управляет мировой экономикой? // Беларуская думка, 2000, № 11–12. – С. 61.

SUMMARY

The article highlights the stabilizing, the antitotalitarian, the selecting, the cognitive and other social functions of business in a modern society. The article shows the private property of means of production is the main relationship which determines the social role of business.

Поступила в редакцию 9.01.2004

УДК 130.2:8

В.І. Уткевіч

Міфалогія і мастацкая літаратурная творчасць

Тэрмін *міфалогія* ў сучаснай навуковай літаратуры разглядаецца ў некалькіх сэнсавых значэннях, што адрозніваюцца адно ад аднаго. У рэчышчы дадзенага артыкула мы будзем выкарыстоўваць гэты тэрмін не як цэласную сукупнасць міфаў, не як пэўную ідэальную сістэму, у якой адлюстроўваюцца галоўныя існасныя рысы канкрэтных міфаў, але як спецыфічны тып мыслення, як пэўны светапогляд.

Найбольш відавочнае праяўленне міфалогіі як апірышча літаратурнай творчасці – знешняе, фармальнае – як запазычанне сюжэтаў мастацкіх твораў. «Даўно заўважана, – адзначае знакаміты расійскі літаратуразнаўца Я. Меляцінскі, – што сюжэты, матывы, паэтычныя вобразы і сімвалы часта паўтараюцца ў фальклоры і літаратуры. І чым больш старажытная ці архаічная гэтая слоўная творчасць, тым паўтарэнне гусцейшае» [1]. Можна сцвярджаць, што цікавасць да міфалогіі заўсёды прысутнічала ў літаратуры з моманту яе ўзнікнення. Але ў гісторыі літаратуры вылучаюцца перыяды асаблівай увагі да міфаў. Гэта, напрыклад, эпоха Рэнесансу, якая поўнасцю вычарпала міфалогію грэка-рымскай антычнасці. Затым – рамантызм, які абвясціў лозунг вяртання да міфалогіі нацыянальнай і хрысціянскай. Натурфіласофскія погляды рамантыкаў прыводзілі і да шырокага выкарыстання імі вобразаў так званай «ніжэйшай міфалогіі». З пачатку XVIII стагоддзя адбылася дэміфалагізацыя літаратуры, але ненадоўга. Чарговы ўсплеск цікавасці да міфалогіі прыйшоўся на канец XIX – пачатак XX стагоддзя. Зварот да міфалогіі на мяжы XIX–XX стагоддзяў значна адрозніваецца ад рамантычнага, хоць і называецца тэрмінамі «неарамантызм», «неаміфалагізм». Даследчыкі вызначаюць наступную асаблівасць звароту да міфаў на мяжы стагоддзяў: пісьменнікамі і паэтамі шырока выкарыстоўваліся міфалагічныя вобразы і сюжэты, але разам з тым з'яўляецца тэндэнцыя да стварэння «аўтарскіх міфаў», у якіх сам міф складана пераплятаецца з вострымі тэмамі сучаснасці, з гісторыяй народаў і краін, з іншымі міфамі. Такія, напрыклад, творы Д. Джойса, Т. Мана, А. Белага і г.д. «У еўрапейскай літаратуры, – характарызуе гэты працэс Я. Меляцінскі, – мае месца наўмыснае маніпуліраванне традыцыйнымі міфамі і старажытнымі сюжэтамі, не без аглядкі на сучасную навуку і філасофію. Міфы пры гэтым прыцягваюцца (хай цаной нейкай іроніі) для выяўлення менавіта вечных пачаткаў чалавечай псіхалогіі і нават, асабліва, для аналізавання яе сучасных няшчасцяў, такіх, напрыклад, як «адчужэнне» і сацыяльная адзінота, няшчасцяў, зусім немагчымых у архаічных грамадствах» [1, с. 42].

Звернем увагу на тое, што запазычанне міфалагічных сюжэтаў мае паза нацыянальны характар. Дадзены літаратурны феномен, на наш погляд, тлумачыцца сімвалічнасцю міфа, яго максімальнай абагуленасцю. Дзякуючы шырыні семантыкі і сімволіцы міфалагічны вобраз уладарыць над часам, з'яўляецца наднацыянальнай і надсацыяльнай існасцю. А. Лосеў, адзначаючы гэтую асаблівасць, пісаў: «Усякі міф з'яўляецца сімвалам ужо таму, што ён мысліць сабе агульную ідэю ў выглядзе жывой істоты, а жывая істота бясконцая па сваіх магчымасцях» [2]. Бясконцасць міфа таксама

і ў невычарпальнасці сюжэту. Арфей спускаецца ў пекла, Сізіф падымае ўгару камень, Пігмаліён цалуе статую... Сюжэт складаецца з дзеянняў без прычынна-выніковых тлумачэнняў. Гаворачы пра каузальнасць старажытных стваральнікаў міфаў, М. Макоўскі пісаў наступнае: «Наша каузальнасць... з вывядзеннем з прычын выніку, – наша каузальнасць была яму незнаёмая. Прычына адной з'явы ляжала для яго ў з'яве сумежнай. Так атрымоўваўся ланцужок прычын і вынікаў у выглядзе кола, замкнутай лініі, дзе кожны член рада быў і прычынай, і вынікам. Такая прычыннасць выклікала ўяўленне аб навакольным як аб нязменнасці, якая змяняецца» [3]. Адзначаная спецыфіка міфа дае магчымасць для яго новых арыгінальных інтэрпрэтацый, мастацкіх рэалізацый.

Калі размова ідзе пра міфалогію як аснову мастацкай літаратурнай творчасці, то сама аснова вельмі часта разумеецца як мадэль, правобраз. Можна адзначыць і канкрэтнае выкарыстанне міфаў у якасці правобразаў цэлых літаратурных жанраў. «З міфа, – адзначае Т. Шамякіна, – узнік гераічны эпас, у якім героі відавочна паходзяць ад першапродкаў – культурных герояў. іх ворагі, як правіла, міфічныя пачвары-змеі, цмокі, цыклопы, Салавей-разбойнік, Кашчэй і г.д. Пазней пачвары змяняюцца на ворагаў з чужога народа. Прычым напачатку на другім плане яшчэ дзейнічаюць і багі – у паэмах Гамера, у эпасе пра Гільгамеша» [4].

Аднак уплыў міфалогіі на развіццё мастацкай літаратурнай творчасці далёка не вычэрпваецца толькі знешнім, сюжэтным уплывам. Міфалогія – гэта асобае мысленне, мысленне цуду. Далёка не выпадкова, што менавіта ў XVIII стагоддзі ўплыў міфалогіі на еўрапейскую літаратуру значна паслабеў. Справа ў тым, што ў гэты час Еўропай завалодала так званае «калькуліруючае мысленне» (па тэрміналогіі М. Хайдэгера). І калі ў папярэднія эпохі прырода, свет у цэлым уяўляліся чалавеку як нейкая таямніца, спалучаная з цудам, то ў Новы час становішча радыкальна змянілася. «Мир теперь представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, – піша М. Хайдэгер. – перед которыми уже ничто не сможет устоять. Природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности. Это, в принципе техническое, отношение человека к мировому целому впервые возникло в семнадцатом веке и притом только в Европе. Оно было долго незнакомо другим континентам. Оно было совершенно чуждо прошлым векам и судьбам народов» [5]. Вяртанне да міфалогіі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя ў еўрапейскай літаратуры – гэта своеасаблівая інтэлектуальная рэакцыя на пануючае ў грамадстве пазітывісцкае калькуліруючае мысленне, вяртанне да таямніцы прыроды як да нейкай арганічнай сусветнай цэласнасці.

Міф як цэласнасць, як сінкрэтычны вобраз свету прызнаецца большасцю даследчыкаў. У працы старажытнагрэчаскага філосафа Платона «Пір» прыведзены міф пра двухполых людзей-андрагінаў. Гэтыя людзі, яднаючы ў сабе мужчынскі і жаночы пачаткі, нашмат перасягалі звычайных людзей у сваёй моцы. Зеўс, каб паслабіць іх, рассек напалам. І тады рассечаныя паловы пачалі шукаць адна другую. Словамі Арыстафана Платон называе гэта імкненне каханнем. «Таким образом, – піша ён, – любовью называется жажда целостности и стремление к ней. Прежде, повторяю, мы были чем-то единым, а теперь, из-за нашей несправедливости, мы поселены богом порознь» [6].

Так, прасочваецца наступны ланцужок. Каханне ёсць імкненне да цэласнасці. Дадзенае імкненне знаходзіць сваю актуалізацыю ў міфалогіі. Сапраўдная нацыянальная, укаранёная літаратура заўсёды заснавана на любові аўтара да свайго народа. Вось чаму міфалогія з'яўляецца краевугольным камнем мастацкай творчасці менавіта такіх пісьменнікаў.

Адзначым, што каштоўнасць міфалогіі як цэласнасці двайная. Па-першае, па спосабе мыслення кожны міф уяўляе сабой інтэлектуальнае цэлае – гэта як кропля вады, якая ўяўляе сабой цэласны элемент, нават калі ўзялася з акіяна. А, па-другое, міфалогія структурна цэласная: дастаткова паглядзець на егіпецкую, індыйскую ці старажытнагрэчаскую міфалогію, каб прасачыць у іх наяўнасць сістэмы, што валодае рысамі ўсеагульнага цэлага. Такая двайная цэласнасць і з'яўляецца адным з фактараў таго, што калі міфалогія рэалізуе сябе ў якасці апірышча мастацкай літаратурнай творчасці, яна спрыяе нараджэнню арганічна цэласных літаратурных твораў.

Аднак прыцягненне міфалагічнага поля неабходна тлумачыць зыходзячы не толькі з уласцівасцей міфалогіі, але і з псіхалагічных якасцей пісьменнікаў, што апынуліся ў радыусе дзеяння гэтага поля. Як правіла, гэта людзі з ярка выяўленымі рысамі магічнага мыслення. Сацыяльная рэчаіснасць не задавальняе іх, але змены існуючага становішча яны часта бачаць як працэс цудоўнага магічнага пераўтварэння мастацкай формы ў сацыяльную рэчаіснасць. Творы такіх аўтараў маюць характар не проста сацыяльнай утопіі, а менавіта магічны. У якасці своеасаблівай магічнай сілы ў літаратурных творах могуць з'яўляцца і элементы ўласнай міфатворчасці пісьменніка. У гэтым выпадку яны выступаюць ў якасці нейкага сталага лейтматыву, які праходзіць праз увесь мастацкі твор. І пра што б не пісаў аўтар, яго словы валодаюць уласцівасцю цэнтраімклівасці (якая часам і не ўсведамляецца пісьменнікам), гэта значыць імкненнем да створанага ім сацыяльнага міфа – магічнага цэнтру твора. Усякі міф, з семіятычнай кропкі гледжання, можна лічыць тэкстам, што застаўся нам ад далёкіх продкаў (за выключэннем, зразумела, так званых сучасных міфаў). Такога кшталту тэкст валодае адной важнейшай інфармацыйна-камунікатыўнай уласцівасцю. «Здавалася б, – адзначае ў сувязі з гэтым знакаміты расійскі літаратуразнаўца Ю. Лотман, – што тэкст, праходзячы праз стагоддзі, павінен сцірацца, губляць змешчаную ў ім інфармацыю. Аднак у тых выпадках, калі мы маем справу з тэкстамі, што захоўваюць культурную актыўнасць, яны выяўляюць здольнасць збіраць інфармацыю, гэта значыць здольнасць памяці. Зараз «Гамлет» – гэта не толькі тэкст Шэкспіра, але і памяць пра ўсе інтэрпрэтацыі гэтага твора і, больш таго, памяць пра тыя гістарычныя падзеі, што знаходзяцца па-за тэкстам, але з якімі тэкст Шэкспіра можа выклікаць асацыяцыі» [7]. Але мастацкі твор у імпліцытнай форме змяшчае ў сабе не толькі задуму аўтара, але і прачытанне гэтай задумы чытачом. Вось чаму міфалогія, якая ляжыць у аснове мастацкай літаратурнай творчасці, дазваляе нам разумець мастацкі твор у суадносінах з іншымі творамі, што выкарыстоўваюць дадзены ці аналагічны міф. Можна прасачыць літаратурную гісторыю разгортвання міфа ў мастацкіх (і не толькі літаратурных) творах, а праз гэта зразумець, напрыклад, сапраўдную ўзаемасувязь старажытнагрэчаскага міфа з сучаснасцю. Зразумела, такой уласцівасцю (але значна ў меншай ступені) валодае і літаратура, пабудаваная на навукова дакладных звестках, падзеях.

Такім чынам, выкарыстаны ў літаратурным творы міф цягне за сабой усеагульнасць яго інтэрпрэтацыі. А значыць, міфалагізацыя літаратуры ўяўляе сабой спробу мастацкімі сродкамі пераадолець дыстанцыю паміж канкрэтна-побытавым індывідуальным (і нават нацыянальным) існаваннем, з аднаго боку, і шырокімі памерамі аўтарскага абагульнення – з другога. У XX стагоддзі ў рамках «неаміфалагічных» літаратурных твораў ступень абагуленасці значна ўзрасла за кошт панміфалагізму, які прыраўноўвае «... міф, мастацкі тэкст, а часта і атаясамленыя з міфам гістарычныя сітуацыі... Але, з другога боку, такое прыраўноўванне міфа і твораў мастацтва прыкметна пашырае агульны малюнак свету ў «неаміфалагічных» тэкстах. Каштоўнасць архаічнага міфа, міфа і

фальклору аказваецца не супрацьпастаўленай мастацтву больш позніх эпох, а складана супастаўленай з вышэйшымі дасягненнямі сусветнай культуры» [8]. Менавіта такое супастаўленне і вядзе да пашырэння ступені абагульнення ў літаратурным творы.

З'яўляючыся асновай мастацкай літаратурнай творчасці, міфалогія можа выкарыстоўвацца пісьменнікам не толькі ўключэннем у твор аднаго ці некалькіх міфаў, але і асобных яго структурных адзінак, у першую чаргу – архетыпаў.

Тэрмін «архетып» быў упершыню ўведзены ў старажытнагрэчаскай філасофіі. У перакладзе са старажытнагрэчаскай мовы ён значыць «пачатак вобраза», інакш кажучы – «правобраз». Сваё першае дадатковае выражэнне архетып атрымаў у міфах. «Пра-образ, или архетип, – лічыў К. Юнг, – есть фигура – будь то демона, человека или события, – повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия. Соответственно мы имеем здесь в первую очередь мифологическую фигуру. Подробнее исследовав эти образы, мы обнаружим, что в известном смысле они являются сформулированным итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда предков: это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа. Усредненно отображая миллионы индивидуальных переживаний, они дают таким путем единый образ психической жизни, расчлененный и спроецированный на разные лики мифологического пандемонизма» [9]

Пабудову тэорыі архетыпаў К. Юнг пачынаў з вылучэння ў чалавечым мысленні так званага калектыўнага несвядомага. Апошняе, на яго думку, ёсць не што іншае, як старажытнейшыя, спакон веку існуючыя ўсеагульныя вобразы. Такія вобразы яшчэ, аднак, не з'яўляюцца архетыпамі, спачатку калектыўнае несвядомае павінна быць нейкім чынам злучана з індывідуальнай свядомасцю асобнага чалавека. «По существу, – пісаў швейцарскі вучоны, – архетип представляет то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым: оно претерпевает изменения, под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает» [9, с. 99].

Паняцце «архетып» шырока выкарыстоўваецца зараз не толькі ў тэорыі міфалогіі, але і ў літаратуразнаўстве, у прыватнасці, у параўнальным літаратуразнаўстве, што тлумачыцца тым, што тоесныя па сваім характары архетыпічныя вобразы і матывы можна выявіць не толькі ў міфах розных народаў, запазычанні паміж якімі былі немагчымыя, але і, як вынік, у розных літаратурах. Сам К. Юнг (у канцэпцыі якога правобраз ці архетып якраз і мае універсальны характар, – з'яўляецца набыткам усяго чалавецтва), улічваючы такую ўзаемасувязь архетыпаў з літаратурай, лічыць, што пры аналізе мастацкіх твораў самым галоўным з'яўляецца пытанне пра тое, «... к которому пра-образу коллективного бессознательного можно возвести образ, развернутый в данном художественном произведении» [9, с. 282].

Падзяляючы ў цэлым канцэпцыю швейцарскага вучонага, мы аднак удакладнім, што, па-першае, мэтазгодна гаварыць пра архетыпы дзвюх ступеняў абагуленасці: агульныя, уласцівыя ўсім народам, і нацыянальныя, уласцівыя толькі асобным народам ці групам народаў. А, па-другое, у ягонай канцэпцыі міфалогія, у сутнасці, зводзіцца да псіхалогіі. Адзначыўшы гэтую асаблівасць у самога К. Юнга, а таксама ў яго паслядоўнікаў, расійскі даследчык міфаў Я. Меляцінскі піша, што «... узаемаадносіны ўнутранага свету чалавека і навакольнага прыроднага і сацыяльнага асяроддзя – не ў меншай меры прадмет міфалагічнага ўяўлення, чым суадносіны несвядомага і свядомага ў душы, што знешні свет – не толькі матэрыял для апісання ўнутраных канфліктаў, і што жыццёвы шлях чалавека адлюстроўваецца ў міфах і казках у плане суадносін

асобы і соцыума, асобы і космасу ў большай меры, чым у плане канфрантацыі (гарманізацыі свядомага і несвядомага)» [1, с. 43].

Асобае месца займае ў мастацкіх творах архетып героя, адкрытага перад тварам «апошніх» пытанняў быцця. Вядома, першапачаткова ў якасці такога архетыпу выступаюць персанажы боскага ўзроўню. Аднак затым у мастацкай літаратуры іх месца займаюць людзі, пры гэтым адзін архетып нараджае ў літаратуры цэлы паслядоўны шэраг вобразаў, ці «... тыпалагічную разнастайнасць антрапаморфных варыянтаў, якія ўдзельнічаюць у выражэнні сатэрыялагічнай задачы» [10]. У дадзеным выпадку адзначаная асаблівасць мае ярка выяўлены функцыянальны характар.

Гаворачы пра ўплыў міфалогіі на літаратурную творчасць неабходна адзначыць, што некаторыя навукоўцы лічаць міфалагічнае мысленне своеасаблівай формай інтэлектуальнага брыкалажу. Пры дапамозе ж чаго стварае, над якімі аб'ектамі рэфлексуе міфалагічнае мысленне? «Мифологическое мышление, – піша К. Леві-Строс, – возводит ансамбли структур посредством одного структурированного ансамбля – языка; но оно овладевает этим не на уровне структуры, а строит свои мировоззренческие дворцы, используя строительный мусор от прежнего социального дискурса» [10, с. 130].

Такім чынам, мова, згодна з меркаваннямі французскага вучонага-структураліста, – галоўны сродак, пры дапамозе якога міфалагічнае мысленне структурыруе свае аб'екты. Але, з другога боку, у Ф. Шэлінга мы знаходзім думку, што міфалогія – гэта працэс, « ... в котором одновременно с учением о Богах, возникают, в закономерном порядке, народы и языки» [11]. З'яднаўшы гэтую думку з ідэямі К. Леві-Строса, можна прыйсці да высновы, што міфалогія, дапамагаючы развіццю мовы, тым самым па-новаму структурыруе свае аб'екты, выкарыстоўвае для гэтага створаную ёй самой мову. Прычынна-выніковыя ўзаемасувязі ўтвараюць у дадзеным выпадку своеасаблівае кола. Пісьменнік які выкарыстоўвае міфалогію як аснову сваёй творчасці, свядома (а часам несвядома) уваходзіць у прычынна-выніковы ланцужок адной з кропак гэтага кола.

Уплыў міфалогіі на літаратурную творчасць уяўляе сабой прыклад храналагічна пралангіраванага працэсу. Пісьменнік выкарыстоўвае ў сваіх творах міфы, што ўзніклі тысячагоддзі таму да ягонага нараджэння. А гэта значыць, што ён мае справу з іншым міфам, не зусім адэкватным першапачатковаму. «Объясняется это тем, – адзначае яшчэ адзін французскі этнограф Л. Леві-Бруль, – что мы смотрим на мифы совсем иными глазами, чем люди, мышление которых отражается в этих мифах. Мы видим в них то, чего они не видят. Мы уже не осуществляем в нашей жизни того, что они представляют себе в этих мифах. Когда мы, например, читаем майорийский миф, миф зуньи или другого племени, то, прежде всего, мы знакомимся с его переводом на наш язык, а перевод – уже первое извращение. Ибо, не говоря о строении фраз, которые в переводе отражают логические навыки нашего мышления, хотя бы расстановкой слов, но и сами слова в подлиннике имеют для первобытных людей атмосферу насквозь мистическую, тогда как у нас эти слова вызывают главным образом ассоциации, источником которых служит опыт» [12]. Значыць пісьменнік, які абапіраецца на міфалогію ў сваёй літаратурнай творчасці, аб'ектыўна прымушаны ствараць часткова ўласныя міфы і ягоныя мастацкія творы з'яўляюцца феноменам другаснай рэфлексіі. Акрамя таго, неабходна помніць, што міфы першабытнага грамадства з'яўляліся своеасаблівым сацыяльным каркасам, які яднае гісторыю ў нейкую арганічную цэласнасць.

Цікава, што для сучаснага пісьменніка міфы таксама становяцца сродкам выяўлення як асабістай, так і калектыўнай сацыяльнай салідарнасці. Яна ахоплівае мінулае і сапраўднае, і накіраваная ў будучыню. Падкрэслім, што

гэтае імкненне да будучыні можа стаць бясплённым у духоўным плане, калі народ страціў свае карані ў мінулым. Зразумела, можа стацца і так, што гістарычная самасвядомасць народа, ягоная гістарычна-сацыяльная салідарнасць страціцца на ідэйным, светапоглядным узроўні. Аднак у народным фальклоры, у растворaных у ім рэштках міфалогіі гэтая салідарнасць можа яшчэ захавацца. І тады зварот пісьменніка да міфалогіі, абапіранне на яе ў сваёй творчасці – гэта спроба адраджэння гістарычнай самасвядомасці народа, вяртанне да сваіх каранёў, распачатае не палітычнымі, навуковымі або філасофскімі, але мастацкімі сродкамі.

ЛІТАРАТУРА

1. ***Мелетинский Е.М.*** Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии, 1991, № 10. – С. 41.
2. ***Лосев А.Ф.*** Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976. – С. 168.
3. ***Маковский М.М.*** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996. – С. 16–17.
4. ***Шамякіна Т.І.*** Міфалогія Беларусі (нарысы). – Мн., 2000. – С. 302.
5. ***Хайдеггер М.*** Разговор на проселочной дороге. – М., 1991. – С. 107.
6. ***Платон.*** Пир // Платон. Сочинения. В 3 т. – М., 1970. Т. 2. – С. 120.
7. ***Лотман Ю.М.*** Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. – М., 1996. – С. 22.
8. ***Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М.*** Литература и миры // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. – М., 1991. Т. 2. – С. 64.
9. ***Юнг К.Г.*** Архетип и символ. – М., 1991. – С. 283.
10. ***Леви-Строс К.*** Первобытное мышление. – М., 1994. – С. 62.
11. ***Шеллинг Ф.В.Й.*** Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. В 2 т. – М., 1989. Т. 2. – С. 259.
12. ***Леви-Брюль Л.*** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1994. – С. 355.

SUMMARY

The paper deals with different approaches to the correlation between mythology and literature. Mythology is looked upon as a synthetic image of the world uniting the past and the present and directed for the future.

The author analyses different forms of mythology influence on the development of creating fiction.

Поступила в редакцию 16.07.2003

УДК 930:801

Н.И. Миницкий

Текст исторического источника: когнитивные модели*

Задача нашего исследования состоит в разработке когнитивной модели текста исторического источника, отличающейся от традиционной, и выяснении влияния на ее построение когнитивной науки, в первую очередь, когнитивной психологии и психолингвистики. Материал статьи предполагается изложить в русле междисциплинарного подхода к проблемам построения и представления знания в источниковедении.

Традиционно историки, анализируя исторические источники, преимущественно обращаются к их классификации, методам анализа, построению методик и процедур исследования, т.е. к так называемой внутренней и внешней критике источников [1]. Наряду с традиционным взглядом на источниковедение существует его новое понимание как взаимодействия источниковедческого синтеза и анализа, в результате которого воссоздается произведение культурологического явления. Источник трактуется как антропологический ориентир гуманитарного знания, а источниковедение как междисциплинарная область в системе гуманитарных наук. Раскол научного общества на традиционалистов и ориентированных философски новых интеллектуальных историков произошел в результате лингвистического поворота. Представление о тексте было выработано на философском, эпистемологическом уровне; оно отражает методологическую рефлексию гуманитарного знания. Возникло новое понимание предмета исследования в источниковедении. В центре внимания оказался «научный текст, его компоненты, стилистика, типы и особенности высказываний, терминологии, соотнесенность темы исследования и социальных условий ее создания, соотношение основного текста и научного аппарата, множественность «голосов», звучащих в тексте, структура и развитие сюжета» [2].

Большой интерес в области текстологии представляют исследования философов, но это особая сторона дела и, ввиду ее принципиальной методологической важности, требует отдельного освещения. Для восприятия философских оценок проблемы когнитивной репрезентации знания приведем лишь один пример из философской литературы. Он важен тем, что подчеркивает статус фундаментальности методологических проблем построения и представления когнитивных моделей. Так, в книге Л.А. Микешиной и М.Ю. Опенкова «Новые образцы познания и реальности» сформулирована следующая исходная концептуальная методологическая установка: «Фундаментальный характер репрезентации как использование в познавательной деятельности посредников, «когнитивных артефактов» обусловлен тем, что она входит во все сферы познания через символические системы в языке, науке и искусстве, через понимание таких средств и перевод во внутреннюю духовную жизнь способов когнитивной практики» [3].

---

* Проблемы междисциплинарного подхода.

В разных отраслях современного гуманитарного научного знания под влиянием когнитивной науки сложился ряд парадигм: концептуальных положений, дающих представление о формировании информационных текстовых моделей знания, послуживших предметом нашего исследования.

Психологическая парадигма. Психологию познавательных процессов, а соответственно и тему построения и представления знания психологи обычно включают в раздел когнитивной психологии. Проблема того, как знания представлены в уме человека, относится к наиболее важным в когнитивной психологии. Один из главных вопросов этой проблемы – это соотношение образного и словесно-речевого представления в природе человеческого мышления. Смысл текста представлен концептуальной структурой. По своей психической организации концептуальная структура выступает как интегральное когнитивное образование, включающее логико-семантическое и семиотическое представление информации, содержащейся в тексте.

Среди психологов издавна существует мнение о двойной природе мышления. В организацию когнитивных структур входят два языка представления: образный и словесно-речевой. Взаимодействуя друг с другом, они представляют единый процесс мышления человека. На этой основе знание, заключенное в источнике, интерпретируется как определенная познавательная структура. Прежде всего, в качестве такой структуры выступает, упомянутая ранее, концептуальная схема. Она имеет двоякую природу. Во-первых, являясь выражением сущности, схема отражает внутреннюю форму представления знания; во-вторых, в графической символике она выступает в качестве внешней формы: образно-символьного представления знания. Такова вкратце логическая и структурная связь понимания текста исторического источника с темой представления знания.

Все это для источниковедения имеет важное теоретико-методологическое значение. Для историков значимы как проблемы понимания текста источника, так и формы представления знания в самом тексте. В настоящее время смысловое значение текста изучается преимущественно лингвистами или психологами, а символьное интересует философов (в частности, представителей и последователей школы М. Лотмана). Если учесть данную ситуацию в науке и увязать ее с диалогическим отношением к источнику (по М. Бахтину), то общая задача состоит в том, чтобы выяснить, каким же образом происходит отражение знания, содержащегося в источнике, в человеческом сознании и каковы его формы.

Как же знания представлены в уме человека? Приобретение, хранение, передача знания – все это аспекты репрезентации знаний. Главная тема, занимавшая мысли ученых на протяжении веков, – это структура и преобразование или «переработка» знаний. В своих суждениях исследователи проблемы репрезентаций отталкивались от понятия «структура». В их понимании «это условное представление того, как организованы мысленные элементы, но не буквально их описание» [4].

Мысленные репрезентации состоят из структур и процессов. Они взаимосвязаны, неотделимы друг от друга и, в конечном счете, представляют собой целостную когнитивную систему. Когнитивная система – это своеобразная модель-описание того, как обнаруживается, хранится и используется информация. Когнитивные модели основаны на наблюдениях и описывают структуру и процессы познания. Формы графической записи представляют в виде сети семантических ассоциаций. Один из видов представления – конструкция «субъект – предикат» [4, с. 235–238].

Интерес представляет не только то, о чем думает человек, но и то, как он думает. Для описания этого процесса используются категории «репрезентация», «когнитивная структура», «конструкт». Заметим, что смысл самого слова «структура» означает «построение», «порядок». Понятие «когнитивная

структура» – ведущее во многих исследовательских темах, посвященных когнитивной психологии. Исследуя различного рода когнитивные «организованности», психологи определяют виды семантических структур, их иерархию, выделяют понятия «семантического поля», «семантического ядра» и «семантической периферии» [5]. Понятие «структура» увязывается с формой логического мышления и ее знаковой репрезентацией – схемой. Эта форма представления знания существует в представлении человека как ментальное образование. В свою очередь, «ментальные структуры – это система психических образований, которые в условиях познавательного контакта с действительностью обеспечивают возможность поступления информации о происходящих событиях и ее преобразование» [5, с. 147]. Такой подход создает предпосылки для критики сугубо рационального толкования когнитивных структур знания.

Помимо рационального вербально-логического представления информации психологи активно разрабатывают и образно-символьное знание. Необходимость и достоинства последней формы представления знаний убедительно аргументируются через доказательство от противного: что происходит, если образно-символьная форма представления знаний отсутствует. Итогом является определение репрезентации как особой формы организации ментального опыта в виде индивидуального умозрения. С точки зрения психологов, репрезентация действительности происходит в результате интеграции трех модальностей опыта: действия, образа и слова. На этой основе психологами дано пространное перечисление возможных форм ментальной репрезентации: это может быть «картинка», пространственная схема, комбинация эмоционально-чувственных представлений, простое словесно-логическое описание, иерархически категориальная интерпретация, метафора, система утверждений «от абсурда» [5, с. 160].

Все это принципиально важно для макро- и микроаналитического анализа исторической литературы. Формально-логический анализ текста на макроуровне не уместен, а на микроуровне недостаточен. Нужны особые технологии микроуровневого анализа текста источников. Наиболее эффективным средством анализа источников повседневной истории оказались семантические сети, позволяющие фиксировать уровень актуальных ситуаций. Для того чтобы осознать важность данного поворота, который для историка означал обращение к истории повседневности, следует рассмотреть эволюцию рациональных форм отражения действительности. Внутри этого подхода зародилось его дополнение характеристиками противоположного свойства.

В основе анализа текста источников можно видеть способы перекодирования информации, когнитивные схемы, семантические и понятийные структуры. Переработка информации идет посредством трех модальностей опыта: через словесно-речевой, визуально-пространственный и эмоционально-чувственный способы обработки информации [5, с. 175–176]. Большую ценность представляет разработка психологами различных типов когнитивных структур: «прототипов», «предвосхищающих схем», «иерархических перцептивных схем», «фреймов», «сценариев», «когнитивных карт» и других форм категориального смысла [5, с. 143–144].

Когнитивный подход в историческом источниковедении, на наш взгляд, способствует построению внутренней и внешней структуры знания, содержащегося в источнике. Возникающая понятийная структура несет в себе различные уровни понимания – от непосредственно восприятия, заложенного в содержании, до интерпретации, связанной с картиной мира. Форма отражения имеет два исходных проявления: вербально-логическое и знаково-символьное. Кроме рационально-логического знания текст источника имеет эмотивное и суггестивное воздействие на читателя.

Лингвистическая парадигма. Традиционно проблемами анализа текста

занималась лингвистика. Анализ текста источника представляет интерес для историка и с чисто лингвистической стороны. В лингвистике имеется два подхода: семантический и концептуальный. Представители первого направления, опираясь на учение о знаках и знаковых системах, сформировали лингвосемиотическую парадигму текста. Для нее характерна следующая структура восприятия текста: фонема – морфема – слово – словосочетание – предложение – сверхфразовое единство – текст как речь. Впоследствии лингвисты, рассматривая текст как средство коммуникации, выработали еще одну парадигму текста: слово – высказывание – текст. Смысл данной структуры: текст – единица общения, способ организации значений и структурирования смысловой информации для целей общения [6].

Некоторые лингвисты трактовку построения знания в тексте источника основывают не на семантике, а на концептуализации. В понятие концептуализации входят следующие правила: указания на объекты, действия, местоположение и время. Структура представления знаний имеет два уровня: характеристики объекта и отношений между ними. В целом же концептуальная структура имеет следующий вид: понятия и отдельные представления, события (действия и состояния), признаки понятий, признаки действий и состояний, концептуальные образцы, информация о времени, характеристика динамических процессов.

Концептуальная стратегия обработки текста увязывается не только со знанием языка, но и со знанием мира. Средством для организации знаний стало понятие «схема». К нему обратились для обозначения знаниевых структур текста. Были разработаны различные схемы моделей текста новостей для средств массовой информации, сюжетов различных рассказов и других структур актуальных состояний [7].

В последнее время лингвисты выявили когнитивную структуру эмоций и в связи с этим подвергли изучению эмотивный аспект художественных текстов. Он представляет интерес для многих источниковедов. Эмотивность – лингвистическая характеристика текста, которая тесно связана с эмоциональностью, психологической характеристикой личности. Эти показатели оказались увязанными со структурой текста. Под структурой обычно понимается некоторая упорядоченность внутри каждого текста, соответствующая логике коммуникации, логике отраженного текста, логике описания, законам знаковой системы [8]. Как видим, в данной характеристике отражены не только лингвистические, но и социально-психологические аспекты текста.

Психолингвистическая парадигма. Постепенно инициатива в изучении эмотивной стороны текста (в частности и вообще) в его понимании и интерпретации перешла к психолингвистике. Но последняя сторона обязана общей лингвистике своими генетическими корнями, происхождением. Какое отношение все это может иметь к истории вообще и к источниковедению в частности? Первоначально приведем интересное замечание Ю. Лотмана, отметившего парадоксальность положения в отечественном источниковедении, в соответствии с которым как бы само собой разумеется, что историк может быть дилетантом в вопросах исторической психологии или лингвистики.

Антропоцентрический подход в лингвистических исследованиях изменил научную парадигму филологии и породил появление междисциплинарных исследований. Одним из таких направлений и стала психолингвистика, для которой важнейшим направлением является изучение языковой картины мира. Языковая картина мира понимается как совокупность знаний о мире. Картина мира – как форма отражения в сознании человека объективной реальности, независимой от сознания человека, и идеальной картины мира как продукта человеческого сознания. «Знания и представления хранятся в сознании в виде когнитивных структур» [9]. Это знания о реальном мире – феноменологические

когнитивные структуры и языковые знания – лингвистические когнитивные структуры. Эти типы структур определяют ряд компетенций человека [9, с. 137–138]. Компетенция, на наш взгляд, объединяет взаимодействие теоретического (научного) и доконцептуально-житейского (практического) уровней восприятия действительности. Возникает вопрос о путях достижения этих уровней в получении знания непосредственно из текста. Каков механизм этого процесса?

Восприятие текста идет на двух уровнях: плане выражения и плане содержания. Понять текст означает перейти от внешней языковой формы (плана выражения) к модели предметной ситуации (плану содержания). Понять – значит не усвоить, а придать смысл тексту. Еще более глубинный уровень – интерпретация текста, его суть – получение выводного знания. Восприятие, понимание и интерпретация – различные уровни коммуникации с историческим источником [9, с. 231–232]. Восприятие – это прием некоторого первичного сообщения, затем через осмысление идет новый этап понимания, и, наконец, происходит интерпретация: соотнесение с имеющимися знаниями вне данного текста, с его концептом. «Концепт текста есть мыслительный сгусток, максимально свернутая глубинная смысловая структура, развертывание которой происходит в процессе порождения текста» [9, с. 233].

В психолингвистике обращено внимание как на особенности знаково-звукового устройства слова, так и на фоносемантику. Это совершенно не исследованная историками сторона исторического источника. Особо эффективно фоносемантическое воздействие поэтического текста. Самые последние изыскания выявили новые возможности воздействия текста, его формы на подсознание человека. В.П. Белянин в монографии «Основы психолингвистической диагностики», посвященной проблеме представления знаний о мире в художественном тексте, исследует эмоционально-смысловую доминанту текста [10]. Она представляет собой личностную интерпретацию действительности, отраженной в тексте, и содержит элементы сознательного и бессознательного. Фонетические особенности поэтического текста и их влияние на смысловую структуру всесторонне исследовала В.А. Маслова («Фонетический анализ поэтического текста»). Она пришла к обоснованному выводу о том, что поэт владеет фонетическим значением на интуитивном, подсознательном уровне, а «поэтическое слово – комплекс взаимодействия как звукового, так и смыслового, изобразительного начал» [11]. Совсем недавно вышла удивительная книга Л.Г. Портера, в которой была выдвинута теория поэтических структур. В основе предлагаемой теории лежит общая теория систем, принцип цикличности, законы симметрии, понятия теории множеств и теории графов, практическая комбинаторика и традиционное стиховедение [12]. Историкам известны многие письменные источники в стихотворной форме. Исследования лингвистов в названных областях лингвистики могут открыть для историков многие особенности психологии и настроений изучаемой исторической эпохи.

В рамках психолингвистики возникло исследование суггестивных аспектов языка. Эта предметная область имеет свою специфику традиционных в психолингвистике методов описания, объяснения и предсказания. Стратегия изучения и описания суггестивных текстов ориентирована на все более глубокое погружение в наименее осознаваемые уровни языка, текста, его синтаксические, лексические, словообразовательные, грамматические, ритмические, фоносемантические характеристики. Выделены следующие параметры суггестивных текстов: «1) отклонение частотности употребления отдельных звуков от нормальной частотности; 2) фонетическое значение текстов; 3) звуко-цветовые соответствия; 4) звуковые повторы, превышающие нормальную частотность; 5) соотношение количества высоких и низких звуков в процентах; 6) длина слова в слогах; 7) соответствие «золотого сечения» кульминации текста; 8) лекси-

ко-стилистические показатели; 9) грамматический состав текстов» [13].

Это описание характеристик текста интересно констатацией новых форм представления о знаниях, пока почти не отраженных в историческом источниковедении. На стыке этих форм у лингвистов и возникло стремление изучить суггестивность текста. Суггестия – это арсенал средств и приемов направленного воздействия на установки личности. Это и специально организованный вид коммуникации, формируемый при помощи вербальных (слово, текст) и невербальных (мимика, жесты, действия другого человека, окружающая обстановка) средств. Средством воздействия являются вербальные структуры – тексты, специально созданные и используемые для воздействия на установку личности и общества [13, с. 9]. Воздействие суггестивного текста охватывает как вербальную, так и невербальную формы воздействия на подсознание, эмоционально-личностное отношение человека к событиям его окружающим.

Культурологическая парадигма. Рассматривая текст источника с культурологических позиций, необходимо подвергнуть его философскому анализу, подойти к его рассмотрению с позиций лингвистики, филологии, эпиграфики, литературоведения. В принципе проблема понимания текста интересует многих. Прежде всего, текст интерпретируется как «первичная данность» и «исходная точка» всех гуманитарных дисциплин. Известно, что смысловые связи в тексте носят предметно-логический характер. Они выступают в диалогической форме и обеспечивают взаимодействие текстов. Понимание целых высказываний и диалогических отношений между ними неизбежно носит диалогический характер. Оценивая общую значимость текста, его можно считать механизмом памяти культуры. Пограничные понятия текста: чистые структуры содержания и структура картины мира. Именно подобные рамки позволили охарактеризовать текст как явление культуры, определить социально-коммуникативные функции текста.

Когнитивный аспект психологических и психолингвистических исследований дает дополнительные аргументы для разграничения концептуального и неконцептуального уровней знания и в целом имеет выход на картину мира. Это уже признано философами и увязывается ими с переосмыслением картины мира, содержащей в себе не только модели теоретического уровня, но и ситуации реального опыта [14].

Герменевтическая парадигма. Текст источника выступает в качестве объекта гуманитарного знания. Текстом называется любая знаковая система, которая способна быть (или в действительности есть) носителем смысловой информации и имеет языковую природу. Понимание текста основано на моделях, которые принадлежат автору, его современникам, интерпретатору и его современникам. По мнению В.П. Визгина, понимание текста имеет три уровня осмысления. Первый уровень связан с пониманием текста в рамках авторской концепции, во взаимосвязи всего его творчества. Источник выступает в данном случае как элемент всей системы. Второй уровень представляет собой внутреннюю и внешнюю стороны интерпретации. Внутренняя критика – это выяснение эволюции идей автора в рамках собственного творчества, внешняя – представляет собой учет исторического контекста и сравнение с другими авторами, исторической традицией. Третий уровень осмысления выступает во внетекстовой форме, в форме схем, связанных со схемами культуры [15]. Особый интерес представляет оценка В.П. Визгиным значимости схем для профессионального историка. «Схематическая интерпретация, а вместе с ней и понятие о схеме, оказываются одним из методов историка, значимом при анализе проблемы генезиса знания» [15, с. 326].

В исследование процессов осмысления герменевтика включает поиск принципов и методов интерпретации или построения моделей текста. Решение этих задач следует отнести к проблемам общей методологии гуманитарного познания. Понятие «текст» позволяет обнаружить то общее, что есть у

истории с другими гуманитарными науками и делает правомерным единый методологический подход к ним. Главные черты гуманитарного знания: отсутствие жесткого разделения методов, стремление к оформлению результатов в виде системно-структурированных теорий, которые могут быть формализованы. Это относится и к историческому знанию. Предмет науки для историка – это исторический источник. Работа историка связана с изучением, структурированием, интерпретацией текстов. Таковы общие позиции по герменевтическому подходу к анализу исторических источников, содержащиеся в книге В.Г. Кузнецова «Герменевтика и гуманитарное познание» [16].

Герменевтический аспект методологии гуманитарных наук стал объектом особого внимания в герменевтике. Для него характерно выделение знаково-символической стороны познавательной деятельности и перенесение лингвистических и литературоведческих методов исследования в общую методологию гуманитарных наук. В герменевтической обработке текста следует учитывать объективный смысл и психологические моменты, связанные с субъективными намерениями автора. Последнее составляет фон, оказывающий существенное влияние на текст. Этот фон создают психологические характеристики автора источника: его образование, увлечения, религиозность, воспитание, социальная принадлежность, система архетипов коллективных бессознательных представлений, материальные условия жизни [16, с. 148–149]. Отсюда следует вывод о том, что предметной основой герменевтической методологии является текст, понимаемый как знаково-символическая система в ее социокультурном и историческом контексте. Заметим, что подобное понимание исторического текста современными исследователями в полном его объеме не используется историками и в настоящее время.

Информационная парадигма. Для историков, работающих с любыми видами текстов, неоценимую теоретическую и практическую значимость имеет книга Д.И. Блюменау «Проблемы свертывания научной информации», где изложена классификация текстовых структур, раскрыты механизмы их создания и функционирования в рамках реализации информационных процессов. Решая конкретную проблему свертывания и развертывания информации, он приходит к выводу, что «свертывание не просто уменьшение объема, а устранение несущественного и оставление всего того, что потенциально позволяет произвести (осуществить) развертывание» [17]. По убеждению автора, «задача отражения (раскрытия) содержания как организованных массивов информации, так и отдельного документа не только не потеряла статуса проблемы, но и приобрела особую остроту, став ведущим направлением в общей проблематике теории научных коммуникаций» [17, с. 14].

Кроме процессов обработки текстов, большой интерес для историка представляют также процедуры извлечения знания из текста источника. В этом случае непосредственная задача – извлечение знаний и их концептуализация (структурирование). Выделяются общие свойства знаний, дается их классификация по глубине: деление на глубинные и поверхностные знания. К глубинным знаниям относят абстракции, образцы, аналогии, законы и теоретические основания; к поверхностным – эмпирические ассоциации и причинно-следственные отношения. Причем все это представляет структурную организацию предметной области. «Глубинные знания образуются как результат обобщения первичных понятий предметной области в некоторые более абстрактные структуры» [18]. Теоретическое мышление осуществляется путем конструирования новых связей элементов предметной области знания.

Раскрывая методы извлечения знаний, обычно обращаются к его частному примеру: структурированию знаний. Под структурированностью понимается степень теоретического осмысления и выявленность основных закономерно-

стей и принципов, действующих в данной предметной области. Извлечь знание – означает понять и выделить смысл текста. Смысл текста обычно выражается его смысловой структурой. Причем понимание связано со вторичной структурой, системой знания, связанной с данной предметной областью, но не имеющейся непосредственно в данном тексте. Эта структура возникает на основе знаний о языке, мире и предметных знаний. В связи с этим: а) выделяется алгоритм извлечения знаний, служащий методологической основой для проведения текстологических процедур; б) разрабатывается методика извлечения и структурирования знаний, в) определяются стадии структурирования знаний [18, с. 108–119].

Среди текстологических приемов в последнее время стала популярной методика ключевых слов. Она применяется для определения информационной насыщенности текста. Для историков вполне приемлема трактовка ключевых слов как понятийных узлов текста, которые «вместе со словами повторной номинации образуют систему, определяющую все содержание и понятийное восприятие текста» [19].

Общенаучная парадигма. Для понимания текста недостаточно избрать один какой-либо аспект. Среди базовых теоретических положений теории познавательных процессов большое значение имеет идея о взаимодействии психологических и когнитивных структур в восприятии текста. Смысловая доминанта текста, наряду с когнитивной, эмотивной и аксиологической (ценностной), отражает структуризацию мира и является квинтэссенцией авторского смысла текста. Эта система когнитивных и эмотивных критериев предназначена для определения типа личности и является психической основой восприятия картины мира в тексте. В качестве лингвистических эталонов служат эпитеты, сравнения, описательные обороты, косвенные характеристики.

В работах философов, лингвистов, логиков, психологов сформировался когнитивный подход к проблеме понимания. В основе его лежит фундаментальная идея о том, что мышление представляет собой манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями типа фреймов, планов, сценариев, моделей. Важнейшей целью когнитивного направления в науках является выявление механизмов мышления и определение структуры понятийных категорий. Можно утверждать, что базовый уровень знаний более значим по сравнению с вышестоящим (исходным) и нижестоящим (акцидентным). Лингвистами-когнитологами был установлен факт структурирования знаний преимущественно на базовом уровне. Базовый уровень является промежуточным; его нельзя считать ни самым высоким, ни самым низким уровнем концептуальной организации [20].

Общее резюме. Когнитивный подход к анализу текста исторического источника дает новые, дифференцированные возможности для историков. Это выявление следующих структурных составляющих когнитивной модели: концептуального, логического и смыслового; вербально-логического и знаково-символьного; рационального и подсознательного аспектов, а также уровней глубины восприятия. Наиболее эффективными оказываются интегративные модели источников, соединяющие в себе смысловые и образные аспекты информации, охватывающие рациональные и подсознательные возможности коммуникации с источником на разных глубинах его восприятия. Такова «сумма» знаний, которая на исходном и базовом уровнях составляет интегративную, когнитивную модель исторического источника.

Не отвергая традиционных подходов к анализу источников и основываясь на принципе дополнительности, историки, на наш взгляд, вполне могут воспользоваться данными когнитивной психологии и психолингвистики. Тем более, что исходное теоретико-методологическое понимание значимости текстологических методов для анализа исторических источников в исторических исследованиях уже имеется [21]. В свою очередь, изложенные в данной ста-

тье теоретические положения также могут послужить для развития познавательных действий в историческом источниковедении. Для этого необходима практическая реализация выдвинутых в психологии и лингвистике теоретических положений непосредственно на материале исторических источников.

Все это в целом выводит на новое понимание роли междисциплинарных связей в восприятии и построении текстов исторической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Кузищин В.И.*** Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): Учебное пособие / Под ред. ***В.И. Кузищина***. – М., 1982. – С. 6–21.
2. ***Медушевская С.М.*** Становление и развитие источниковедения / Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие // ***И.Н. Данилевский, В.В. Кобанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева***. – М., 1998. – С. 111.
3. ***Микешина Л.А., Опенков М.Ю.*** Новые образцы познания и реальности. – М., 1997. – С. 29.
4. ***Солсо Р.Л.*** Когнитивная психология. – М., 1996. – С. 37.
5. ***Холодная М.А.*** Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Томск–М., 1997. – С. 184.
6. ***Дридзе Т.М.*** Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М., 1984. – С. 31.
7. ***Ван Дейк Т.А.*** Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск, 2000. – С. 68–301.
8. ***Маслова В.А.*** Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учебн. пособие. – Мн., 1997. – С. 27.
9. ***Красных В.В.*** Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М., 2001. – С. 136.
10. ***Белянин В.П.*** Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М., 2000. – С. 55–61.
11. ***Маслова В.А.*** Филологический анализ поэтического текста. – Мн., 1999. – С. 53.
12. ***Портер Л.Г.*** Симметрия – владычица стихов: Очерк начал общей теории поэтических структур. – М., 2003. – С. 9.
13. ***Черепанова И.Ю.*** Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. – М., 1996. – С. 80.
14. ***Микешина Л.А.*** Фундаментальный поворот в понимании структуры научного знания // Философия, наука, цивилизация / Под ред. ***В.В. Казютинского***. – М., 1999. – С. 122–123.
15. ***Визгин В.П.*** Научный текст и его интерпретация // Методологические проблемы историко-научных исследований. – М., 1982. – С. 323.
16. ***Кузнецов В.Г.*** Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991. – С. 148, 151, 166.
17. ***Блюменау Д.И.*** Проблемы свертывания научной информации. – Л., 1982. – С. 13.
18. ***Гаврилова Т.А., Червинская К.Р.*** Извлечение и структурирование знаний для экспертных систем. – М., 1992. – С. 11.
19. ***Валгина Н.С.*** Теория текста: Учебное пособие. – М., 2003. – С. 251.
20. ***Лакофф Дж.*** Когнитивное моделирование / Из книги «Женщины, огонь и опасные предметы» // Язык и интеллект. Сб.: пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. ***В.В. Петрова***. – М., 1995. – С. 163–166.
21. ***Сидорцов В.Н.*** Методология исторического исследования (механизм творчества историка). – Мн., 2000. – С. 137–145.

SUMMARY

The article deals with the techniques how to work with the text of the historical document. Different approaches to the historical textology, the conceptual strategy of considering the text, as well as the role of interdisciplinary links in the perception and formation of historical documentary texts are considered.

Поступила в редакцию 4.12.2003

УДК 259 – 26/28

Т.В. Добжинская

Роль Высшего Старообрядческого Совета в Польше в довоенный период (1927–1929 гг.)

После распада Российской империи на ее окраинах образовались самостоятельные конституционные государства. Получив частичную независимость, они не хотели идти по пути развития царской России и, представляя свободу совести и вероисповедания всем гражданам, населяющим их, поставили представителей различных конфессий, в том числе и старообрядцев, проживающих в новых государственных объединениях, перед фактом «возрождения к жизни на общих началах» [1]. Старообрядцы, находясь под давлением царского правительства, недоброжелательно настроенного к ним, явились, таким образом, естественными союзниками этих народностей и поэтому могли рассчитывать на всякого рода поддержку со стороны правительств в новых государственных образованиях.

До этого момента старообрядчество жило на основании правил о старообрядческих общинах от 17 октября 1905 года. Изданный в России в свое время закон был направлен не столько на сплочение старообрядческих масс, сколько на разобщение, разделение их на отдельные мелкие общества. Начало в деле сплочения и организации старообрядчества в новых государствах принадлежало латвийским старообрядцам, которые в 1920 году уже имели свой центральный орган. Вслед за ними в 1922 году в Литве сбразовался Центральный Старообрядческий Совет. Немного позже польские старообрядцы, признавая, что закон 17 октября 1905 года, упоминая только о лицах старообрядческого вероисповедания, ничего не говорит ни о положении самой церкви в целом, ни о возможностях представления и защиты интересов этой церкви, пришли к убеждению о необходимости изменения существовавшего до этого времени положения. В связи с возникшей такого рода проблемой Виленская старообрядческая община, возглавляемая Арсением Моисеевичем Пимоновым, взяла на себя инициативу организации польского старообрядчества. По согласованию с особым Учредительным Комитетом было решено в октябре 1925 года созвать Всепольский старообрядческий Съезд для выработки программы по упорядочению жизни польских старообрядцев.

Одним из важнейших вопросов, вынесенных на повестку дня, был вопрос об учреждении Высшего Старообрядческого Совета (далее ВСС), целью которого являлось бы рассмотрение и разрешение проблем, связанных с жизнью и деятельностью польских старообрядцев. После длительных обсуждений и подтверждения необходимости существования такого органа было решено утвердить Высший Старообрядческий Совет, объединивший 48 старообрядческих общин в Польше [2]. Председателем единогласно избрали Арсения Моисеевича Пимонова – известного старообрядческого деятеля, благотворителя, ответственного человека. В состав членов Совета вошли Б.А. Пимонов (заместитель председателя), Г.А. Пимонов, О.М. Андреев, П.И. Голубев, духовный наставник С.Ф. Егупенок, Д.К. Самозванов, Ф.К. Артемьев (С.Е. Руссаловский), А.Е. Матвеев, Г.С. Никитин, М.С. Егупенок, духовный наставник Т.К. Яковлев (Я.Ф. Артаев) [2, с. 72]. Источниками средств

к существованию ВСС были определены: сборы с прихожан всех общин Польши в размере 20 грошей ежегодно, взимание денежной суммы в размере 25 грошей с каждой метрической записи прихода при совершении крещения и погребения, проведение ряда «кружечных сборов» в церквах и приходах [2, с. 72].

После решения ряда общих вопросов, связанных с выбором председателя и состава Совета, определением источника финансирования, ВСС начал свою активную работу. Был создан свой печатный орган – журнал «Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше» под редакцией П.И. Киселева, посвященный делам святой церкви и жизни старообрядцев в Польше.

ВСС, разрабатывая программу деятельности, обозначил для себя следующие главные задачи:

– урегулирование жизни старообрядческой церкви в государстве, ее юридического положения;

– школьное дело для детей старообрядцев вообще и преподавание Закона Божьего во всех правительственных школах в частности;

– подготовка духовных наставников;

– церковное строительство.

Деятельность ВСС в Польше развивалась достаточно активно и уже в первые годы своего существования дала значимые для польских старообрядцев результаты. В 1928 году польским правительством были изданы два исторических акта, регулирующих жизнь старообрядческой церкви в государстве: первый – закон от 26 марта 1928 года, изданный Президентом Республики – об отношении государства к старообрядческой церкви, не имеющей иерархии, второй – распоряжение Совета Министров от 29 августа 1928 года о признании на всей территории польского государства устава старообрядческой церкви ее законного представительства. Эти законодательные акты предоставили старообрядческой церкви полную свободу вероисповедания в пределах Польши, автономность в делах управления и дали право повсеместного, свободного обучения детей старообрядцев, обучающихся в правительственных школах, Закону Божьему, согласно канонам церкви, на родном языке.

Кроме этого, правительство обязалось ежегодно отпускать на нужды церкви определенную денежную сумму, предоставлять всем общинам право пользования бесплатной пересылкой почтовой корреспонденции и посылок в пределах государства [3].

Все эти значимые в жизни старообрядцев Польши достижения были получены старообрядческой церковью благодаря настойчивости и стараниям председателя ВСС Арсения Моисеевича Пимонова, а также непосредственному участию заместителя председателя Бориса Арсеньевича Пимонова и сотрудника Осипа Матвеевича Андреева. В течение двух с половиной лет они неустанно трудились над программой и над реализацией ее положений в соответствии с законодательством.

После придания устойчивости и организованности церковной жизни в каждой отдельной общине, установления и устройства внутреннего распорядка между этими общинами в делах церкви и во взаимоотношениях между собой ВСС занялся проведением в жизнь ряда очередных мероприятий:

– установлением однородных образцов печати во всех церквах старообрядческих общин;

– обучением правильному ведению метрических книг и порядку предоставления метрических свидетельств, выдаваемых общинами;

– установлением порядка ведения канцелярской переписки в общинах;

– организацией церковного строительства;

– массовым распространением школьного обучения детей старообрядцев, обучающихся в правительственных школах, Закону Божьему.

В первой половине 1928–1929 учебного года в Польше существовало 130 правительственных школ, в которых дети старообрядцев имели право изучать Закон Божий на своем родном языке. Но реальное число начальных школ, в которых дети старообрядцев изучали Закон Божий, не превышало 43-х с 620-ю учащимися и 26-ю учителями. И лишь к 1 января 1929 года оно достигло 69 школ с числом учащихся 1000 человек [1, с. 55]. Само же обучение детей Закону Божьему – наиболее важному для каждого верующего христианина предмету – велось бессистемно, без общей для всех учебных заведений однородной программы преподавания и подбора надлежащего состава законоучителей.

Только с опубликованием закона о предоставлении старообрядческой церкви автономных прав и обязательного введения уроков преподавания Закона Божьего в начальные школы и принятия Высшим Старообрядческим Советом школьного дела под свое руководство, с назначением особых школьных контролеров для наблюдения за преподаванием Закона Божьего на местах проблема обучения детей разрешилась и образовательный процесс нормализовался. К началу 1929–1930 учебного года число правительственных школ, в которых преподавался Закон Божий, увеличилось до 146-ти с 3868-ю учениками-старообрядцами [1, с. 56]. Регулярное посещение правительственных школ районными школьными контролерами, собирание статистических данных о числе учеников, находящихся в этих школах, выбор достойных кандидатов на должности законоучителей заметно улучшили работу по религиозному воспитанию молодого поколения и усилили интерес родителей учащихся к самой школе.

Вместе с тем Высшим Старообрядческим Советом был издан целый ряд учебных пособий для детей старообрядцев по изучению Закона Божьего и церковно-славянского чтения: «Учебный часослов», «Основные понятия по вере Христовой», «Краткий Катехизис», «История Церкви Христовой», «Азбука по обучению детей начальному чтению по звуковому способу церковно-славянской и гражданской грамоте» [1, с. 56].

Следующим важным этапом в работе ВСС было восстановление храмов и церковных зданий общин, разрушенных в период первой мировой войны. Со всех частей Польши в Совет поступали прошения и ходатайства отдельных приходов о разрешении постройки новых храмов, ремонта разрушенных войной церковных зданий и оказания общинам денежной помощи на указанные цели. Все это было связано с желанием старообрядцев как можно скорее восстановить разрушения, случившиеся в период войны, которые задерживали приведение в надлежащий вид общинного церковного имущества. ВСС выделил средства для оказания помощи наиболее нуждающимся общинам, некоторая сумма была выдана из личных средств председателя А.М. Пимонова, а еще часть денег, по ходатайству самого председателя, была перечислена из правительственного фонда. Многие из разрушенных храмов восстанавливались, и строились новые. Например, были отстроены старообрядческие храмы в Видзах, Лучае, Мостищах, Залесье, Юргелишках, а Гайской, Дукштынской, Свинтянской общинам было разрешено построить новые молитвенные дома [1, с. 57].

Таким образом, благодаря активной и слаженной деятельности ВСС росла церковно-религиозная и совершенствовалась образовательная жизнь старообрядцев в Польше. Была налажена постоянная связь между ВСС и отдельными общинами, осуществляемая при помощи главного печатного органа – «Вестника Высшего Старообрядческого Совета в Польше», частных выездов членов Совета на места для наблюдения и совместного обсуждения вопросов с прихожанами конкретной общины. Создание и постоянное расширение школьной сети по обучению старообрядческих детей Закону Божьему способствовало росту образованности среди старообрядцев. На специальных веро-

учительских курсах увеличилось число вероучителей, подготовленных к обучению в правительственных школах детей старообрядцев Закону Божьему. Было издано большое количество религиозно-просветительских книг и учебных пособий, открыто много библиотек-читален при общинах, действовали религиозно-просветительские кружки молодежи и певческие вечерние курсы. В общинах установилось правильное делопроизводство по ведению метрических записей и книг, а при самом Совете был создан архив копий метрических книг, собранных со всей Польши.

Деятельность Высшего Старообрядческого Совета в Польше в довоенный период являлась исключительной по своей плодотворности и заслуживающей со стороны старообрядцев, населявших Польскую Республику в тот период, особой благодарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Церковный старообрядческий календарь***. – Вильно, 1929. – С. 71
2. ***Церковный старообрядческий календарь***. – Вильно, 1927. – С. 73.
3. ***Церковный старообрядческий календарь***. – Вильно, 1928. – С. 65.

SUMMARY

In the article one of the most important moments in the history of Old Believers' Faith during the pre-war period (1927–1929 years) – the role of the Supreme Council of the Old Believers – is cast a new light on. By that period the Old Believers' Faith had widespread in the east of the Second Polish Republic. The activity of the Supreme Council of the Old Believers greatly influenced the spiritual life of the Old Believers and preconditioned the positive attitude of the state to this confession.

Поступила в редакцию 17.10.2003

УДК 130.2

О.И. Чеснокова

Методология анализа проблем пола и гендера в славянской культуре XX века

С конца XX века понятие «пол/гендер» достаточно активно функционирует во многих общественно-гуманитарных науках. Сегодня существуют противоположные и зачастую противоречащие друг другу трактовки пола и гендера, базирующиеся на определенных методологических основаниях, имеющих разные философские истоки. Одни авторы говорят о гендерной асимметрии и дисбалансе, критикуют патриархатную постсоветскую культуру и развивают гендерные исследования, во многом копируя западный опыт. Другие ориентируются на биологические основания пола и теорию «естественного предназначения полов». Однако и те, и другие согласны, что категория «пол/гендер» становится необходимым инструментом анализа современной культуры.

В славянском обществе можно обнаружить три типа отношений к гендерным исследованиям: отторжение, симбиоз и синтез. В первом случае это восприятие гендерных исследований как чужого и чуждого западного опыта; во

втором – отождествление своего и чужого, калькирование и создание «познавательных гибридов»; в третьем – сохранение познавательной дистанции к западному опыту и одновременно его самостоятельное критическое осмысление [1]. Первый тип отношения характерен для академической традиции. Вопросы философии пола/гендера до сих пор остаются маргинальными для постсоветской философии, хотя в других гуманитарных науках эти понятия и связанные с ними проблемы обсуждаются весьма плодотворно (например, в истории, психологии, лингвистике, социологии и политологии).

Второй и третий типы отношений активно осваивает славянское феминистско-гендерное сообщество. С 90-х годов XX века в России, Украине и Беларуси развивается женское движение, сеть центров гендерных исследований, появляются многочисленные публикации (как в специальных феминистских журналах, так и в академических изданиях) на женские темы, темы пола и гендера. Наиболее обширно в них представлены работы по социально-политическим и правовым вопросам женского движения, а также по женской истории. Это работы С. Айвазовой, Н. Лавриненко, С. Полениной, О. Ворониной, Е. Гаповой, посвященные русской, белорусской и украинской женщине, попавшей в «лабиринт равноправия». Женской российской историей активно занимается Н.Л. Пушкарева, написавшая несколько работ о женщинах Древней Руси, о частной жизни русской женщины до XIX века. Об опыте и традициях славянского женского движения пишут О. Хасбулатова, И. Жеребкина, Э. Павлюченко, Т. Осипович, Л. Милованова, Т. Клименкова и др. Вопросы философии и теологии пола в русской культуре исследуют О. Рябова, Т. Осипович, Г. Бранд. Западный феминизм в своих многообразных формах представлен на постсоветском пространстве оригинальными текстами, их переводами и многочисленными комментариями сторонников и противников феминизма. Малоизученной областью пока остается философия постфеминизма, одна из основных проблем которой – анализ противоречий пола и гендера в западном феминистском дискурсе на рубеже веков. В славянских странах существуют попытки компаративного анализа пола и гендера такими исследователями, как С. Ушакин, Н. Абубикирова, Т. Клименкова, Г. Шатон, О. Рощинская и др. Но остаются непроясненными место и роль понятия «гендер» в славянской культуре. Галина Филиппович задает в этой связи важный вопрос: «...поддерживают ли славянские культуры дискурсивное поле западной феминистской теории или идут вразрез с ним? Каким образом гендерные исследования могут расширить свои горизонты в случае, если они начнут уделять больше внимания славянским гендерным конструктам?» [2]. Этот вопрос актуален для нашего времени, так как с конца XX века начинают формироваться теоретические основы славянского феминизма.

Сегодня можно констатировать наличие множества феминистских и постфеминистских теорий пола/гендера в русской, украинской и белорусской культурах: это либерально-реформистские феминистские концепции пола; радикально-феминистские концепции пола; социал-демократические концепции пола; концепция «полового андрогина» («православный феминизм»); концепции гендера как социально сконструированного пола. В них обнаруживается синтез феминизма и марксизма, православия и феминизма, либерализма и феминизма. Центральное понятие «пол/гендер» базируется в них на различных методологических основаниях, начиная с идей социально обусловленного и сконструированного пола (гендера), заканчивая концепциями перформативности и множественности полов, отвергающими половую дихотомию. Несмотря на то, что феминизмов множество, их разнообразие все же базируется на некоторых общих методологических принципах. Это, во-первых, принцип конструктивизма («пол – это социальный конструкт»); во-

вторых, принцип идеологизма («главное не столько понять пол, сколько изменить существующее положение вещей»); в-третьих, принцип плюрализма («пол также неисчерпаем, как и теории о нем»). Реализации этих принципов служат эмпирические и теоретические методы изучения проблем пола/гендера. Взаимоотношение между ними неоднозначно и противоречиво. Если попытаться определить отношение феминистских авторов к теории вообще, то она воспринимается как знак андроцентризма, символ мужского господства. Эпистемология феминизма эмпирична. В ее арсенале методы устной истории (метод свидетельства и признания разнообразного женского опыта в разных культурах); мультикультурного сравнения; методы количественного и включенного исследования (познание мира изнутри, а не снаружи) и т.п.

Проблемы методологии женских/гендерных исследований конкретизируются славянскими феминистскими учеными, занимающимися, например, гендерной историей. Венгерская исследовательница по женской истории Андреа Пето в этой связи рисует довольно мрачную картину состояния таких исследований в Восточной Европе, для которых, по ее мнению, характерна непоследовательность, прерывистость и отсталость. Объясняет она это тем, что славянские ученые долгое время не имели возможности опираться на опыт «гигантов» феминистской мысли, поэтому потребуются десятилетия первичной исследовательской работы, чтобы подняться до уровня современной западной феминистской литературы. В этой ситуации практической непроработанности женских/гендерных проблем «...становится особенно важным то, как мы думаем, а не то, что мы думаем» [3]. Другими словами для славянского исследователя важна эта разность, которая детерминирована культурой и традициями конкретного общества. Мы можем думать об одном и том же, но по-разному. Мы можем быть «нетрадиционными феминистками». Целью восточноевропейских феминистских историков является критика «национальных мифов» и поиск новой методологии и новых методов. Это могут быть не только селективные методы (методы переписывания истории), но и междисциплинарные методы, методы антропологии и социологии. Центральным понятием в этих теориях становится категория «гендер», заимствованная из западных источников, но пока не совсем ясно, какие смыслы и значения вкладывают в эту категорию славянские исследователи.

Парадокс в том, что проблемы пола не являются для славянской культуры «tabula rasa». В форме философии, идеологии и теологии пола они активно разрабатывались в России с конца XIX века. В контексте философско-религиозных идей в русской культуре существовали и существуют философия пола Н. Бердяева, Вас. Розанова; «теология пола» Б. Вышеславцева; «православная концепция пола» П. Евдокимова; идеи «символизма пола» А.Ф. Лосева и С.С. Аверинцева

Светские и религиозные мыслители – С. Булгаков, Н. Бердяев, Вл. Соловьев, Вас. Розанов, Н. Лосский, Б. Вышеславцев развивали философию и теологию пола в конце XIX – начале XX века. Эта традиция была прервана в 20-х годах XX века, но восстановлена в эмиграции самими мыслителями и их учениками, среди которых можно назвать, например, православного философа Павла Евдокимова. По мысли Евдокимова, «западный феминизм останавливается на политической, феноменальной реальности и не идет вглубь, не исследует реальность ноуменальную, отрицает понятие Бог» [4]. В православном феминизме эти идеи развиваются в русле концепции «естественного предназначения полов». Отмечается также отличие западных и славянских ценностей: так, например, «равенство полов», «свобода», «демократия», «либерализм» – это ряд западных ценностей, которые успешно проникают в Евразию под названием «общечеловеческих». Понятия «грех», «смирение»,

«предназначение женщины и мужчины» для западной культуры непонятны, а если и понятны, то редко употребляются. В славянской культуре в разнообразных формах повторяется идея о диалектическом единстве природы и культуры. В этом контексте категория «пол» содержит информацию не только о природе и культуре, но даже о Боге. Она эвристична сама по себе. Это означает, что с точки зрения православия можно обойтись без категории «гендер», анализируя отношения между полами. Понятие «пол» статично, оно четко определяет роли, нормы поведения, ожидания мужчин и женщин. С.С. Аверинцев, обнаруживая нравственный аспект проблемы, утверждает, что «пол сам по себе, как предмет соответствующих научных дисциплин, духовно, нравственно и эстетически бескачественен (экзистенциально – он есть нечто не существующее); свою злокачественность или доброкачественность, свое проклятие и растление, или, напротив, освящение и очищение он получает извне, от иных, отнюдь не материальных уровней нашего бытия» [5]. Телесное может являться знаком и одновременно реальностью незримого духовного.

Итак, в русской религиозно-философской традиции «пол» – это не биологическая и не политическая, а духовно-онтологическая категория. Он как символ чего-то духовного одновременно дан и задан.

В форме «идеологии пола» женский вопрос рассматривался революционной социал-демократической мыслью и стал составной частью борьбы за освобождение пролетариата в конце XIX – начале XX века. Взгляды В. Белинского, Н. Чернышевского, П. Ткачева, В.И. Ленина, И. Арманд и А. Коллонтай были не только теоретической основой, но и практическим руководством для партии большевиков в деле эмансипации женщин. В советской марксистско-ленинской философии проблема взаимоотношения полов анализировалась в разделах социологии брака и семьи. Однако и здесь речь шла лишь о гармоничном развитии каждого человека как личности и о том, что в нашем обществе семья строится на основе равноправия мужчин и женщин, их равной ответственности. Фундаментальные философские вопросы природы человека решались в марксизме с диалектико-материалистических позиций, т.е. подчеркивалась социально-биологическая природа человека, однако из этого не следовала простая дихотомия: тело/пол – биологическая составляющая, а сознание/психика – составляющая социальная. Советский философ А.Г. Спиркин определял человека как «...целостное единство биологического (организменного), психического и социального уровня» [6]. Человек рождается как биосоциальное единство. Он появляется на свет с неполностью сформированными анатомо-физиологическими системами, которые доформировываются в условиях социума, т.е. генетически они заложены именно как человеческие. Философ делает вывод, что в момент рождения человек лишь кандидат в человека. Но кандидат именно в человека. Здесь важно подчеркнуть как слово «кандидат», так и слово «человек». Распространив этот тезис на область гендерных исследований, мы можем сегодня сказать, что половая принадлежность индивида есть также открытый вопрос, т.е. человек при рождении лишь кандидат в мужчину или в женщину. Конечно, в марксистских исследованиях была сильна социологическая доминанта, когда сущность человека сводилась к совокупности общественных отношений, а мысль о половой принадлежности индивида просто не возникала. Это отмечают белорусские ученые Е. Гапова и А. Усманова, критикуя марксистскую методологию в исторических науках. Они говорят о проблематичности категории «гендер» для современных русскоязычных историков. Долгое время, по их мнению, инструментами анализа в традиционной марксистской историографии являлись понятия «класс» и «пол». Кроме того, между ними существовал принцип субординации: «биологический пол подчиняется социальному и культурному

порядку; половая дифференциация предшествует социальной, но сама при этом социальной не является» [7]. Проблема пола/гендера, по мнению этих авторов, не осознавалась традиционной наукой, а следовательно методологии ее изучения не существовало. Они критикуют марксистскую методологию истории за «абстрактный объективизм», нерефлексированность историографического письма, рационализм и универсализм, за «эпистемологическое лицемерие» и «осознаваемое безразличие». Можно согласиться с тем, что некоторые из этих феноменов являются показателем определенной наивности марксистской методологии. Но если наивен рационализм и универсализм марксизма, то разве менее наивен эмпиризм и релятивизм феминистской мысли.

Марксистские исследователи подчеркивали в человеке его социальную природу, но это не имело того упрощенного смысла, что будто бы только социальная среда формирует человеческую личность. Социальное здесь понималось как альтернатива идеалистически-субъективистскому подходу к человеку, абсолютизирующему его индивидуальные психологические особенности. Такое понятие социальности, было, с одной стороны, альтернативой индивидуалистическим трактовкам, с другой – не отрицало биологического компонента в человеческой личности, который также имеет универсальный характер.

В концепциях пола, развивающихся в постмарксистской философии, критике подвергается методология самого феминизма и обосновываются собственные теории пола/гендера. Различные авторы выделяют в этой проблеме свои грани. Так, Н.П. Пономаренко в статье «Многомерность культуры и философские проблемы феминизма» ставит вопрос: «все ли неприродное – культура?». По ее мнению, культура – это сплав природно-социального и социально-природного. Отсюда некорректно феминистское противопоставление пола как природного, а гендера как социального феномена. Пол – это природно-социальное и социально-природное одновременно, т.е. природное и социальное в нем не рядоположенные, а взаимопроникающие составляющие.

Развивая подобные идеи, И.С. Кон говорит о многоуровневости пола и выделяет четыре его элемента: гонадный пол, т.е. дифференциация половых желез, определяемая генетическим набором в момент оплодотворения; аскриптивный пол (приписанный, акушерский или паспортный), т.е. пол, определенный на основе внешности новорожденного; пол воспитания – пол, в соответствии с которым воспитывается человек; пол самоидентификации – самоотождествление человека с определенным полом [8]. Причины той или иной половой самоидентификации разнообразны. Это могут быть влияние воспитателей, среды, воздействие стереотипов, исторических и культурных ценностей на человека, а также самооценка и предпочтения личности, и даже гормональные процессы. Вслед за И.С. Коном стоит отметить, что в гендерологии, находящейся под сильным влиянием феминизма и социального конструктивизма, биолого-эволюционная парадигма непопулярна. Феминистские авторы считают ее *редукционистской* (сложные и разнообразные формы маскулинности и феминности сводятся к универсальному биологическому императиву), *сексистской* (гендерные свойства редуцируются к половым), *антиисторической* (гендерные свойства выглядят везде и повсюду более или менее одинаковыми), и *политически консервативной* (она часто используется для идеологического обоснования и оправдания гендерного неравенства и мужского господства). Но эта критика справедлива только отчасти, т.к. гендерное разделение труда может и не вытекать из полового диморфизма, но они взаимосвязаны; а индивидуальных различий между представителями одного пола можно насчитать больше, чем межполовых. Следовательно, человек как биологический вид не может полностью освободиться от своего животного наследия, а феминизм не может освободиться от соматофобии.

Питерский ученый Г.Л. Тульчинский предлагает рассмотреть вопрос о поле и гендере в другой плоскости. Какова роль гендера в рациональном осмыслении действительности и человека? «Составляет ли гендер основу самосознания или сам он – лишь результат идентификации, т.е. культурный феномен?» [9]. Другими словами, является ли гендер/пол предпосылкой культуры или ее порождением? Анализируя «гендер» (половую идентичность), он выделяет три уровня его существования:

1) нейрофизиологический (натуральный) – с этой точки зрения гендер предопределяет мировосприятие и сознание;
2) социально-культурный – с этой точки зрения гендер есть способ описания идентичности и ориентации в мире, социальная роль, определяемая экспектациями родителей и прессингом окружения;
3) психосоматический – как самоидентификация, самосознание.

По мнению автора, гендеров столько же, сколько и полов, т.е. два – мужской и женский. Желая преодолеть дуализм полов, ученый опять в него впадает. Вызывают также сомнение критерии выделения уровней гендерной/половой идентичности?

По мысли другого русского исследователя С. Ушакина, «пол» не должен превращаться в «гендер», чтобы стать предметом научного исследования» [10]. На взгляд автора, можно выделить три основных подхода, существующих на Западе по проблеме интерпретации сущности пола и специфике его формирования (так называемые три типа теоретического фундаментализма): 1) биологический фундаментализм, связанный с идеями З. Фрейда и его последователей; 2) структурный или ролевой фундаментализм – идеи американского социолога Талкотта Парсонса и американского антрополога Маргарет Мид; 3) символический фундаментализм – идеи французского философа Мишеля Фуко, психоаналитика Жака Лакана и их последователей. В первом случае феномен пола сводится до уровня половых практик, уровня сексуальности. Пол лишается метафизической окраски. Акцент здесь ставится на универсальности и природности половых различий. Во втором случае понятие «пол» связывается с половыми ролями. Обретение пола есть процесс обучения традиционно сложившимся образцам поведения, которые трактуются либо как мужские, либо как женские образцы. Акцент здесь – на производном характере пола, на его абсолютной зависимости от социальных систем и функций. В третьем случае речь идет о символической природе пола и о различных способах его репрезентации.

Ушакин, проблематизируя отношение между понятиями «пол» и «гендер», отмечает, что категория «пол» в русской культуре имеет свою историю, которую вряд ли стоит подменять историей понятий и концепций, не имеющих адекватных символических форм в нашем языке. «Пол» – это сложившаяся в обществе взаимосвязь между конкретным анатомическим строением индивида и предлагаемым ему набором специфических, социальных ролей, (якобы) связанных существенным образом с этим строением. Нужно отличать «биологический пол» и «социальный пол», при этом имея ввиду их одну природу – культуру. Данное противопоставление, по мысли автора, носит скорее тактический и стилистический характер и имеет своей целью продемонстрировать автономность «социального» пола, его абсолютную несвязанность с анатомией. Полнее раскрывают проблемы пола еще две категории: «половая идентичность» и «половые практики». Первая отражает способность (или неспособность) индивида ограничить себя рамками моделей, предложенных ему для (само-)идентификации. «Половые практики» описывают способы, формы и объекты, с помощью которых индивид достигает сексуального удовольствия. В этой ситуации половая идентичность и половые практики могут

не совпадать с биологическим полом. Методологические основания для таких идей автор обнаруживает в концепциях постмодернизма и постфеминизма, несмотря на собственную критику последних.

Думается, что, учитывая богатую традицию трактовки пола в русской культуре, сегодня уже невозможно обойтись без понятия «гендер». Новое слово возникло для анализа новых проблем. Оно маркирует не только отношения между полами, но и те сообщества, которые теоретически и практически решают проблемы пола вообще и женские проблемы в частности. «Гендер» представляет собой сложную, противоречивую систему: это конструкция концептуальная и, одновременно, основанная на опыте; индивидуальная и общественная; кросс-культурная и национально-культурная; физическая и духовная (в том числе политическая). Она включает в себя многие аспекты осмысления того, что же означает жить в мире, который создал нас не просто людьми, но всегда женщинами или мужчинами.

В результате осмысления этого феномена в современной славянской культуре формируются, как минимум, три философские парадигмы анализа пола/гендера: это философско-религиозные концепции пола; марксистские и постмарксистские философские идеи; феминистские и постфеминистские теории пола/гендера. Любая из этих теоретических конструкций может ветвиться далее, порождая все новые субмодели пола/гендера. Некоторые из них автономны, замкнуты на себя. Но все они составляют некий конгломерат, на фоне которого рождается славянская философия пола. Если говорить о возможных перспективах, то любая из заявленных моделей может стать вариантом решения как теоретических, так и практических вопросов пола и гендера на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Зверева Г.И.*** «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 2. – М., 2001. – С. 243.
2. ***Филиппович Г.*** Проблемы гендерной теории и критики: гендер, пол, сексуальность // Введение в гендерные исследования. Ч. 3. – Харьков, 2001. – С. 101.
3. ***Пето А.*** Заметки по женской истории: нетрадиционные феминистки // Гендерные истории Восточной Европы. – Мн., 2002. – С. 27
4. ***Евдокимов П.*** Женщина и спасение мира: о благодатных дарах мужчины и женщины. – Мн., 2000 – С. 263.
5. ***Аверинцев С.С.*** София-Логос: Словарь. – Киев, 2001. – С. 361.
6. ***Спиркин А.Г.*** Основы философии. – М., 1988. – С. 457.
7. ***Гапова Е., Усманова А.*** Размышления на темы географии и истории // Гендерные истории Восточной Европы. – Мн., 2002. – С. 8.
8. ***Кон И.С.*** Введение в сексологию. – М., 1988. – С. 60–61.
9. ***Тульчинский Г.Л.*** Гендер и рациональность (перспективы постчеловеческой персонологии) // Онтология возможных миров / Материалы научной конференции. – СПб., 2001. – С. 137–138.
10. ***Ушакин С.*** Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии, 1999, № 5. – С. 72.

SUMMARY

In this paper the author analises different methodological approaches to the problems of sex/gender in modern Slavic culture. The author offers three types of attitude to Gender Studies, which are on the postsoviet area on the border of the XX–XXI centuries.

Поступила в редакцию 1.06.2003

УДК 339.16.012.32(476)(091)+334.722.8(476)(091)

Н.И. Полетаева

Купечество Беларуси: источники формирования (60-е годы XIX – начало XX вв.)

Вопрос об источниках формирования купеческого сословия белорусских губерний имеет определенный научный интерес. Его изучение важно не только для воссоздания собственно истории данной сословной группы, но и для конкретизации проблемы формирования буржуазных слоев в дореволюционной Беларуси. В белорусской историографии данный аспект специально не исследовался, исключение составляет лишь фрагмент монографии З.В. Шибеко, который, анализируя источники пополнения городских жителей, подчеркнул, что в 80–90-е гг. XIX в. купеческое звание приобретали главным образом мещане [1].

Логичным было бы рассмотрение данного сюжета в разрезе: естественный и механический прирост. Но естественный прирост купечества проанализировать не представляется возможным, поскольку ни один исторический источник не содержит данные о том, сколько человек в этой сословной группе рождалось и умирало в конкретные отрезки времени. Вероятно, потребовался бы кропотливый анализ метрических книг, но такой вид документов выходит за рамки нашего исследования. Если в перспективе в белорусской историографии появятся работы, в которых будут подробно исследованы демографические процессы второй половины XIX – начала XX вв., то окажется возможным восполнить существующий пробел.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что купеческое сословие формировалось за счет ежегодной записи в него, что зависело только от субъективного желания и возможностей отдельных лиц. Поэтому, помня, что естественный прирост имел место, автор сосредоточилась на анализе источников механического прироста купечества.

Ответ на этот вопрос и прост, и сложен одновременно. Прост потому, что вероятные варианты его пополнения были предусмотрены в законодательстве. Купеческие свидетельства могли быть «выдаваемы лицам обоего пола, русским подданным всех состояний и иностранцам», за исключением священно- и церковнослужителей, протестантских проповедников и нижних воинских чинов, состоявших на службе [2, 3]. Сложен – в силу того, что необходимо было подобрать документальные источники, в которых все возможные компоненты выражены статистически и во временной динамике. Обобщающих сводных данных по белорусским губерниям найти не удалось. В распоряжении автора оказались только три типа документов, позволивших проследить происходившие в этом процессе тенденции.

Во-первых, это списки купцов по городам и уездам. Но проблема заключалась в том, что далеко не всегда и не везде чиновники на местах заполняли графу о том, из какого сословия и географического пункта происходил тот или иной купец. Достаточно полные интересующие нас данные за период 1876–1907 гг. имеются лишь по Минской губернии. Кроме того, есть отдельные сведения по Витебской губернии за 1908 г. и по Минску за 1913 г.

Во-вторых, сведения за 1864 г. о причисленных к Могилевской губернии и отчисленных из нее лицах, в том числе и купцах, и аналогичные документы за 80-е гг. XIX в. по Минской губернии.

В-третьих, материалы переписи населения 1897 г. по Виленской и Витебской губерниям, где присутствует информация о том, уроженцами каких мест являлись представители купечества. Белорусские уезды здесь выделить невозможно, поэтому были использованы погубернские сведения. Отметим лишь, что поскольку перепись фиксировала не только приписанных к определенным городам и уездам, но и всех находившихся в тот момент на данной территории лиц, то эти материалы рассматриваются как доказательство происхождения более широкого круга купцов и членов их семей, чем собственно купцов Беларуси.

Можно вести речь о двух основных компонентах в изучаемых процессах: сословно-социальном и территориальном. Первый позволяет определить соотношение основных сословий и сословных разрядов, за счет которых формировался контингент купечества; второй – выявить, из каких регионов происходила приписка.

Теоретически любой житель империи и иностранец мог быть включенным в состав сословия. Для этого необходимо было подать в городскую думу или заменявшее ее учреждение соответствующее прошение установленного образца. Реально же можно вести речь только о самих купцах, мещанах, потомственных почетных гражданах, крестьянах и некоторых других сословных группах. Дворянство в состав сословия не включалось, поскольку его права были гораздо шире, чем те, которые предоставлялись купечеству. Но в том случае, если представители высшего сословия занимались предпринимательской деятельностью, они записывались в купеческие гильдии, не входя в состав купечества.

На протяжении всего исследуемого периода основным источником формирования купечества было мещанство. Его привлекал специфический социальный статус купцов, которые стояли несколько выше на общественной «лестнице». Этот статус избавлял мещан от некоторых административных ограничений, а также предоставлял им более широкие коммерческие возможности. Как показывают источники, роль мещанства с течением времени все более возрастала. Так, по нашим подсчетам, в середине 70-х гг. XIX в. в Минской губернии из мещан происходили 54,19% всех купцов. К 1880 г. их было 60,23%, к 1890 г. – 70,15%, а к 1907 г. – уже 74,73% [4]. Следовательно, если в 70-е гг. XIX в. немногим более половины купеческого сословия формировалось за счет мещан, то в начале XX в. – почти три четверти. Этот факт подтверждается данными по Витебской губернии, где в 1908 г. свыше 67% купечества были выходцами из мещанства [4, Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л.6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.]. В Минске в 1913 г. подавляющее большинство – 86,90% – купцов происходили из мещан [4, Ф. 1, оп. 1, д. 6312, л. 1-463]. Помимо предпринимательских интересов объяснение, на наш взгляд, может быть таким: именно купеческое звание давало представителям зажиточных еврейских слоев шанс покинуть черту оседлости.

Вторым по значимости источником являлись сами купцы. Здесь выделялись те, кто, во-первых, на протяжении десятилетий состоял в сословии, во-вторых, дети купцов, которые в случае разделения капитала и открытия собственного дела самостоятельно записывались в купечество. Анализ динамики этого компонента показывает, что его роль постепенно снижалась. Если в 70-е гг. XIX в. собственно купечество давало почти 40% пополнения сословия, то к 90-м гг. – чуть более четверти (26,58%). В начале XX в. этот показатель изменился незначительно: в Минской губернии он составил 23,07%, в Витебской – 26,92%. Судя по некоторым данным, можно полагать, что к 1913 г. их доля еще более сократилась. В Минске, к примеру, в 1913 г. лишь 11,28% составляли выходцы из купечества [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об. 6; Ф. 1, оп. 1, д. 6312, л. 1-463]. Можно назвать ряд имен, которые встречаются в списках

купцов и в последней трети XIX, и в начале XX вв. Это несколько поколений купцов Вейсбремов, Поляков, Сутиных, Тасьманов, Шабадов и некоторых других. Возможно, семейные традиции играли здесь не последнюю роль.

Представительство остальных сословных групп, пополнявших купечество, было незначительным, однако о них стоит сказать подробнее. Крестьянство не стало существенным источником притока извне в купеческое сословие. Если в первые десятилетия после отмены крепостного права на его долю приходилось немногим более 3% от всех записавшихся, то в конце XIX – начале XX вв. его удельный вес снизился до совершенно незначительных величин – 0,20% по Минской губернии [4]. В Витебской губернии такие факты в этот период вообще не отмечались. Безусловно, среди причин этого явления можно назвать и конкуренцию со стороны городских торговцев, и бедность и недостаточность капиталов белорусского крестьянства. Можно согласиться также с мнением З.В. Шибеко о том, что к концу XIX в. белорусы, составлявшие основную массу крестьянства, «фактически утратили традицию торгово-промышленной деятельности» [1].

Тем более важным представляется возвращение из исторического небытия имен тех лиц, которые вышли из крестьян и достаточно долгое время пребывали в купечестве. Это И.Д. Бакуненко, впервые записавшийся в купечество Речицы в 1862 г. и состоявший в нем до конца XIX в., затем династию продолжил его сын Г.И. Бакуненко. В Речице же среди купцов был выходец из крестьян Горвольской волости Речицкого уезда Ф.Ф. Рыликов. В Минске в 70–80-х гг. XIX в. в купцах состояли бывшие крестьяне Ф.Ф. Михаленко и А.Н. Задерковский, в 80–90-х гг. в Мозыре – И.Ф. Врычев и Е.С. Коренев, в Бобруйске – И.А. Гриневич [4, Ф. 333, оп. 4, д. 4817, л. 2; д. 4819, л. 28; д. 4821, л. 9; д. 4554, л. 23-24; д. 8870, л. 304; д. 13643, л. 35]. Как правило, они записывались во вторую гильдию, но, вероятно, в начале XX в. некоторые из них в результате столыпинских преобразований смогли стать и более солидными коммерсантами. Так, в 1909 г. из крестьян деревни Дворище Жеробычской волости Витебского уезда сразу в первую гильдию по г. Городок Витебской губернии был причислен Я.С. Фролов с семьей из шести человек [4, Ф. 2640, оп. 1, д. 528, л. 69]. Но этот факт можно рассматривать скорее как исключение.

Часть купцов одновременно носила звание потомственных почетных граждан. Наблюдалась незначительная тенденция к росту этого компонента: по Минской губернии с 0,51% в середине 70-х гг. до 2,62% в 90-х гг. XIX в. Для начала XX в. характерен обратный процесс – сокращение удельного веса данной сословной группы в купечестве: в Минской губернии – до 2%, в Витебской губернии их доля была и того меньше – 0,64% [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.]. Это объяснимо нормами Положения 1898 г. о том, что лица, принадлежавшие к потомственным почетным гражданам, могли по своему желанию выбирать гильдейское свидетельство, но без причисления в купечество. Однако некоторые из них все же желали сохранить купеческое звание. Так, А.М. и Л.М. Лурье, семьи которых относились к почетным гражданам, в начале XX в. специально обращались в Минскую казенную палату с просьбой о зачислении их в купечество. В 1904 г. это прошение было удовлетворено. Но постановлением той же палаты от 25 января 1907 г. оба были исключены из состава купечества по Пинску [4, Ф. 333, оп. 4, д. 13643, л. 10; ф. 611, оп. 5, д. 36, л. 53, 99]. Следовательно, сокращение такой составляющей, как потомственные почетные граждане вызвано скорее не тем, что они покидали предпринимательские круги, а существовавшими законодательными принципами.

Кроме Лурье, высшее городское сословное звание – потомственного почетного гражданина – имели бобруйские купцы Б.И. Рабинович, Б.Е. Баркан и Л.Х. Го-

лодец, игуменские купцы Б.В., Г.В. и Б.М. Зельдовичи, витебские купцы Ф.Г. Волкович, Ш.М. Шнеерсон [4, Ф. 333, оп. 4, д. 4554, л. 49, 86; д. 5245, л. 5; д. 6270, л. 38; д. 6271, л. 102; ф. 2496, оп. 1, д. 1049, л. 314, 332] и некоторые другие.

Назовем еще одну социальную группу, которая в 70–80-х гг. XIX в. отмечалась среди купечества. Это, по терминологии источников, неутвержденные дворяне. Представители шляхты, не сумевшие документально доказать свое происхождение, были вынуждены причисляться в другие сословия, некоторые из них записывались в купеческое сословие. Такие факты отмечались, к примеру, в Речицком уезде (Э.И. Энгель, А.А. Бантис, М.О. Бобровский) [4, Ф.333, оп. 4, д. 4500, л. 33-34, д. 4554, л.146]. Их удельный вес был чуть более 2% [4]. Это явление было характерно только для 70–80-х гг. XIX в. Позднее такие факты не зарегистрированы.

Некоторая часть купцов происходила из отставных военных, а также евреев-земледельцев. В целом удельный вес этого компонента не превышал 1%. Судя по некоторым сведениям, в начале XX в. в купечество стали приписываться представители и других социальных слоев. К примеру, в Витебской губернии в 1908 г. 5,13% купцов происходило из аптекарей и дантистов [4, Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об]. В данном случае речь идет не о сословной, а о профессиональной группе. Дело в том, что в этот период получила распространение приписка в купечество только для звания, без всякой связи с предпринимательской деятельностью. Данный факт можно рассматривать как косвенное подтверждение процесса постепенного размывания старых сословных перегородок.

Дополнить материал о сословных компонентах формирования купечества позволяют документы о перечислениях из белорусских губерний и обратно. Будучи достаточно фрагментарными, они все же позволяют подтвердить очерченные тенденции. В 60-е гг. XIX в. в Могилевской губернии из приписавшихся к купечеству лиц большинство – 85,26% – происходило из этого же сословия, 9,48% – из мещан, 5,26% – из крестьян. Из отчисленных в купечество других губерний не изменило сословную принадлежность чуть более половины общего числа. Из мещан в купцы выписались 44,83 %, из крестьян – 3,44% [4, Ф. 2001, оп. 1, д. 949, л. 41-42 об.]. Вероятно, в этот период потенциал собственно купцов был еще достаточно велик, а мещане пока не успели воспользоваться преимуществами, предоставленными законами 1863–1865 гг. Часть крестьян также пыталась продвинуться по существовавшей тогда социальной «лестнице», но здесь подчеркнем одну деталь. Крестьяне, причисленные в купечество Могилевской губернии, происходили не из белорусских, а из других российских губерний – Смоленской и Костромской.

Аналогичные документы по Минской губернии иллюстрируют произошедшие изменения в сословном составе купцов, причисленных и отчисленных за 80-е гг. XIX в. Уже не сами купцы, а мещане давали основную массу лиц, приписанных к сословию – 87,50% в начале десятилетия и 71,43% в конце его [4, Ф. 333, оп. 4, д. 5341, л. 4-6; д. 5827, л. 4-7; д. 6268, л. 4-6]. Что касается отчисленных в другие губернии, то здесь доминировали представители купечества и в начале, и в конце 80-х гг. Это были в основном семьи купцов первой гильдии, воспользовавшиеся правом приписки к любым губерниям империи. Здесь явно прослеживается вектор межсословных и региональных перемещений: от мещанства к купечеству в границах черты оседлости, а затем после пятилетнего пребывания в нем – за пределы этой черты.

При анализе территориальных компонентов формирования купечества, базирующимся на списках купцов, в основу группировки данных были положены сведения о том, откуда купцы происходили: из своего уезда, из других уездов той же губернии или из других губерний. Обобщенные данные говорят

о том, что и во второй половине XIX. и в начале XX вв. основной контингент купечества компановался из местного населения. В Минской губернии в середине 70-х гг. XIX в. свыше 70% купцов были приписаны в сословие из жителей своих же уездов. Можно констатировать незначительную тенденцию к снижению их числа: за тридцать лет их удельный вес снизился до 61,36%. По Витебской губернии к 1908 г. аналогичный показатель составлял 57,69% [4: Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л 1-70; д. 592, л. 3-10 об.; Ф. 1, оп. 1, д. 6312, л. 1-463].

Учитывая, что удельный вес купцов, происходивших из других уездов той же губернии, почти не изменился (19,18% в 1876 г. и 18,75% в 1907 г.), можно полагать, что сокращение доли местных предпринимателей в купечестве происходило за счет выходцев из других губерний. Если в Минской губернии в середине 70-х гг. XIX в. их было 10,08%, то в начале XX в. – почти 20% [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.; Ф. 1, оп. 1, д. 6312, л. 1-463].

Данные сведения не противоречат материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., согласно которым на долю местных уроженцев среди купечества в Виленской губернии приходилось от 69,2% в уездах до 78,4% в городах. Соответственно число уроженцев других губерний находилось в пределах от 15,7% в городах до 18,2% в уездах [5]. Сопоставление данных переписи и результатов, полученных нами в ходе анализа списков купцов по Витебской губернии, дает основания полагать, что здесь также наблюдалась отчетливая тенденция к сокращению числа выходцев из местных жителей и росту удельного веса лиц, происходивших из других губерний. Если в конце XIX в. в ее городах 23,6% купцов были зарегистрированы как уроженцы других губерний, в уездах – 13,2% , то в начале XX в. удельный вес купцов, происходивших из других губерний, достигал почти 32,7% [4, Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.].

Это было связано как с ростом мобильности населения в целом, так и с постепенным накоплением капиталов у отдельных лиц, перенесением коммерческих интересов из одних регионов в другие. Не последнюю роль сыграл и такой фактор, как несовпадение места жительства купцов и места их официальной приписки. Если во второй половине XIX в. такие факты были редки, то в начале XX в. они стали достаточно массовыми. Во многих городах Беларуси были приписаны купцы, которые здесь фактически не проживали, но числились в местном купечестве как происходившие из других регионов. Так, в 1908 г. один из купцов Лепеля проживал в Туапсе, из полоцких купцов – пять в Риге, два в Рыбинске, один – в Бельске, в 1913 г. из 180 семей купцов Волковыска 35 были приписаны из Минска, Либавы, Лодзи, Риги, Варшавы, даже Бухары [4, Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 12; д. 592, л. 4,9, 10; 6]. Почти все они были записаны в купеческие списки с пометкой «для прав».

Определенный интерес представляет анализ регионов перемещений купечества, проведенный на основе материалов об их приписке и выписке. Оказалось, что в 60-е годы XIX в. 70% причисленных купцов Могилевской губернии происходили из белорусских уездов, остальные 30% – из Калужской, Смоленской, Киевской, Августовской, Черниговской, Костромской губерний [4, Ф. 2001, оп. 1, д. 949, л. 41-42 об.]. В 80-е гг. произошло увеличение доли купцов из белорусских губерний в общей массе приписанных – по Минской губернии до 80% в начале 80-х гг. и до 90% в конце 80-х гг. Соответственно сократилась доля причислявшихся из небелорусских губерний. В отчислениях купцов в другие губернии трудно выделить какую-либо закономерность. Если в начале 80-х гг. XIX в. лишь 15% представителей сословия переезжали в не-

белорусские губернии, то в середине 80-х – 77%, а в конце десятилетия – 30% [4. Ф. 333, оп. 4, д. 5341, л. 4-6; д. 5827, л. 4-7; д. 6268, л. 4-6]. В начале 90-х гг., по данным З.В. Шибеко, волна переселений за пределы пяти западных губерний шла на спад, уже от 20 до 10% купцов приписывались в небелорусские губернии. Очевидно, лишь немногие из купцов Беларуси отваживались покинуть пределы той территории, где они годами налаживали деловые связи. Но в тех случаях, если они все же переезжали в другие регионы России, они сами становились источником пополнения купечества империи в целом.

Таким образом, в исследуемый период, несмотря на то, что почти все граждане империи имели право быть включенными в состав купеческого сословия, реальный вклад в его формирование внесли главным образом купцы и мещане. Причем соотношение между этими группами с течением времени изменялось. Если в 60-е годы XIX в. сами купцы являлись основным социальным компонентом формирования данного сословия, то уже в середине 70-х гг. свыше половины контингента происходило из мещан. Тенденция доминирования мещанства к концу XIX – началу XX вв. стала еще более ярко выраженной – почти три четверти купцов Беларуси происходили из мещан. Другие социальные группы и слои были представлены весьма слабо, отмечалось представительство крестьян, потомственных почетных граждан, отставных военных, неутвержденных дворян.

Территориальная составляющая также претерпела некоторые изменения. Хотя в целом среди купцов превалировали выходцы из той же местности, где они были приписаны, тем не менее наметилось некоторое сокращение их удельного веса. Учитывая, что доля жителей других уездов практически не изменилась, это происходило за счет притока в купечество представителей других губерний империи, главным образом черты еврейской оседлости. Эту тенденцию можно рассматривать как косвенное подтверждение факта периодического перенесения коммерческих интересов и деятельности купцов из одних регионов в другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Шыбека З.В.*** Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). – Мн., 1997. – С. 159, 171.
2. ***ПСЗРИ.*** Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 1-е. 1863. – СПб., 1866. – С. 21.
3. ***ПСЗРИ.*** Собр. 2-е. Т. XL. Отд. 1-е. 1865. – СПб., 1867. – С. 20.
4. ***Национальный исторический архив Беларуси в Минске***. Ф. 333, оп. 3, д. 914, л. 24-43, 57-67; оп. 4, д. 4554, л. 2-171; д. 4820, л. 2-16, 20-35; д. 4817, л. 2-10; д. 4821, л. 9-12; д. 6276, л. 12-23; д. 4946, л. 17-24; д. 4819, л. 5-33; д. 4818, л. 3-9, 47-48; д. 919, л. 15-31; д. 914, л. 24-42, 57-67; д. 6273, л. 2-9; д. 6272, л. 24-92, 135-160; д. 6269, л. 2-60; д. 6274, л. 19-28; д. 6275, л. 27-45, 73-82; д. 6270, л. 38-57; д. 6271, л. 101-107; д. 9747, л. 2-220 об.; д. 13643, л. 2-192 об.
5. ***Первая всеобщая перепись населения Российской империи***, 1897. Т. 4, 5. Табл. XVI.
6. ***Национальный исторический архив Беларуси в Гродно***. Ф. 237, оп. 1, д. 61, л. 25-65.

SUMMARY

The article tells about sources and directions of formation of merchants on western grounds of the Russian Empire in the period from the 60s of the 19th century to the beginning of the 20th century. The special attention is given to sphere of the appendix and search of the capitals. The conclusions are made on the basis of little-known sources.

Поступила в редакцию 15.09.2003

УДК 37.016:502(476)(09)

В.М. Минаева

Развитие методики преподавания природоведения в Беларуси в 80–90-е годы XX века

В соответствии с «Основными направлениями реформы общеобразовательной и профессиональной школы» в 1986/1987 учебном году начальная школа Беларуси вступила в новый этап и перешла на обновленную структуру и содержание обучения. Она становится четырехлетней вместо трехлетней. В первом классе стали учиться шестилетние учащиеся.

Реформа потребовала интенсивного составления новых программ, учебников, учебных пособий, методических рекомендаций, таблиц, диафильмов, диапозитивов и других наглядных пособий.

Произошли существенные изменения и в естественнонаучном образовании младших школьников, которое предусматривало изучение 2-х курсов: «Ознакомление с окружающим миром» в I и II классах и «Природоведение» в III–IV классах.

Первый из названных курсов содержал сведения о природе и обществе, отличался довольно широкой интеграцией, т.к. знакомил учащихся с правилами общественной жизни, трудом людей и природным окружением. Введение этого предмета в начальную школу было обусловлено тем, что назрела потребность в активизации воспитательного потенциала учебного процесса.

Программа учебного предмета «Ознакомление с окружающим миром» была построена по концентрическому принципу и включала следующие разделы: «Наш дом и родная природа», «Наша школа (детский сад) и родная природа», «Наш город (село) и родная природа», «Родная страна».

Основная цель, которая должна была реализоваться в процессе преподавания этого предмета, состояла в том, чтобы сформировать у учащихся гражданские и патриотические чувства, нравственные качества и нормы поведения, элементарные, научные знания об окружающей действительности. А также помочь ребенку осознать себя членом классного и школьного коллектива, гражданином своей страны, воспитать у него ответственное отношение к своим обязанностям, правильное (соответствующее нормам жизни общества) отношение к людям и природе.

Особенностью работы с шестилетними первоклассниками явилось то, что основные первоначальные представления и понятия учащихся приобретали не из учебников, а в процессе непосредственных наблюдений на экскурсиях, учебных прогулках.

Для учащихся было подготовлено учебное пособие «Познай мир» В.М. Вдовиченко (г. Минск) с авторами из г. Москвы [1]. При работе с ним учащиеся рисовали, раскрашивали, вырезали картинки и наклеивали, показывали стрелками и т.д. По его иллюстрациям с учащимися проводились беседы, они составляли рассказы, к концу учебного года читали стихотворения, лозунги.

В помощь учителям в 1989 г. вышло пособие «Ознакомление шестилеток с окружающим миром» [2], где В.М. Вдовиченко в соавторстве с учителем-методистом Г.Ф. Гулякевич конкретизировали основные задачи, раскрыли методику организации наблюдений за изменениями в природе по временам года. Основную часть пособия составили методические рекомендации к проведению уроков

Учебник для второго класса «Мир вокруг тебя» [3] и учебное пособие к нему «Познай мир» [4] написали В.М. Минаева (г. Витебск), А.В. Михайлова, Г.Г. Панасенко (г. Могилев).

Разделы учебника назывались «Твой дом», «Твоя школа», «Твой город (село)», «Родная страна». В каждом из разделов нашли отражение природоведческие знания, характеризующие времена года и бережное отношение к природному окружению.

Учебное пособие «Познай мир» расширяло и углубляло материал учебника, а выполнение его заданий развивало речь учащихся, наблюдательность, способствовало их логическому мышлению, решались задачи экологического, экономического, патриотического и трудового воспитания.

Методическое пособие для учителей 2-х классов [5] было издано в 1989 г. В нем отражены задачи курса, основные формы, методы и приемы учебно-воспитательного процесса (экскурсии, учебные прогулки, наблюдения, практические работы, дидактические игры и т.д.). Они были направлены на то, чтобы активизировать мыслительную деятельность учащихся и обеспечить осознанное усвоение программного материала, стимулировать поиск ответов на вопросы, учили рассуждать, развивали мышление и речь.

Давались рекомендации, как работать с учебником (текстами, рисунками, вопросами и заданиями). При работе с тетрадью «Познай мир» делался акцент на организацию самостоятельной работы на уроках и дома, на ее органическую связь с учебником.

В методическом пособии имелись рекомендации к проведению уроков (тема, цель, оборудование и ход). К каждому уроку были даны дополнительные текстовые материалы (рассказы, стихотворения, загадки, рубрика «Это интересно», дидактические игры и т.д.).

К 1991/1992 учебному году был издан новый комплект для учащихся 2 класса (учебное пособие «Познаю мир» [6] и «Тетрадь по ознакомлению с окружающим миром» [7]. В республике это была первая попытка по созданию альтернативных учебных пособий, так как предыдущие издания уже не удовлетворяли учащихся и учителей, поскольку их содержание было недогружено учебным материалом.

Большинство учителей начальных школ республики стали работать по новым учебным пособиям. Это позволяло им в большей мере проявлять индивидуальность, творческую инициативу и создавать благоприятные условия для развития и воспитания учащихся.

Издание пособия «Азбука поведения в природе» [8] должно было восполнить пробел в экологическом воспитании учащихся 2 класса. Его содержание было направлено на то, чтобы учащиеся могли стать настоящими друзьями природы (не наносили вреда растениям, охраняли животных, чистоту водоемов и воздуха, сохраняли растения и животных Красной книги Беларуси). Цветные страницы «Азбуки» иллюстрировали, как правильно вести себя на природе, а черно-белые рисунки – последствия негативного поведения. Такая контрастная подача материала вызывала интерес у учащихся и желание выполнять задания пособия. Они без особого труда запоминали правила поведения на природе и старались им следовать в повседневной жизни.

В третьем классе учащиеся приступали к изучению курса «Природоведение». Его программа предусматривала 3 раздела: «Природа родного края», «Сезонные явления в природе» и «Организм человека. Охрана здоровья людей».

Авторы учебника В.М. Вдовиченко, З.П. Паршакова [9] (г. Минск) подобрали и разработали содержательные материалы: учебные тексты, вопросы и задания, иллюстрации, загадки, пословицы, списки литературы для дополнительного чтения, планы по изучению растений, животных, полезных ископаемых, правила поведения на природе и т.д.

Изучение раздела «Природа родного края» начиналось с живой природы: растения и животные леса, луга, водоема, болота, культурные растения и животные сада, огорода. Затем рассматривались объекты неживой природы (почва, полезные ископаемые, формы поверхности земли, водоемы родного края).

Материал раздела «Сезонные явления в природе» являлся обобщающим и систематизировал знания учащихся о порах года, которые были у них сформированы в I–II классах.

Существенным было то, что учащиеся 3 класса знакомились со строением тела человека, с тем как сохранить здоровье (уход за кожей, правила загорания и купания, правильная осанка, укрепление мышц, правила питания, уход за зубами и др.), т.е. закладывались основы здорового образа жизни.

Содержание «Дневника наблюдений за природой и трудом людей» [10] составляла программа сезонных наблюдений за погодой, таблицы, заполнение которых и последующий анализ результатов давал возможность подвести итоги не только за каждый месяц года, но и сезон, установить причины природных изменений и их взаимосвязей.

Наблюдения за растениями и животными, трудом людей также носили сезонный характер. Это позволяло учащимся осознать, что изменения, происходящие в разные поры года в неживой природе, влияют определенным образом на жизнь растений и животных, сельскохозяйственный труд людей.

Учебник «Природоведение. 4 класс» [11] был написан П.А. Лярским (г. Могилев) и интегрировал биологические и географические сведения. Он соответствовал разделам программы «Ориентирование на местности. План и карта», «Разнообразие природы нашей Родины», «Использование и охрана природы». Первоначальные географические знания имели следующее содержание: план, карта, горизонт, стороны горизонта, как ориентироваться на местности, изменение природы с севера на юг, природные зоны.

Материал учебника знакомил с природой не только родного края, но и всей страны – Советского Союза (разнообразием, богатством, красотой, использованием и охраной). С помощью географической карты учащиеся совершали путешествия по природным зонам Родины, узнавали о реках, морях, озерах, бескрайних лесах, высоких горах, их климате, растительном и животном мире. Изучение каждой природной зоны завершалось знакомством с основными видами труда людей, охраной ее природы.

Важным явилось и то, что в учебнике был выделен раздел «Использование и охрана природы», который носил обобщающий характер, учащиеся убеждались, что природа – большой дом, без которого невозможна жизнь людей, поэтому его надо беречь и приумножать богатства и красоту.

Дополнением к учебнику явилась «Рабочая тетрадь по природоведению» [12]. Ее основу составили задания по наблюдениям за погодными изменениями (состояние неба, температура воздуха, осадки, ветер) летом, осенью, зимой и весной. Применительно к каждому сезону предлагались задания, выполнение которых расширяло и углубляло знания учащихся о жизни растительного и животного мира, особенностях труда людей.

За каждый месяц и сезон подводились итоги наблюдений, выполнялись контрольные задания, которые позволяли учащимся проверить понимание и усвоение изученного материала.

Следует отметить, что тетрадь интересна по своему содержанию и подаче материала (стихи, пословицы, загадки, народные приметы, выбор правильного ответа, что произойдет, если ..., определи по рисунку, узнай и запиши, подсчитай, сделай кормушки птицам, осмотри деревья и др.).

В рассматриваемый период наиболее остро встала проблема экологического воспитания учащихся. В связи с этим в издательстве «Народная асвета» выходит пособие «Экологическое воспитание в начальных классах» [13]. Автор очертила основные педагогические условия эффективности экологического воспитания, показала систему его реализации в процессе учебной деятельности (I–IV классы), во внеклассной работе и общественно полезном труде. Для творческого подхода учителей к его осуществлению пособие имело дополнительные материалы к беседам и внеклассным мероприятиям.

Существенную помощь учителям в эти годы оказывал журнал «Народная асвета», где публиковались различные материалы о передовом опыте учителей и разработки методистов республики.

Итак, в 1980–1990-е годы продолжалось активное развитие методики природоведения: издавались республиканские программы, учебники, учебные пособия и рекомендации для учителей. Они расширяли их методический кругозор и делали педагогическую работу более продуктивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Вдовиченко В.М., Сороцкая О.Н., Федотов Н.В.*** Познай мир: Тетрадь для учащихся 1-го кл.: Учебное пособие. – Мн., 1986. – 32 с.
2. ***Удавічэнка В.М., Гулякевіч Г.Ф.*** Азнаямленне шасцігодак з навакольным светам: Дапаможнік для настаўніка. – Мн., 1989. – 64 с.
3. ***Минаева В.М., Михайлова А.В., Панасенко Г.Г.*** Мир вокруг тебя: Учеб. для 2-го кл. – Мн., 1987. – 103 с.
4. ***Минаева В.М., Михайлова А.В., Панасенко Г.Г.*** Познай мир: Тетрадь для учащихся 2-го кл.: Учебн. пособие. – Мн., 1987. – 16 с.
5. ***Мінаева В.М.*** Азнаямленне вучняў з навакольным светам, 2-і кл.: Дапаможнік для настаўніка. – Мн., 1989. – 80 с.
6. ***Минаева В.М., Лукьяненко В.Ф.*** Познаю мир: Учебн. пособие для 2-го кл. – Мн., 1991. – 143 с.
7. ***Минаева В.М.*** Тетрадь по ознакомлению с окружающим миром: Учебн. пособие для учащихся 2-го кл. – М., 1991. – 55 с.
8. ***Мінаева В.М.*** Азбука паводзін у прыродзе: Вучэбн. дапам. для 2-га кл. – Мн., 1993. – 16 с.
9. ***Вдовиченко В.М., Паршакова З.П.*** Природоведение: Учебник для 3-го кл. – Мн., 1989. – 128 с.
10. ***Вдовиченко В.М., Паршакова З.П.*** Дневник наблюдений за природой и трудом людей: Учебн. пособие для 3-го кл. – Мн., 1985. – 47 с.
11. ***Лярский П.А.*** Природоведение: Учебник для 4-го кл. – Мн., 1989. – 104 с.
12. ***Лярский П.А.*** Рабочая тетрадь по природоведению: Учебн. пособие для 4-го кл. – Мн., 1989. – 79 с.
13. ***Минаева В.М.*** Экологическое воспитание в начальных классах: Пособие для учителя. – Мн., 1987. – 112 с.

SUMMARY

The article deals with the question of what was done by Belorussian methodologists for Nature Studies teaching perfection at a primary school in the 80–90s of the XXth century.

Поступила в редакцию 17.03.2004

УДК 371.132

О.Л. Гайковая

Педагогические условия подготовки студентов к формированию социально-нравственной устойчивости подростков

Системная природа педагогического процесса в вузе создает реальные предпосылки для эффективного управления процессом подготовки будущих педагогов к работе по формированию социально-нравственной устойчивости учащихся-подростков. При этом важно видеть не только основные части системы в целом, но и те связи и отношения, которые возникают, складываются или разрушаются между этими частями в зависимости от компонентов структуры, образующих систему.

Оптимальное функционирование педагогической системы возможно при соответствующих социально-педагогических и временных условиях и направлено на достижение целей, обусловленных потребностями общества [1].

Цели определяют содержание педагогической системы, которое предполагает наличие многообразия форм и методов ее реализации для достижения намеченных результатов. Применительно к нашему исследованию цели совместной деятельности управляющей (педагогический коллектив) и управляемой (студенческий коллектив) подсистем мы видим в том, чтобы сформировать базовые знания у будущих педагогов и навыки для работы по формированию социально-нравственной устойчивости личности подростков. В связи с этим, возникла необходимость определить интегративное свойство педагогической системы в вузе в целом, основанное на межпредметных и внутрипредметных связях отдельных (в основном, педагогических) дисциплин. При этом результатом подготовки студентов к формированию социально-нравственной устойчивости учащихся-подростков является достаточный уровень их профессиональной готовности к осуществлению данного аспекта воспитательной работы.

Межпредметные связи отражают тенденции интеграции науки и практики и составляют необходимое условие организации учебно-воспитательного процесса как целенаправленной системы.

Изучению проблемы межпредметных связей, характеристике их сущности посвящены работы В.Н. Максимовой, Н.Д. Зверева, Л.Я. Зверева, М.Н. Скаткина, Б.Г. Ананьева, П.Г. Кулагина, Г.Ф. Федорец и др.

В учебной деятельности студентов реализация межпредметных связей служит дидактическим условием ее активизации, систематизации знаний, формирования самостоятельности мышления и познавательного интереса. Комплексное применение знаний из разных предметных областей разрешает существующее в системе обучения противоречие между разрозненным по учебным дисциплинам усвоением знаний студентами и необходимостью их синтеза и применения на практике.

Межпредметные связи как педагогическая категория [2, 3] представляют собой дидактическое условие реализации конкретного выражения принципа социально-нравственного развития в педагогическом процессе, обосновывающего необходимость изучения педагогических дисциплин в тесной связи с ролью социально-нравственной устойчивости личности в жизни общества. Для реализации данной идеи в практической деятельности необходима опора на уже имеющийся у будущих учителей социально-нравственный опыт и педагогическую культуру.

Так, философия ставит своей целью формирование образованного, гуманистически ориентированного человека с широким кругозором, человека, умеющего диалектически мыслить и критически оценивать современные события, свои и чужие поступки. Изучение философии способствует воспитанию ответственности, пробуждению человеколюбия, а также развитию духовности, мыследеятельности и творчества.

Культурология знакомит студентов с проблемами развития культуры и направлена на повышение их культурного уровня, усвоение норм поведения, формирование самостоятельности мышления.

Этика и эстетика развивают эстетический вкус, дают представления о нормах морали, формируют нравственную культуру личности.

Политология и социология – гуманитарные дисциплины, областью познания которых является изучение сущности политических и других отношений, эти предметы содействуют воспитанию гражданственности, общественной активности, ответственности за состояние и развитие общества.

Общей целью преподавания курса правоведения является изучение студентами теории права и основ правового положения личности, обязанностей по отношению к ряду субъектов права. Данная дисциплина повышает правовую культуру личности, воспитывает социальную активность.

Изучение дисциплин психолого-педагогического блока дает знания о закономерностях и принципах развития и формирования личности на различных возрастных этапах, знакомит будущих педагогов с наиболее эффективными педагогическими технологиями учебно-воспитательного процесса, способствует формированию у студентов установки на самосовершенствование и самовоспитание их личности.

Преподавание психолого-педагогических дисциплин как профилирующих в педагогических вузах строится с учетом дифференциации содержания учебных курсов в зависимости от специальности. При этом формирование комплекса психолого-педагогических знаний, умений, навыков обеспечивается организационным единством и взаимосвязью различных форм обучения: лекционных, практических, семинарских, лабораторных занятий и педагогической практикой, включая спецкурсы и спецсеминары.

Реализация системной подготовки будущих учителей к формированию социально-нравственной устойчивости личности учащихся-подростков может осуществляться в процессе аудиторной и внеаудиторной работы. При этом аудиторная работа представлена изучением дисциплин педагогического блока на основе межпредметных и внутрипредметных связей, спецкурсами и спецсеминарами, а внеаудиторная – самостоятельной работой, педагогической практикой, социально-педагогическими тренингами, проведением конференций.

Наряду с философией, эстетикой, этикой, культурологией педагогика занимает важное место в общекультурной подготовке будущих педагогов. Эта дисциплина существенно усиливает мировоззренческий, общекультурный, педагогический, творческий и гуманистический потенциал подготовки кадров. Освоение социальных и нравственных ценностей – это область человеческой деятельности, которая служит средством многостороннего воспитания личности, пробуждает креативность мышления.

Педагогические дисциплины способны аккумулировать социально-духовный опыт поколений и переводить его в личный опыт каждого, развивая духовность современного широко и гуманистически мыслящего человека, специалиста с высшим образованием. Эти воспитательные возможности особенно важны сегодня, когда формируется новая система социальных отношений и на первый план выступает гуманистическая парадигма мышления в педагогической деятельности.

Опираясь на теоретическое положение В.В. Догоновой о том, что «15% производственных успехов будущих учителей зависит от приобретенных ими

профессиональных знаний по предмету, а все остальное достигается за счет психолого-педагогической культуры» [4], мы в основу функционирования системы подготовки студентов к формированию социально-нравственной устойчивости подростков положили изучение педагогических дисциплин.

Так, в ходе обстоятельного анализа содержания рабочих программ по педагогическим дисциплинам выявлено, что рабочие учебные программы этого блока не ориентированы конкретно на подготовку студентов к формированию социально-нравственной устойчивости личности учащихся-подростков. В этих курсах не рассматриваются особенности и методика организации воспитательной работы в данном направлении в полном объеме с учетом современных тенденций в образовании. Однако, педагогические дисциплины, дополняя друг друга, обладают реальными возможностями по подготовке будущих педагогов к формированию социально-нравственной устойчивости личности подростков. Среди них – «Общие основы педагогической профессии», «Педагогика современной школы: теоретический аспект», «Педагогические системы и технологии: практический аспект», «Введение в коррекционную педагогику», «История образования и педагогической мысли».

Именно систематизация социально-нравственного компонента содержания педагогических дисциплин способствует совершенствованию подготовки будущих учителей к формированию социально-нравственной устойчивости личности подростков, что составляет один из механизмов профессионального роста. С этой целью социально-нравственный компонент вошел в содержание программы формирующего эксперимента по изучению педагогических дисциплин студентами математического факультета ВГУ имени П.М. Машерова.

Такая система функционирования социально-нравственного содержания педагогических дисциплин и ее внедрение в жизнедеятельность студенческой группы позволяет последовательно и более полно использовать их потенциальные возможности.

Учитывая эти аспекты при реализации программы формирующего эксперимента, наряду с традиционными использовались активные методы социального обучения. Выбор методов зависел от уровня готовности студентов к формированию социально-нравственной устойчивости личности подростков и от этапа подготовки, на котором они находились.

Для оптимального использования возможностей содержания педагогических дисциплин с усилением социально-нравственного компонента, организации активного обучения (применение активных форм и методов обучения) необходимо было учитывать особенности образовательной среды классического университета.

Образовательная среда представляет собой совокупность условий, окружающих и взаимодействующих с человеком как с личностью по поводу образования. Среди основных особенностей образовательной среды классического университета можно выделить следующие:

– всякая деятельность, в том числе учебная, в рамках отдельных дисциплин обязательно содержит все ее инвариантные стороны: познавательную, преобразовательную, воспитательную и др., то есть все базисные компоненты образования включаются в его содержание имплицитно [5];

– вклад отдельных учебных дисциплин в формирование различных компонентов опыта личности различен;

– в качестве доминанты дисциплин педагогического блока выступает социально-нравственная профессионально-педагогическая направленность;

– формирование направленности личности обусловлено молодежной субкультурой;

– учебно-познавательная деятельность в современной высшей школе определяется системой социальных отношений и взаимодействий преподавателя и студентов;

– сознательное учение – это творческий саморегулируемый учебный труд, т.е. саморегулируемая, самоорганизуемая, самопобуждаемая учебная деятельность;

– в процессе обучения в вузе задается профессиональный и социальный контекст будущей деятельности специалиста (складывается система отношений к профессии, труду, обществу, к самому себе, личностные смыслы трансформируются в социальные ценности, происходит социальное развитие личности, ее включение в профессию как часть культуры);

– образовательная и социокультурная среда взаимодействуют друг с другом как общее и особенное и в совокупности определяют социализацию личности;

– компьютеризация обучения.

Следовательно, внедрение целенаправленной системы подготовки студентов к формированию социально-нравственной устойчивости личности подростков в учебно-воспитательный процесс классического университета посредством преподавания педагогических дисциплин позволит будущим педагогам грамотно и успешно включиться в непосредственную педагогическую деятельность по данному аспекту воспитательной работы с учащимися подросткового возраста.

В то же время, на основании проведенного исследования, нами были выявлены и обоснованы педагогические условия повышения эффективности подготовки будущих учителей к работе по формированию социально-нравственной устойчивости личности учащихся-подростков на материале педагогических дисциплин классического университета:

1. Реализация межпредметных и внутрипредметных связей в процессе организации учебной деятельности студентов служит дидактическим условием ее активизации, систематизации знаний, формирования самостоятельности мышления и познавательного интереса. Проблема воспитания социально-нравственной устойчивости личности подростков требует от педагогов комплексного применения и синтеза знаний из разных предметных областей на практике.

2. Ориентация на принцип социально-нравственного развития в педагогическом процессе обосновывает необходимость изучения педагогических дисциплин в тесной связи с ролью социально-нравственной устойчивости личности в жизни общества. Для реализации данной идеи в практической деятельности необходима опора на уже имеющийся у будущих учителей социально-нравственный опыт и педагогическую культуру.

3. Оптимальное использование возможностей педагогических дисциплин предполагает усиление и систематизацию социально-нравственного компонента в их содержании. Педагогические дисциплины способны аккумулировать социально-духовный опыт поколений и переводить его в личный опыт каждого, внося при этом социальный и профессиональный контекст в деятельность будущего специалиста.

4. Опора на принцип поэтапного формирования у студентов системы общепедагогических и специальных знаний, умений, навыков по их подготовке к данному аспекту воспитательной работы. Это педагогическое условие обеспечивает выполнение ряда методических требований к процессу организации подготовки будущих педагогов по формированию социально-нравственной устойчивости подростков (целенаправленность, осознанность, преемственность, последовательность, непрерывность, системность).

5. Активизация обучения в вузе (использование активных форм и методов) развивает творческую активность студентов, влияет на прочность и мобильность знаний, ориентирует их на необходимость осознания профессионального роста – самообразования, самовоспитания и социального смысла педагогической профессии.

6. Взаимосвязь аудиторной, внеаудиторной и самостоятельной работы студентов обеспечивает единство их теоретической, практической и психологической готовности.

7. Учет особенностей образовательной среды классического университета является условием эффективной и рациональной организации процесса профессиональной подготовки будущих педагогов.

Таким образом, выделенные нами в ходе исследования педагогические условия способствуют формированию основательной теоретической и практической подготовки студентов в сфере социально-нравственного воспитания подростков, что в реальном педагогическом процессе позволит будущим учителям успешно включиться в самостоятельную профессионально-педагогическую деятельность по воспитанию социально-нравственной устойчивости личности учащихся подросткового возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Абдулина О.А.*** Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1990. – 141 с.
2. ***Межпредметные связи в учебно-познавательной деятельности учащихся*** Сб. научных трудов межвуз. / Под ред. ***Н.А. Сорокина***. – Тула, 1983. – 170 с.
3. ***Межпредметные связи в учебном процессе*** – Киров–Йошкар-Ола, 1978. – 80 с.
4. ***Догонова В.В.*** Самообразование в системе профессиональной подготовки будущего учителя: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 – М., 1993. – С. 78.
5. ***Леднев В.С.*** Содержание общего среднего образования: Проблемы структуры. – М., 1980. – 264 с.

SUMMARY

The article highlights the main pedagogical conditions of the theacher training system for forming social and moral stability of teenagers' personality.

Поступила в редакцию 1.04.2004

УДК 371.398 + 371.036

С.В. Рачинский

Художественно-эстетическое направление в системе дополнительного образования на современном этапе

В настоящее время возникла необходимость в том, чтобы современная школа начала строить принципиально иную функциональную модель своей деятельности, на принципе полноты образования. Последнее означает, что впервые базовое (основное) и дополнительное образование детей могли бы стать равноправными, взаимодополняющими друг друга компонентами и тем самым создать единое образовательное пространство, необходимое для полноценного личностного развития каждого ребенка. В этих условиях школа сможет преодолеть интеллектуальный перекос в развитии учащихся и создать основу для их успешной адаптации в обществе.

В современных условиях образованность человека определяется не столько предметными знаниями, сколько его разносторонним развитием как личности. Поэтому общеобразовательный процесс в школе нужно направить на разноплановое развитие ребенка, раскрытие его творческих способностей и таких качеств, как инициативность, фантазия, самостоятельность, то есть

всего того, что относится к индивидуальности человека, а не только на передачу определенных знаний, умений и навыков. Основное и дополнительное образование не должны существовать друг без друга, ибо по отдельности они односторонни и неполноценны [1].

Учреждения дополнительного образования – особая система, складывающаяся при Домах творчества, центрах внешкольной работы и эстетического воспитания, клубах, детских музыкальных школах, детских художественных школах, школах искусств и других внешкольных учреждениях, в том числе центры народных промыслов, творческие мастерские и студии.

Внеклассная и внешкольная работа создает реальные предпосылки для осуществления всестороннего развития учащихся. Учреждения дополнительного образования охватывают учащихся разных школьных возрастов, что позволяет практически любому из них, независимо от уровня предварительной подготовки, получить квалифицированную педагогическую помощь. Работа данных учреждений не ставит целью подготовку специалистов, а решает задачи, связанные с профориентацией, получением обучающимися основ будущего профессионального образования и самоопределением ребенка.

Цель дополнительного образования детей – выявление и развитие способностей каждого ребенка, формирование духовно богатой, творчески мыслящей, социально активной личности, обладающей прочными знаниями.

Важным элементом в системе дополнительного образования, привлекательным для родителей и детей, являются художественно-творческие виды деятельности, которые обеспечивают художественно-творческое развитие.

Ценность дополнительного образования детей состоит в том, что оно усиливает вариативную составляющую общего образования, способствует реализации знаний и навыков, которые дети получают в школе, стимулирует познавательную мотивацию обучающихся. А главное – в условиях дополнительного образования дети могут развивать свои потенциальные способности, адаптироваться в современном обществе и получать возможность полноценной организации свободного времени.

Практические разработки, содействующие активному вовлечению школьников в творческий процесс, встречаются редко, хотя деятельность по использованию разнообразных материалов в ходе занятий искусством может быть развернута в любой средней школе и внешкольном учреждении. Все это может быть осуществлено без дополнительных затрат на приобретение оборудования или дорогих материалов и без особых усилий педагога: за счет активизации творческого стремления подростка и родителей. Формирующаяся система дополнительного образования детей в корне меняет постановку ряда вопросов художественной работы с детьми.

Однако, для учреждений дополнительного образования разработано недостаточное количество методических материалов, рекомендации и пособий. В школе, из-за малого количества часов на преподавание изобразительного искусства, и декоративно-прикладное искусство рассматривается не так полно, как в кружках, студиях.

Современные исследователи Л.Н. Буйлова, Н.В. Кленова, А.Б. Фомина [2–4] выделяют следующие функции, присущие дополнительному образованию детей:

1. Социальные функции направлены на удовлетворение потребностей родителей и детей в:

а) стремлении развить индивидуальные способности (заметим, что школа не может сделать этого не только из-за своей массовости, но и из-за отсутствия условий, возможности предоставления широкого спектра направлений деятельности);

б) коммуникации (накопление опыта общения со сверстниками (старшими и младшими детьми) и взрослыми);

в) социализации (развития умения адаптироваться к разным социальным средам).

2. Психологические функции:

а) релаксационная (возможность расслабиться, отдохнуть, уйти от регламентации в семье, школе);

б) компенсаторная (желание ребенка справиться с личными проблемами, самоутвердиться, компенсировать неудачи в школе и семье);

в) развивающая (создание развивающей среды, адекватной природе ребенка, обеспечивающей физическое и психическое развитие его задатков и способностей в процессе разнообразной деятельности).

3. Образовательные функции:

а) интенсификация образования (качественное углубление образования в определенной сфере знания);

б) экстенсификация образования (количественное расширение образования);

в) допрофессиональная подготовка (освоение основ какой-либо профессии);

г) профессиональное самоопределение, овладение профессией с получением сертификата.

4. Досуговая функция: удовлетворение потребности личности в содержательном и развивающем отдыхе.

Обобщая различные подходы, обозначим сложившиеся в системе дополнительного образования детей социально-педагогические функции:

– образовательную;
– воспитательную;
– социокультурную;
– функцию социализации;
– функцию социальной защиты;
– функцию социальной адаптации;
– профориентационную функцию;
– рекреативно оздоровительную функцию.

Система дополнительного образования активно интегрируется со всеми возможными формами внешкольной работы с детьми, предоставляя ребенку право в условиях культурно-образовательного процесса получить посредством творческой деятельности образование и развитие.

Учреждения дополнительного образования – тип общественного учреждения по развитию мотивации личности к познанию и творчеству.

В задачи учреждений дополнительного образования входят:

– развитие личности;
– укрепление здоровья;
– профессиональное самоопределение;
– формирование культуры;
– организация досуга;
– адаптация к жизни общества (документы об учреждениях дополнительного образования).

В настоящее время система дополнительного образования детей развивается по нескольким основным направлениям:

– художественно-эстетическое;
– научно-техническое;
– эколого-биологическое;
– физкультурно-оздоровительное;
– туристско-краеведческое;
– военно-патриотическое;
– социально-педагогическое;
– естественнонаучное;
– спортивно-техническое;
– культурологическое.

Одним из самых массовых и популярных среди детей и родителей является художественно-эстетическое дополнительное образование. Именно через искусство, художественное творчество происходит передача духовного опыта человечества, способствующего восстановлению связей между поколениями. Его роль значительно возросла за счет создания благоприятных условий по приобщению детей к искусству в условиях образовательных учреждений: лицеев, гимназий, средних общеобразовательных школ, школ с углубленным изучением искусства, профильных художественных классов.

В процессе занятий школьников художественными видами деятельности в системе дополнительного образования стоят следующие педагогические задачи:

1. Обучать школьников основам изобразительного искусства и пространственно-конструктивной грамоты – композиции, формообразования.

2. Способствовать овладению учащимися практически значимыми способами деятельности, умениями и навыками, необходимыми в быту, социальной жизни и профессиональной работе.

3. Знакомить учащихся с основами профессиональной деятельности, содействовать профессиональной ориентации школьников.

4. Развивать навыки общения со сверстниками и взрослыми, способствовать формированию детского коллектива.

5. Развивать практические умения и навыки самостоятельной художественно-творческой деятельности учащихся, активизировать их фантазию, образное мышление, инициативу и творческую активность.

6. Воспитывать эстетическое отношение к окружающей действительности, художественный вкус и любовь к искусству, формировать способность учащихся воспринимать и оценивать продукты художественной деятельности с эстетической точки зрения.

7. Воспитывать чувства национального самосознания, любви к родной природе, отечественной истории и культуре, традиционному народному искусству.

8. Способствовать формированию духовной культуры, укреплению системы нравственных ценностей и обогащению сенсорной сферы.

Дополнительное образование переживает сейчас «переходный период», и важная задача учреждений дополнительного образования состоит в разработке качественных и востребованных программ, соответствующих современным требованиям и основным педагогическим принципам работы. Ими являются принципы творческого подхода, добровольности, учета возрастных и индивидуальных потребностей учащихся, преемственности, доступности и взаимодействия видов работы, а это:

– принципы добровольности состоят в том, что учащиеся посещают кружки по своему усмотрению, выбирая самостоятельно те виды деятельности, которые интересуют их.

– Учет возрастных и индивидуальных особенностей учащихся является важным требованиям к работе учреждений дополнительного образования. Содержание практических занятий должно соответствовать возможностям учащихся, чтобы не оказывать вредного воздействия на их здоровье.

– Принципы преемственности предполагают постепенное усложнение видов деятельности при их доступности, развитии сформированных умений и навыков, необходимых в будущем.

Решая проблему занятости детей, учреждения дополнительного образования должны сочетать различные виды организации досуга. Они объединяют учение и труд, праздник и развлечение, творчество и самообразование.

Обучение декоративно-прикладному искусству в учреждениях дополнительного образования важно построить в опоре на следующее:

– связь занятий с современными требованиями общества к искусству;

– формирование представлений о соотношении художественной и утилитарной функций предмета;
– развитие умений и навыков восприятия пространства как среды для жизнедеятельности человека;
– применение технических приемов и видов деятельности (плоскостных, объемных, пространственных);
– сочетание индивидуальных и коллективных форм работы в практической деятельности.

Виды декоративно-прикладного искусства, которыми занимаются учащиеся, чрезвычайно многообразны и находятся в тесной взаимосвязи с национальными, историческими традициями, географическими условиями.

Широкое внедрение различных видов творчества в практику работы учреждений дополнительного образования позволяет развить креативные способности личности, художественно-образное мышление.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Евладова Е.Б.*** Образование основное и дополнительное: проблема взаимосвязи // Внешкольник. 2000, № 3.
2. ***Буйлова Л.Н., Кленова Н.В.*** Дополнительные образования детей в современной школе // Образование в современной школе, 2002, № 3.
3. ***Коваль М.Б.*** Педагогика внешкольных учреждений. – Оренбург, 1993.
4. ***Фомина А.Б.*** Учреждения дополнительного образования детей: инновационная социально-педагогическая модель: Учебно-методическое пособие. – М., 1996.

SUMMARY

The article deals with the problems in the system of additional education. Special attention is paid to the art-and-aesthetical education.

Поступила в редакцию 22.03.2004

УДК 316.622

Н.В. Кухтова

Возрастные и гендерные различия в проявлении просоциального поведения

Изучая просоциальное поведение необходимо более подробно и детально рассматривать некоторые психологические аспекты проявления столь позитивного поведения, а именно: возрастные и гендерные различия.

Уже в младенчестве у детей присутствует чувствительность к дискомфорту других детей. Так, младенцы, слышащие крики, плач сверстников, часто сами начинают плакать. Данные об этом позволили М. Хоффману установить, что существует врожденная эмпатическая реакция беспокойства. Также особенно интересны результаты К. Мартина о том, что спокойный младенец не начинает плакать, если слышит запись плача другого ребенка или свой плач на магнитофоне. Итак, исследователи обнаружили, что плач младенцев возникает чаще всего при плаче сверстников, находящихся рядом.

Дифференцирование младенца на себя и других ограничено, и многие беспокойства малыша связаны с удовлетворением потребностей. Тем не менее, у младенцев в возрасте 8–12 месяцев можно наблюдать совместные игры с игрушками, со сверстниками и родителями. И это является проявлением просоциального поведения, а также включает, по крайней мере, временное самопожертвование ради другого. Фактически жертва, оказывается, очень временная: младенец часто требует быстрого возврата игрушки. Точно так же (хотя дети, которым меньше года иногда чувствительны к беде других) их реакции указывают, что они могут быть не в состоянии дифференцировать точно, кто страдает. М. Хоффман описал 11-месячного малыша, который видел падение сверстника и наблюдал за этим печально, после чего он засунул большой палец в рот и спрятал голову в колени матери. Таким образом, с помощью данных описаний можно судить о некоторых проявлениях просоциального поведения уже в младенчестве [1].

В течение второго и третьего года дети иногда предлагают помощь (братьям, сестрам, сверстникам) в беде. Они ласкают или обнимают того, кто плачет или предлагают еду, игрушки и т.п., чтобы успокоить расстроенных сверстников. Нам представляется интересной точка зрения на проблему просоциального поведения, высказанная зарубежными исследователями. В экспериментальном исследовании А. Левита и других ученых указывается, что дети в возрасте 29–36 месяцев чувствительны к принципу взаимности. Данный ученый в своем исследовании обнаружил, что вероятность того, что второй ребенок поделится игрушкой, зависит от поведения первого, если первый ребенок не делится игрушкой, то и второй ребенок делает то же.

Другие исследования были направлены на изучение частоты, с которой 2–4-летние дети предлагали комфорт и утешение своим младшим братьям и сестрам. Было обнаружено: две трети из детей делали так, по крайней мере, иногда, а остальные – часто. Н. Иссенберг провел исследование в дошкольном учреждении, где он опросил 4–5-летних детей относительно их непосредственной помощи другим детям, совместных игр и поведения, направленного на успокоение других детей. В течении 12 недель большинство детей были инициаторами просоциального поведения, после чего были выяснены и причины такого поведения. Детям задавались следующие вопросы: «Почему вы поделились игрушкой?», «Почему вы помогали другому ребенку?» Ряд различных причин был выявлен, начиная с эгоистичной выгоды до фокуса на потребностях других. Итак, наиболее общие причины, это – потребности других (24,5% ответов). Ответы прагматического направления, поведения, основанного на какой-то практической выгоде, также составили 24,5%. Эгоистичные причины были выявлены в 39%, а стереотипные, социально желательные ответы были незначительны – 1%. Иногда дети не называли причины, если у них не получилось помочь, боясь возможного наказания со стороны взрослых [2].

Просоциальное поведение имеет тенденцию увеличиваться в течение обучения в начальной школе. Зарубежные исследователи утверждают, что в младшем школьном возрасте дети более просоциальны, чем в дошкольном, так как в их развитии отражается понимание людей, изменяется поведение. Индивидуальные различия просоциального поведения показывают некоторую стабильность в начальной школе, а просоциальная тенденция является хорошим прогнозом социального привыкания. В частности, дети, у которых низкий уровень просоциального поведения, чаще всего отклонены сверстниками и принимают антиобщественные роли (например, хулиган), в то время как дети с высоким уровнем просоциального поведения лучше приспособлены преодолевать проблемы поведения. Родные братья и сестры могут оказывать влияние на развитие друг друга, по крайней мере, на некоторые формы проявления просоциального поведения. Как уже известно, дошкольники предлагают эмоциональную поддержку своим младшим братьям и сестрам. В связи

с этим данные зарубежных исследований доказывают, что старшие дети более склонны к просоциальному поведению. Несколько отличное мнение, связанное с просоциальным поведением в младшем школьном возрасте, рассматривают отечественные исследователи Е.О. Смирнова и В.Г. Утробина, указывая на отсутствие просоциальных мотивов у детей данного возраста [3].

По мнению Т.П. Гавриловой и других психологов, эмпатия может проявляться в двух формах – сопереживании и сочувствии. Сопереживание – это переживание субъектом тех же чувств, которые испытывает другой. Сочувствие – это отзывчивое, участливое отношение к переживаниями, несчастью другого.

В связи с этим приведем еще некоторые данные, встречающиеся в литературе и касающиеся проявления гендера в просоциальном поведении. Так, Т.П. Гаврилова, изучив половые проявления эмпатии, обнаружила, что сопереживание свойственно мальчикам, а сочувствие выражается у девочек. Сопереживание сверстникам, наоборот, чаще выражается у девочек, а сочувствие – у мальчиков. В целом и мальчики, и девочки чаще выражали больше сочувствия, чем сопереживания [4].

Дж. Кок и другие исследователи утверждают, что важным свойством личности, предрасполагающим к просоциальному поведению, является сопереживание человеку, нуждающемуся в помощи (эмпатия). Чем больше человек склонен к сопереживанию, тем выше его готовность к помощи в конкретном случае [5].

Некоторые исследования описывают увеличение просоциального поведения в подростковом возрасте и юности. В это время многое зависит от того, как поведение измеряется. Например, те формы просоциального поведения, которые требуют эмпатии, не могут часто проявляться из-за социально-познавательных ограничений, в то время как на простые совместные действия может больше повлиять непосредственный контекст, чем уровень развития участников совместной деятельности. Сама жизнь становится более сложной к юности, и хотя дети, которые постарше, могут иметь более полное понимание причин для оказания помощи, они могут также быть чувствительны к множеству личностных и ситуационных детерминант, которые влияют на то, помогает ли каждый из них фактически. Считается, что девочки обладают более высоким уровнем сочувствия, и просоциальное поведение обуславливает чувство вины и депрессии [4].

Рассмотрим гендерные проявления просоциального поведения в подростковом возрасте. Поддерживая взгляд Д. Майерса о том, что альтруизм – это эгоизм наоборот и учитывая общевозрастную характеристику терминальных ценностей подростков – этому возрасту присуща эгоцентрическая направленность, которая проявляется в чувстве взрослости, стремлении к самоутверждению, самореализации. Ценности же альтруистической направленности («активная деятельная жизнь», «интернационализм», «активность в общественной работе», «инициативность», «дисциплинированность» и др.) занимают одинаково низкие ранги в иерархии ценностей как девочек, так и мальчиков [6, 7].

Оценивая свойства личности как ценности, девочки выделяют следующие: человечность, милосердие, доброту, справедливость, вежливость, дружелюбие в отношениях с другими, аккуратность, трудолюбие, отзывчивость, готовность прийти на помощь, чувство юмора, честность, искренность, чувство ответственности, долга, целеустремленность, благородство, бескорыстие, образованность и волевые качества. У мальчиков в ценностной структуре личностных свойств доминируют такие чувства, как доброта, дружелюбие в отношениях с другими, чувство ответственности, долга, благородство, образованность, честность, искренность, вежливость, смелость, увлеченность своей работой, отзывчивость, готовность прийти на помощь, трудолюбие, человечность, милосердие [8].

Существует немного исследований, непосредственно касающихся изменений, связанных с развитием просоциального поведения в течение взрослой жизни. Однако изменения запросов во взрослой жизни могут быть связаны с

вариациями помощи, и они могут взаимодействовать с другим полом. Например: молодой мужчина-кормилец может вести себя конкурентоспособно, в утвердительной манере на работе, чтобы выполнять свои обязанности, заботиться, чтобы обеспечивать все зависящее от него в семье. Наоборот, женщина, принимающая традиционную роль жены, матери, считает, что ее методы воспитания, забота о других достигают максимума, и она имеет самые большие обязательства благосостояния ее иждивенцев [9, 10].

Гендерные различия в проявлении просоциального поведения у взрослых наблюдаются чаще, чем в детском возрасте.

Исследователи гендерных различий в проявлении просоциального поведения у взрослых выяснили: когда потенциальными помощниками были мужчины, «пострадавшие» женщины имели больше шансов получить помощь. Когда потенциальными помощниками были женщины, то помощь в равной степени получали «пострадавшие» мужчины, и «пострадавшие» женщины. Мужчины чаще всего оказывают помощь одиноким и привлекательным женщинам. Женщины не только получают больше предложений о помощи в определенных ситуациях, но они также чаще обращаются за ней. А. Надлер объясняет этот факт гендерными различиями между независимостью мужчин и внутренней зависимостью женщин [9, 11].

Также бытует мнение о том, что в кризисных ситуациях, в случаях крайней необходимости женщины скорее получают помощь, нежели мужчины, тем более в том случае, когда эта помощь исходит от мужчин. Женщины также чаще обращаются за помощью. Люди более всего склонны помогать тем, кто, по их мнению, нуждается в помощи и заслуживает ее, а также тем, кто похож на них [10].

Общепринятые стереотипы, описывающие женщин заботливыми и сочувствующими, наталкивают на мысль, что они должны больше, чем мужчины, помогать окружающим, тогда как в ходе метаанализа социально-психологических исследований готовности помочь, проведенного А. Игли и А.Н. Кроули, выяснилось, что чаще помогают другим мужчины, а не женщины. Авторы объясняют такой результат тем фактом, что типичное социально-психологическое исследование готовности помочь включает в себя создание ситуаций коротковременной помощи незнакомому человеку, как раз таких, в которых мужчина скорее всего окажет необходимую помощь. Э. Игли и А.Н. Кроули указывают на то, что мужчины не отличаются от женщин в готовности помочь, однако существуют половые различия в оказании помощи, которые зависят от типов просоциального поведения [12].

Отличие типов просоциального поведения у мужчин и у женщин можно понять, предварительно рассмотрев различные социальные роли, которые занимают мужчины и женщины. Согласно теории социальных ролей Э. Игли, не различия между мужчинами и женщинами заставляют их занимать разные социальные роли, а скорее благодаря различию в социальных ролях мужчины отличаются от женщин. В отношении просоциальных поведенческих действий это положение можно сформулировать так: нормы, отвечающие за оказание помощи, различны для мужской и женской роли. Например, женская гендерная роль предписывает женщине заботиться о личных и эмоциональных потребностях других и помогать им достигать целей («заботливая помощь»). Мужская роль поощряет проявления более «героических» видов помощи, включающих необычные и рискованные действия по спасению, а также «кавалерские» виды помощи: помочь женщине, несущей тяжести и т.д. [9].

Дж. Пилявин и его коллеги объясняли гендерные различия оказания помощи в терминах соотношения «цена – выгода». Следуя их модели, люди помогают в том случае, если считают, что выгода от помощи превосходит ту цену, которая осуществляется. Мужчины и женщины склонны по-разному определять цену и выгоду, в зависимости от требуемого приложения физической силы и связанной с действиями опасности. Исследования выявляют ве-

сомые показатели половых различий, из которых видно, что мужчины скорее готовы помочь окружающим. Определенные виды помощи могут быть в большей или меньшей степени присущими тому или иному гендеру, и, как указали Дж. Пилявин и Р.К. Унгер, соответствующий полу вид помощи воспринимается как имеющий меньшую цену [13].

Зарубежные психологи склоняются к мысли, что женщины более чувствительны и эмоциональны к потребностям других людей, чем мужчины. Социологи считают важным наличие образцов для подражания как источника информации относительно того, как и когда мужчины или женщины должны вести себя просоциально. Другие исследователи указывают на то, что обработка информации и определение ее применимости разрабатывает познавательность, социальную компетентность и социальные знания. Согласно социобиологам, мужчины берут на себя роль защитника, в то время как женщины – заботливо относиться к людям, особенно к детям [3].

Следует отметить, что общепринятые стереотипы содержат идею о существовании множественных гендерных отличий в сфере эмпатии. По мнению Д. Барри, женщины лучше выражают эмоции и более восприимчивы к чувствам окружающих (эмпатичны), чем мужчины. Это объясняется тем, что мужественность обычно связывается с достижениями, автономностью и стремлением к контролю – причем такому, в котором на первом месте стоит способность влиять на осознанное выражение или скрытие своих чувств. А женственность, наоборот, ассоциируется с межличностной коммуникацией, стремлением к объединению и активным выражением своих чувств. Различия в эмоциональности между мужчинами и женщинами можно рассматривать на нескольких уровнях. На одном уровне – способность понимать эмоциональное состояние других (эмпатия) и умение выразить это понимание (эмпатическая экспрессия). На другом уровне – переживания самим человеком своих эмоций (эмоциональные переживания) и его способы эти эмоции выражать (эмоциональная эксперсия) [14].

Большинство психологической литературы показывает, что традиционно анализ половых различий сводится к демонстрации и доказательству характерных отличий мужской и женской природы при замалчивании возможной близости некоторых психологических и поведенческих реакций у мужчин и женщин. Эпизодически обращаясь к проблеме половой дифференциации, психологи ограничиваются констатацией «естественной противоположности мужского и женского начала». Наиболее часто подчеркивается наличие между мальчиками и девочками (мужчинами и женщинами) в интеллектуальном, моральном развитии, мотивации достижений, сфере поведенческих проявлений. Большинство исследователей половых различий склонны утверждать, что именно различия между полами в значительной степени имеют социокультурную детерминацию.

Теоретический анализ психологической литературы по данной проблеме позволяет сделать выводы о том, что просоциальное поведение имеет тенденцию увеличиваться с возрастом и уже с начальной школы можно судить о гендерных проявлениях. Развитие просоциального поведения варьируется, в том числе рекуррентно, важные факторы – это опыт и понимание других людей и их потребностей. Способы развития просоциального поведения подростков и юношей трудно характеризовать, частично из-за увеличивающегося разнообразия социальных задач и обстоятельств, с которыми молодые люди должны иметь дело.

Как свидетельствует анализ результатов многочисленных психологических исследований о гендерных различиях в просоциальном поведении, такое поведение зависит от вида требуемой помощи и от того, подходит ли этот вид проявления просоциального поведения гендерной роли испытуемого.

В заключение можно сказать, что эта проблема действительно интересна, актуальна и заслуживает более глубокого изучения и исследования в данной области на всех возрастных этапах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Hoffman M.L.** Developmental synthesis affect and cognition and its implications for altruistic motivation of age and aggression. – Journal of personality and social psychology.
2. **Eisenberg N.** (1986) Altruistic emotion cognition, and behavior. – Hillsdake, NS: Lewrence elbaum.
3. **Zanden V., James W.** Social psychology. – 4-th ed. – New York: McGraw – Hill, Inc., 1987. – 646 p.
4. **Гаврилова Т.П.** Анализ эмпатийных переживаний младших школьников и младших подростков // Психология межличностного познания. – М., 1981. – С. 122–139.
5. **Coke J.S., Batson C.D., Mc Davis K.** Empathic mediation of helping: A two-stage mode. – Journal of personality and social psychology, 1978, 38.
6. **Майерс Д.** Социальная психология / Перев. с англ. – СПб., 1999. – 688 с.; ил.
7. **Шилов И.Ю.** Полоролевые образы и особенности гендерной идентичности в сознании старшеклассников, обучающихся в общеобразовательных учреждениях разного типа – 19.00.07. – СПб., 2000. – 19 с.
8. **Шайгородский Ю.Ж.** Психологические особенности ценностных ориентаций девочек и мальчиков подросткового возраста: Автореф. дис. канд. псих. наук – 19.00.11; 19.00.05. – М., 1992. – 24 с.
9. **Берн Ш.** Гендерная психология. – СПб., 2001. – 320 с.
10. **Перспективы социальной психологии** / Пер. с англ. – М., 2001. – 688 с.
11. **Nadler A. and J.D. Fisher**, (1986) The role of the at to self-esteem and perceived control in recipient reaction to help: theory development and empirical validation. In L. Berkowitz (ed.) – Advances in experimental social psychology (vol. 19, pp. 81–12), Orlado, FL: Academic Press.
12. **Eagly A.H.** (1983) Gender and social influence: A social psychology analysis. – American psychologist, 38,971-995.
13. **Piliavin J.A.** (1989) The development of motives, selfidentities, and values tied to blood donation: a Polish-American comparison study. In N. Eisenberg, J. Reykowski and E. Staub (eds), Social and moral values (pp. 253 – 73), Hillsdale, NS: Lawrence Erldaum.
14. **Barry D.** (1987) Dave Barry's guide to love and/or sex. Emmaus, PA: Rodale Press.

SUMMARY

Age and gender differences of prosocial behaviour display are considered in the article. The author gives a theoretical analysis of prosocial behaviour from babyhood till adulthood. Gender differences in display of prosocial behaviour while communicating with other people are considered.

Поступила в редакцию 30.09.2003

УДК 371.671.1

Л.С. Васюковіч

Інтэрпрэтацыя мастацкага тэксту падручніка як вучэбна-пазнавальная дзейнасць

У методыцы выкладання мовы (найперш замежнай) грунтоўна даследавана праблема дыдактычных разнавіднасцей чытання ў залежнасці ад задачы, якая ставіцца перад чытачом. Так, І.К. Гапачка, С.К. Фаломкіна, прымаючы за аснову характар камунікатыўнай мэты, дыферэнцыруюць вывучальнае, азнаямляльнае, рэфератыўнае, пошукавае, праглядавае, пошукава-азнаямляльнае, пошукава-рэфератыўнае чытанне. На нашу думку, характар распрацаваных відаў чытацкай дзейнасці можа быць суаднесены толькі з навуковымі тэкстамі, што ставяць за мэту адабраць, асэнсаваць істотныя, вядучыя ідэі твора, логіку разважанняў аўтара, сістэму яго доказаў, ілюстрацый, лагічнасць, верагоднасць і абгрунтаванасць вывадаў. Ва ўмовах вучэбнай камунікацыі акцэнт на азнаямляльным характары чытання можа спарадзіць тэндэнцыю да павярхоўнага, недакладнага і неглыбокага ўспрымання прапанаванай тэкставай інфармацыі.

Што да чытання і інтэрпрэтацыі мастацкага тэксту (МТ), то трэба прызнаць, што гэта асобны накірунак метадычных даследаванняў, адметны аспект вучэбнай дзейнасці. Тым больш, што «на сённяшні дзень эксперыментальна даказана, што розныя тыпы тэкстаў патрабуюць розных спосабаў чытання, розных стратэгій атрымання з іх сэнсавай інфармацыі» [1]. На гэтай падставе задачу вызначэння зместу і накірункаў розных відаў чытання мы асэнсоўваем як праблему выпрацоўкі ў вучняў-чытачоў адэкватнай характару вучэбнага тэксту стратэгіі чытання. На аснове спецыфічных рыс мастацкага тэксту (тыпалогія адзінак паводле рода-жанравых прыкмет, адлюстраванне рэчаіснасці згодна з законамі вобразнага мыслення, маўленчы патэнцыял эстэтычна-мастацкага слова) мы прызнаём, што чытанне мастацкай літаратуры павінна мець своеасаблівы – *пазнавальна-эстэтычны* характар.

Асновай для вылучэння спецыфічных якасцей вучэбнага пазнавальна-эстэтычнага чытання мастацкіх тэкстаў выступаюць наступныя акалічнасці:

– адметны характар чытання МТ прызнаецца шматлікімі знакамітымі філолагамі, пачынаючы з этапу станаўлення метадычнай навукі і заканчваючы найноўшымі даследаваннямі. Спашлёмся на аўтарытэтныя пазіцыі вучоных, што даклярыюць значнасць працэсу фарміравання навыкаў чытання мастацкага тэксту: «У працэсе свядома прачытанага мастацкага матэрыялу будзе дасягнута наступнае: вучні прывучаюцца ўважліва чытаць кнігі, вычытваючы з іх усё, што закладзена ў тэксце, – навык каштоўны... Навык уважлівага чытання абсалютна неабходны, і наяўнасць яго з'яўляецца адзнакай культурнага чалавека» [2]. Спецыфіка працы з мастацкім тэкстам паслядоўна адзначаецца метадыстамі: «Наша задача – навучыць іх бачыць, навучыць іх сапраўднаму, паўнацэннаму, глыбокаму чытанню» (Г.А. Гукоўскі); «Запаволенае чытанне процілпастаўляецца аўтаматычнаму прачытанню

тэксту (Н.А. Купіна); «Запаволенае чытанне з устаноўкай на ўзнаўленне вобразаў, адпаведных тэксту. ... Па меры таго як адбываецца засваенне вобразнага аналізу мастацкага тэксту і аўтаматызацыя гэтага аналізу, тэмп чытання паскараецца, аднак і самыя падрыхтаваныя людзі чытаюць таленавітыя мастацкія кнігі больш павольна, чым рамесніцкія творы» (В.І. Нікіфарава). Як бачым, атрыбутыўна-якасная характарыстыка працэсу чытання надзвычай шматаблічная: *уважлівае чытанне, паўнацэннае чытанне, глыбокае чытанне, запаволенае чытанне*. Адсутнасць на сённяшні дзень адзінага тэрміна, што акрэслівае змест мастацкага чытання, – сведчанне непастаяннай, нестабільнай цікавасці да праблем вывучэння мастацкай літаратуры ў агульнаадукацыйнай школе, асабліва ў плане яе моўнай арганізацыі;

– агульнаадукацыйная мэта чытання мастацкага тэксту – «пашырэнне эстэтычнага гарызонту» (Л.Ул. Шчэрба) – не павінна растварацца сярод практычных задач урока. Як зазначае праф. В.У. Протчанка, «чытанне і ўспрыманне мастацкага тэксту мае свае цяжкасці. Яно звязана перш за ўсё з асэнсаваннем функцыянавання ў ім лексікі, з наяўнасцю ў мастацкага слова трох функцый – намінатыўнай, камунікатыўнай і эстэтычнай. У гэтай сувязі вельмі важна ўмець успрымаць слова як эстэтычны факт» [3]. У працэсе чытання галоўная ўвага засяроджваецца на захаванні навыкаў выразнага чытання, на фарміраванні прыёмаў, звязаных з засваеннем і асэнсаваннем мастацка-эстэтычнага зместу. Безумоўна, пры гэтым падразумяваецца, што вучні валодаюць належнай тэхнікай чытання, хаця, напрыклад, хуткасць чытання расцэньваецца як факультатыўны, другасны кампанент. Сістэма заданняў у падручніку да мастацкага тэксту павінна быць накіравана на тое, каб абудзіць цікавасць найперш да моўных, а не зместавых аспектаў. Важна прадэманстраваць шляхі спасціжэння сэнсу твора праз моўныя сродкі, раскрыць лінгвістычны патэнцыял тэксту, які высвечвае адэкватнае і глыбокае разуменне мастацкага маўлення;

– пазнавальна-эстэтычнае чытанне павінна быць зарыентавана на фарміраванне моўна-эстэтычнага густу, развіццё адчування мастацкага (чужога і ўласнага) слова – самабытнага, нестандартнага, незаштампаванага.

Такім чынам, дыдактычнай умовай адэкватнага асэнсавання мастацкага тэксту з'яўляецца валоданне стратэгіяй чытання, якая забяспечвае веданне правіл дэшыфроўкі зместу і моўнага афармлення адзінкі. Прымаючы двухсуб'ектнасць мастацкай камунікацыі, варта прызнаць і двухаспектны, рознаскіраваны характар тэкставай дзейнасці – як аўтара, стваральніка твора, так і таго, хто ўспрымае, асэнсоўвае і ацэньвае прадукт творчай працы, – чытача-інтэрпрэтатара.

Пунктам перасячэння аўтарскай і чытацкай пазіцыі, інтарэсаў з'яўляецца мастацкі твор. Тэкст як носьбіт і вынік складанай мастацка-эстэтычнай дзейнасці належыць аўтару, як аб'ект інтэрпрэтацыі – чытачу. Пры гэтым тэкст выступае эстэтычным канонам камунікацыі, паколькі яго матэрыяльна-вобразны змест патэнцыяльна запраграмаваны як на перадачу, так і на прыём мастацкай інфармацыі. У працэсе навучання мастацкі тэкст дадаткова рэалізуе сваю «двух'ярусную» сутнасць, выступаючы кампанентам мастацкай камунікацыі і адначасова – элементам вучэбна-пазнавальнай дзейнасці. Поліфункцыянальнасць адзінкі праяўляецца ў тым, што тэкст, захоўваючы свае камунікатыўна-эстэтычныя характарыстыкі, становіцца прадметам лінгвістычнага аналізу.

Вучоныя, адштурхоўваючыся ад этымалогіі слова (лац. interpretatio – вытлумачэнне), па-рознаму раскрываюць сутнасць тэрміна. Так, В.А. Кухарэнка трактуе паняцце наступным чынам: «Інтэрпрэтацыя тэксту – гэта засваенне ідэйна-эстэтычнай, сэнсавай і эмацыянальнай інфармацыі мастацкага твора шляхам узнаўлення аўтарскага бачання і спазнання рэчаіснасці» [4]. Фарму-

люючы задачу інтэрпрэтатара як «спасціжэнне задумы мастака», даследчык фіксуе ўвагу на педагагічным аспекце дзейнасці.

А.І. Домашнеў бачыць задачу інтэрпрэтацыі ў «выпрацоўцы ўменняў пранікаць у мастацкую тканіну твора, асэнсаванні ідэйнай і эстэтычнай каштоўнасці прачытанага, навукова абгрунтаваным вытлумачэнні мастацкага тэксту» [5]. Дыдактычнай мэтай інтэрпрэтацыйнай дзейнасці, паводле К.Д. Далініна, з'яўляецца «не толькі вучыць майстэрству быць чытачом мастацкай літаратуры, але і знаёміць з агульнымі прынцыпамі фарміравання і спосабамі ўразумення сэнсу з любога паведамлення, тым больш што «прырашчэнне сэнсу», характэрнае для мастацкага маўлення, у канчатковым выніку заснавана на агульных законах сэнсаўтварэння» [6]. Як бачым, прыведзеныя азначэнні акрэсліваюць інтэрпрэтацыю як працэс, дзейнасць, што раскрываецца праз сістэму аперацый, прыёмаў, якія выкарыстоўвае чытач з мэтай спасціжэння сэнсу мастацкага тэксту. Мы кваліфікуем інтэрпрэтацыю мастацкага тэксту як спецыфічны від пазнавальна-эстэтычнай дзейнасці, што характарызуецца наступнымі ўласцівасцямі:

а) інтэрпрэтацыя МТ, заснаваная ў ідэале на разуменні аб'ектыўных прынцыпаў цэласнага аналізу зместу і структуры твора, мае асобасны характар, які праяўляецца ў творчым асэнсаванні ідэй, момантаў, дэталяў, што перадаюць індывідуальнае бачанне чытача, яго «самапраекцыю» пісьменніцкага тэксту. Па-іншаму, інтэрпрэтацыя – гэта асобасна-інтэлектуальная дзейнасць, што фарміруе і фармулюе адносіны суб'екта да тэксту, яго ўласныя ацэнкі прачытанага. Іншая справа, што такое вызначэнне часта ўступае ў супярэчнасць з рэальнай школьнай практыкай, дзе часта патэнцыяльная множнасць пазіцый зводзіцца да адназначна правільнай інтэрпрэтацыі, у якой канчатковае слова застаецца за настаўнікам або складальнікам падручніка;

б) працэс інтэрпрэтацыі, суадносны найперш з мастацкім тэкстам, камунікатыўна-прагматычная сутнасць якога запраграмавана на варыятыўнасць успрымання і прачытання закладзенага сэнсу. Паколькі на працэс успрымання і разумення твора праецыруюцца індывідуальныя якасці і магчымасці чытача, інтэрпрэтуючай дзейнасці заўсёды будзе ўласцівая тая або іншая ступень суб'ектыўнасці. Мера суб'ектыўнага абумоўлена як прыродай мастацкай камунікацыі (напрыклад, наяўнасць патэнцыяльных прырашчэнняў, сэнсавых прагалаў, тэкставых лакун і інш.), так і розным узроўнем лінгвістычнага і эстэтычнага густу, шкалой маральных каштоўнасцей, ступенню сфарміраванасці чытацкіх навыкаў і г.д. На думку Л.С. Выготскага, «суб'ектыўнасць разумення, дадатковы ўласны сэнс ні ў якой ступені не з'яўляецца спецыфічнай асаблівасцю паэзіі – ён ёсць прымета наогул любога разумення. Як абсалютна правільна сфармуляваў Гумбальт: усякае разуменне ёсць неразуменне, г. зн. працэсы мыслення, што абуджаюцца ў нас пад уплывам чужога маўлення, ніколі поўнасцю не супадаюць з тымі працэсамі, якія адбываюцца ў субяседніка» [7];

в) адэкватная інтэрпрэтацыя магчымая пры ўмове, што тэкст зразумелы вучню. «Разуменне як састаўны кампанент чытання» (А.А. Брудны), як «узнаўленне структуры сэнсу, закладзенага ў тэксце» (Г.П. Шчадравіцкі) выступае абавязковай умовай і асновай вучэбнай інтэрпрэтацыі. Гэта азначае, што «тэкст набывае свой змест у непасрэдным узаемадзеянні са свядомасцю пісьменніка, што разуменне «замыкае» ў адзінае цэлае тое, што змяшчаецца ў тэксце, і тое, што адбываецца ў свядомасці чытача» [8]. Паўнацэннасць асэнсавання тэксту залежыць ад узроўню сфарміраванасці культуры разумення, якая можа культывавацца толькі на веданні правілаў дэкадзіравання, на засваенні прыёмаў сэнсавай перапрацоўкі мастацкай інфармацыі.

З гэтай прычыны метадычная арганізацыя вучэбнай дзейнасці павінна прадугледжваць паступовы пераход заданняў да мастацкага тэксту, першасна

скіраваных на разуменне прадметнага, вобразнага зместу, да ўмоў практыкаванняў, што фарміруюць уласную ацэнку прачытанага;

г) для фарміравання ўстойлівых навыкаў інтэрпрэтацыі складальнікі падручнікаў у сістэме заданняў павінны адлюстраваць усе састаўныя элементы дзейнасці. Паводле псіхалагічных даследаванняў А.А. Лявонцьева, кампанентамі дзейнасці выступаюць: мэта, прадмет, аб'ект і прадукт. Адпаведна м э т а й інтэрпрэтацыі выступае спасціжэнне, вытлумачэнне мастацка-эстэтычнага зместу, перададзенага моўнымі сродкамі. Такім чынам, змест сам па сабе не можа быць аб'ектам увагі ў падручніках (на ўроках) роднай мовы. Аб'ектам выступае змест, рэалізаваны на лінгвістычным узроўні. Аналагічна адзінкі ўсіх ярусаў моўнай сістэмы (лексічнага, марфалагічнага, сінтаксічнага) па-за іх мастацкім кантэкстам не з'яўляюцца ўласна прадметам увагі інтэрпрэтатараў. Аналіз структуры твора таксама ёсць сродак выяўлення яго мастацкіх характарыстык.

А б ' е к т а м інтэрпрэтацыі выступае змест (шырэй – сэнс) тэксту. Першаснае ўспрыманне адбываецца непасрэдна ў працэсе чытання праз асэнсаванне фактуальнай, прадметнай інфармацыі. На гэтым этапе выключна істотная ўвага надаецца мастацкаму слову, моўнай арганізацыі тэксту, усведамленню таго, што змест твора знаходзіць адлюстраванне ў прадуманых, вынашаных моўных канструкцыях.

Як правіла, мастацкі тэкст патрабуе другаснага чытання, падчас якога ўсведамляецца ўражанне ад прачытанага, адбываецца станаўленне каштоўнасных ацэнак, эстэтычных установак. Паўторнае чытанне ставіць за мэту не толькі ўразуменне зместу, выказанага «адкрытым тэкстам». Мастацкая інфармацыя ніколі не вычэрпваецца сваім экспліцытным узроўнем, яна патрабуе дэталёвага асэнсавання, пранікнення ў падтэкст. Падтэкст як «няяўныя, не выражаныя спецыяльнымі рэгулярнымі моўнымі сродкамі ўстаноўкі тэксту» (Л.А. Ісаева) выводзіць на ўзровень канцэптуальнага сэнсу твора. Канцэптуальна-сэнсавы ўзровень апасродкаваны аўтарскімі інтэнцыямі, задумай, каштоўнаснымі арыенцірамі пісьменніка. Менавіта на гэтым узроўні ярка раскрываецца роля культурнага багажа асобы інтэрпрэтатара, паколькі мы «разумеем не тэкст, а свет, што стаіць за тэкстам. ...У адносінах да тэксту можна гаварыць, канечне, у метафарычным сэнсе, пра свет тэксту, рэальныя або ўяўныя падзеі, сітуацыі, ідэі, пачуцці, учынкі, намеры, каштоўнасці, адлюстраваныя ў змесце і ўбачаныя намі, нібы праз шкло, праз гэты тэкст» [1, с. 249–250].

У працэсе інтэрпрэтацыі фарміруецца «вобраз тэксту», які звычайна адлюстроўвае не столькі аб'ектыўны змест, колькі адносіны чытача да гэтага зместу, агульную ацэнку, апасродкаваную асаблівасцямі яго асобы. Значыць, п р а д у к т а м інтэрпрэтацыйнай дзейнасці павінна выступаць выказванне вучня (на ўроку мовы яно найчасцей гучыць у форме звязнага адказу на пытанні да тэксту) як вынік дыялогу з мастацкім тэкстам, што ў ідэале адэкватна перадае сэнс і ўтрымлівае ацэнку твора. Паколькі «на тэкст можна адказаць толькі тэкстам» (Г. Гадамер), вучнёўскі адказ уяўляе сабой перавод чужога бачання праблемы ва ўласную сінтэзаваную ацэнку адзінкі.

Такім чынам, інтэрпрэтацыя ва ўмовах вучэбнай камунікацыі ставіць за мэту стварэнне ўласнай праекцыі тэксту, вытворнай, безумоўна, ад зместу і структуры зыходнага мастацкага твора. Пры гэтым складальнікам школьных падручнікаў трэба першасна сцвердзіцца ў тым, што мастацкі тэкст выступае крыніцай не радавой, а спецыфічнай – вобразнай інфармацыі. Разам з тым яму не можа адводзіцца роля ілюстрацыйнага матэрыялу, прыдатнага толькі для таго, каб падкрэсліць адпаведныя арфаграмы, адшукаць складаназалежныя сказы або раскласіфікаваць ужытыя словы як часціны мовы. Мастацкі тэкст, апроч рэалізацыі эстэтычных задач, выступае асновай для ма-

дэліравання характару вучэбнай камунікацыі, прадвызначае сістэму пазнавальных дзеянняў, заданняў, аперацый, дыктуе выбар стратэгіі чытання і інтэрпрэтацыі адзінкі.

ЛІТАРАТУРА

1. ***Леонтьев А.А.*** Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М., 2001. – С. 43.
2. ***Щерба Л.В.*** Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики. – М., 2002. – С. 44
3. ***Протчанка В.У.*** Актуальныя праблемы тэорыі і практыкі навучання беларускай мове. – Мн., 2001. – С. 138.
4. ***Кухаренко В.И.*** Интерпретация текста. – М., 1988. – С. 11.
5. ***Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А.*** Интерпретация художественного текста. – М., 1989. – С. 5.
6. ***Долинин К.Д.*** Интерпретация текста. – М., 1985. – С. 6.
7. ***Выготский Л.С.*** Психология искусства. – Мн., 1998. – С. 44.
8. ***Брудный А.А.*** Проблема языка и мышления – проблема понимания // Вопросы философии, 1977, № 6. – С. 102.

SUMMARY

The strategy of work with the text of fiction which is determined by the specific features of the work of art and possesses the cognitive, aesthetical and personal character is analyzed.

Поступила в редакцию 14.02.2003

УДК 808.2 (091)

Т.Г. Трофимович

К изучению нумерально-темпоральных наименований старорусского делового языка

Среди многочисленных возможных аспектов изучения производных номинативных единиц наиболее актуальным является исследование того, каким образом осознанный человеком смысл сущего находит способы своего языкового выражения. В лингвистической науке такой подход называется ономасиологическим. Именно он дает возможность понять, какой из многочисленных признаков предмета как экспонента денотата оказался замеченным, выделенным и лег в основу производного наименования. Этот признак, называемый с позиций номинативной деривации ономасиологическим, может стать типологизирующим параметром при выявлении категорий (типов) названий [1, 2]. В настоящей публикации речь пойдет о части номинативных единиц, отразившихся в старорусском деловом языке и связанных по происхождению с понятиями числа и времени.

Время принято считать вместе с пространством основной формой существования материи. Материализм подчеркивает объективный характер времени. Оно неразрывно связано с движущейся материей, является бесконечным, цепь событий не прерывается, звеньям этой цепи нет числа [3, т. 1].

Время как последовательность существования сменяющих друг друга явлений необратимо, т.е. всякий материальный процесс развивается от прошлого к будущему. Считается, что формирование сложных темпоральных представлений началось за 20–10 тысяч лет до н.э. Эти представления не предшествовали, но способствовали формированию счета и развитию понятийного мышления [4]. Осознав факт существования времени, человек понял его значимость, дал имена временным отрезкам, научился измерять их продолжительность. Отмечено, что переход к земледелию и скотоводству определил необходимость учета времени, его фиксирования в конкретных единицах [5].

Являясь одним из основных понятий математики, число служит для количественной характеристики различных предметов и явлений реальной действительности [3, т. 5, с. 489]. Язык возник раньше, чем формально-логическое мышление, слова, называющие числа, появились на начальном этапе зарождения формальной логики, поскольку «числа – это уже связанные с формальной логикой элементы человеческого сознания и мышления» [6]. Оставляя за рамками нашего рассмотрения историю оформления числительных как особой части речи, остановимся на установлении номинативной сущности этой категории слов. Очевидно, что они называют числа, абстрактные понятия, абстрактные до такой степени, что можно говорить об их номинативной неполноте. Так, слова *три, пять, десять, сто* и т.д. являются референтами абстрактного денотата, который приобретает более конкретные очертания только при указании на то, количество чего названо: *три страницы, пять столов, десять человек, сто книг*. «Мир обозначенных классом числительных абстрактных чисел отпочковался от предметного мира» [7], став символом некой формы этого мира.

В системе старорусских наименований немало таких, в ономасиологической структуре которых можно усмотреть нумерально-темпоральный ономасиологический признак. В частности, это названия мер веса, объема или площади: *семерик – семерник – семерня, четверетка – четвертка – четверик – четвертник – четверток (мера сыпучих тел), четвертина, четвертинка, четверть (мера площади), четверть (мера сыпучих тел), четверть (мера длины), десятина, сотница (мера), третник, осмина, полуосьмина*. Этот список можно продолжить, поскольку в работах о метрологической лексике собраны материалы по памятникам письменности различных территорий. Например, О.И. Новоселова указывает, что на территории Подвинья в XVI–XVII вв. употреблялись следующие названия: *третник, четверик, четверина, четвер(т)ник, четвертак, четвертина, четвертинка, четвер(т)ка, четверток, четверуха, четвертушка, четверть, пятика, пяток, шестинка, осьмина, осьминка, осьмуха, десятина, десяток, сорок, сотница, пятерик, осьмак, осьмерик, осьминник*. Они составляют 8% от всей метрологической лексики [8]. Как видно, большинство метрологических названий связаны с числами 4 и 8 и числительными *четыре* и *восемь*. Доказано, что у восточных славян основным в метрических системах был принцип последовательного деления эталонной единицы на 2 и 4, поэтому в наименованиях мер единичными были дериваты, связанные с числительными *три, пять, шесть, десять, сорок, сто*. Вывод о приоритете двоичного и четверичного деления в народных и официальных мерах сделал в свое время Б.А. Рыбаков [9].

Сведения о состоянии системы мер помогают понять механизм возникновения анализируемых универбальных единиц. Известно, что в период феодальной раздробленности Руси наряду с общерусскими мерами появлялись и закреплялись местные единицы измерения. Именно поэтому характерной

чертой деятельности правительства в области мер и веса в XVI–XVII вв. явилось стремление к их унификации, отвечавшее новым историческим условиям жизни единого централизованного государства [5, с. 65]. Появление метрологических наименований, восходящих к названиям чисел, свидетельствует об усилении роли абстрактного мышления, позволившего применять для измерения понятие части от целого. Так, например, при измерении длины использовалась такая мера, как *четверть*, составлявшая четвертую часть аршина и равная четырем вершкам или 18 см. *Четверть* как мера поверхности восходит к единице измерения сыпучих тел, так как на эту площадь высевалась четверть (четь) злаков. В свою очередь *четверть* делилась на две *осьмины*, *осьмина* – на две *полуосьмины*, а *полуосьмина* – на два *четверика*. *Четверть (четь)* могла делиться и по коэффициенту три на три *третника*, шесть *полтретников* и т.д. [5, с. 69]. Наименования мер, называющих части от целого, активно использовались и при измерении объема сыпучих тел, при этом могли возникать различного рода комбинации названий в зависимости от реального объема: *У Федора Яковлева взято осмина с третником ржи да овса 3 осмины с третником да третник пшеницы* [10].

Метрологическим наименованиям нумерального типа свойственна полифункциональность. Это значит, что одно и то же название могло служить единицей различных измерений. Так, например, упомянутая *четверть* служила единицей измерения сыпучих тел, жидкостей, земельных площадей, длины, а также мерой книжного формата, веса мяса [5, с. 68–73; 8, с. 96].

Нумеральный признак мог быть положен в основу некоторых наименований вещей и предметов: *однорядка – однорядок (верхняя одежда без подкладки), одиначка (серьга с одной подвеской), одноколка (экипаж с одной осью), двойчатка (серьга с двойной подвеской), одновытная – одновытка (вид документа), одновеселка (лодка), однобычная (телега), четверица – четвертица (монета), десятня (документ о карьере служилого человека за десять лет)*. Значимость количественной характеристики предмета и ее экспликации в наименовании подтверждают диалектные названия. Так, например, в говорах отмечены названия вил по количеству в них зубьев: русск. *двоянка, двойчатка, двойка, двоян, двойняха, двояшки, тройки, тройни, тройчатка, трояшки, троянки, четверки, четверенки, четверянки, четверятки, четверяшки* [11]; белор. *двойні, двойня, двайчакі* [12, т. 2]. Количественный показатель оказывался значимым и в других диалектных названиях: *двойчатка, двояшка (соха), двойник (льняной холст)* [13], *десятерик – десятня (бердо на 10 пасм), десятерик (плуг), десятова (большая лодка), десятильна (тонкое полотно)* [14], *двоеушка (корзина с двумя ручками), двойница (колыбель для близнецов), двуколок (повозка на двух колесах),двурядка (рукавицы, связанные в две нитки)* [15] и подобных им, которых в говорах много.

Совокупности чего-либо тоже могли получать названия с привлечением нумерального признака. По памятникам старорусской деловой письменности нами зафиксированы следующие единицы: *пятидесятня (отряд из 50 человек),пятидесятница (совокупность из 50 единиц), пятерица – пятерница (совокупность людей или вещей из 5 единиц), десяток (десять церквей в ведении десятника), двоенадесятница (группа из 12 человек), сотня (войсковое подразделение), сотница (разряд городских жителей)*. Возможность использования такой номинативной идеи, связанной с понятием числа, имеет свое объяснение: количество как свойство может быть приписано совокупности, понимаемой как единый предмет и состоящий из нескольких предметов [6, с. 19]. В говорах, например, широко известны многочисленные названия укладок снопов, состоящих из определенного их количества: *пятерик, пяти-*

рушка, пятина, пяток, шестуха, семерик, восьмерик, осьмуха, девятерик, девятерка, девятка, пятнадка, пятнадцтерик, двадцатерик [11, с. 161]. Следовательно, название совокупности чего-либо опиралось на наименования чисел, обозначавших количество составляющих эту совокупность частей. В речи старорусского периода такие названия тоже были.

Если характеризовать деривационные средства, которые использовались при возникновении рассматриваемых наименований, то прежде всего необходимо подчеркнуть высокую активность суффиксации, равно как и суффиксации в сочетании с основосложением. Привлекались разнообразные суффиксы: *-ин-а/-ын-я (десятина, двенадцатыня), -ерн-я (семерня), -ерик-/-ерник (четверик, семерник), -ниц-а, -иц-а (пятидесятница), -ерица-(пятерица), -ик- (семерик), -ак- (третьяк, четвертак).* При основосложении основы числительных чаще всего выступают в измененном виде, факты типа *семилеток (семи лет)* следует признать нерегулярными. Чаще всего, входя в состав сложного слова, основа числительного видоизменяется: *двоелеток, однорядка, одноколка* (ср.: *один, два*).

Устанавливая факт привлечения нумерального признака, необходимо обратить внимание на способы его конкретного выражения в номинативном суждении. Очевидно, что при возникновении наименования учитывалось не только количество, но и порядок предметов при счете (ср.: *десятина, девятина* и под. и *четверик*). Большую роль в возникновении нумеральных универбов играло осмысление именуемого предмета как дробной части чего-либо. В этом случае схему можно представить так: *X – это то, что составляет какую-то часть чего-либо.* Так, например, распространенной мерой площади земельных участков была в старорусский период *десятина,* которая, согласно метрологии, составляла 1,0925 га. Установить, десятой частью чего была *десятина,* эти сведения не помогают. Оказывается, эта мера представляла собой квадрат со стороной в одну десятую версты [16, т. 5]. Участок такого размера и получил название *десятина: И те обои земли учинены в десятины и розданы крестьяном на монастырь по 2 десятины на выть.* [10, с. 359].

Приведем еще один пример. Во время царствования Михаила Федоровича на Руси был введен экстраординарный налог для восстановления страны после интервенции начала XVII века. Его размер составлял одну пятую часть годового дохода налогоплательщика. Этот налог получил название *пятина* [16, т. 11, с. 743]. Этим же словом называлась административная единица Новгородской земли, которая для удобства управления делилась на пять концов [17]. В обоих случаях одна пятая часть чего-то получала название *пятина.* Следует отметить, что сингулятивность части эксплицирована в универбе в суффиксе *-ин-*, который по происхождению восходит к древнему *инъ (один)* [18].

Характерной особенностью однословных наименований нумерально-темпорального типа является широкое распространение в их сфере полисемии. Например, слово *пятерик* называло (1) пятифунтовую гирю, (2) судно длиною в пять саженей, (3) пять снопов, (4) воз, вмещающий пять копен сена, (5) жернов пяти пядей в диаметре [19, т. 21, с. 93]; слово *десятина* не только называло одну десятую (дробное число), но и (2) налог в виде одной десятой части прибыли, (3) территорию в ведении десятинника, (4) единицу измерения земли, (5) тягловый участок [19, т. 4, с. 234]; слово *пятина* – (1) налог в размере одной пятой годового дохода и (2) административная единица Новгородской земли и т.д. Многозначность свойственна в основном нумеральным единицам, что объясняется особым номинативным статусом названий чисел. Среди номинаций темпорального типа они тоже встречаются. Так, например, универб *летник* мог называть (1) дорогу, пригодную для проезда только летом; (2) лошадь или теленок первого года жизни; (3) вид легкой одежды

(*Дал вкладу Осип Григорьев Сын Елизаров по сестре своей девице Федосье летник желт.* [20]). Наши наблюдения над семантикой слова *летник* дополняют диалектные данные. В русских говорах этот универб может называть летнее жилье без печи, летнюю кухню, погреб, дорогу, южный ветер, одежду, косынку, пастбище, животное, гриб [11, с. 227], шкуру убитой летом дикой козы, погреб со льдом [21].

Особого внимания заслуживают предметные наименования, образованные с использованием понятия половины. Само слово *половина*, как известно, является не числительным, а существительным. В древнерусском языке оно выступало в виде *полъ (*pŏlĭs)* и соотносилось с числительным, обозначавшим одну вторую. Позже появляется слово *половина*, которое могло использоваться самостоятельно для обозначения одной второй части чего-либо и служило базой для возникновения других наименований. Так, например, читаем: *Он же гсдрь Василеи ... дву козачьих половинщиков Безсонова ... с кореня згонил ... и записи у них крепостные почему ане с ними на половинах жили отнем передал* [22]. Здесь *половина – место проживания и владения, половинщик – человек, живущий на такой половине*. В сфере старорусских предметных наименований дериваты с компонентом *пол-/полу-* использовались для называния разнообразных явлений окружающей действительности. Если предмет представлял собой половину какого-то другого предмета, в процессе номинации задействованным оказывалось это понятие, заключающее в себе количественную характеристику.

Производные наименования анализируемого типа были наиболее широко представлены среди старорусских названий мер веса, площади, объема сыпучих тел: *пол-аршина, полбатмана, полберемяни, полбезмена, полберковеска, полведра, полверевки, полверсты, полвершка, полвоза, полволоки, полгалины, полдесятины – полудесятина, полдолони, полдюжины, полукадье, полунива – полнива – полнивы, полуосмина, полуосмак, полспудие, получетверик, полчетверика, полчетвертины, полшеста, полшага, полштуки, полфунта, полгривна, полуполтина, полубелка, полувыть, полудесятина, полутретник, полубочка, полубочек, полуведро, полуваря, полкипы, полкосяка, полкринки, полкружки, полполицы, полпуда, полрешета, полусажень, полсвиньи, полусело, полнасыпки, полтуши*. Продуктивность наименований с компонентами *пол-/полу-* объясняется тем, что «способ определения величины путем деления исходной меры пополам весьма прост, удобен и обычно не требует специальных сложных приемов» [8, с. 99]. В системе метрологических старорусских наименований присутствуют образования, в которых части *пол-/полу-* могут повторяться два-три раза: *полтретник, полполтретник, полполполтретник, полчетверик – полполчетверик – полполполчетверик* и подобные. Например: *И поборы с живущего с полполчети выти с мирскими людьми. Поручная 1646 г.*

Довольно обширной была группа единиц, называвших виды тканей: *полуаксамит, полубархат, полуатлас, полубайка, полубарбарель, полубрюкит, полукармазин, полукамка, полукисея, полукушачье, полушарлат, полушелковица*. В этих наименованиях понятие половины реализовывалось особым образом. «Половинность» поименованного предмета состояла в том, что названные ткани были похожи по свойствам и качеству на те, которые обозначали исходные имена. Ход номинативного процесса можно в этом случае определить так: *полубархат* – не бархат, но похожая на него материя, наполовину бархат. По сравнению с исходными единицами, дериваты с формантом *полу-* называли, как правило, ткань более низкого качества.

Остальные группы наименований немногочисленны, но разнообразны по сфере именования. Это названия объектов владения *(пол-амбара, полбани, полварницы, полдеревни, полулавка, получастка, полшалаша)*; пошлин и их

размеров *(полуворота – одна вторая пошлины за пользование двором, полувытное; полудвор, полдвора – пошлина за пользование жильем)*; единиц натурального обложения (*полбарана, полбелки, полбобра, полборова, полвыти, полцрена)*; временных отрезков (*полгода, полчаса, полугодие*); предметов одежды (*полушуба – полушубок, полукафтан, полушалок)*; утвари определенного вида или объема (*полубочка – полубочье – полубочек, полуведерник, полумех, полумиска – полумисок – полумисье, полумера – полумерник – полумерье, полуситок, полустопье);* номинала денежных единиц (*полгривенка, полгривны, полденьга, полуполтинник)*; лиц (*полубоярин, полувытчик, полуголова, полудворник, полумастер, полуполковник);* транспортных средств (судов, повозок) (*полубарка, полубусье, полукарета, полукаторгина, полукорабелье).*

Некоторые названия не входят в перечисленные группы: *полуключье – полукрючье (небольшая кочерга), полуколодье (род каната), полукожа (кожа особой обработки), полумесяц, полдень – полуднина, полугодовик (животное в возрасте полугода), полугодовое (жалование за полгода), полднище (расстояние, которое можно пройти за полдня), полуночь – полуночие, полхлеба (небольшое хлебное изделие), полупика, полупистоля (оружие).*

Все универбы с элементами *пол-/полу-* с точки зрения современного русского словообразования считаются сложными существительными с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. При этом *пол-* считается первым компонентом таких дериватов, представляющим собой усеченнное *половина*. С позиций исторических указанные слова представляют собой лексикализованные словосочетания, построенные по модели *И.п. ед.ч. сущ. полъ+ сущ. в Р.п. ед.ч. (полъ бани)* или *Р.п. ед.ч. полу+ сущ. в И.п. ед.ч. (полу шуба).* Вторая модель труднее осмысливается с современных позиций и, вероятно, представляла собой связь типа *шуба половины, шуба из половины.*

Универбальные образования с *пол-/полу-* имеют своеобразную ономасиологическую структуру. Если применить предложенный нами способ конструирования номинативного суждения (НС), то окажется, что оно таково: *X – это то, которое составляет половину чего-то.* Очевидно, что при таком сложении, как в анализируемых случаях, опорный компонент в виде самостоятельного слова сочетает в себе функции ономасиологического признака и ономасиологического базиса.

Свою роль в возникновении наименований нумерально-темпорального типа играли в старорусском языке единицы, восходящие к названиям времен года и частей суток. Так, например, отмечены предметные универбы *денник (загон для скота), денщик (поденщик; взятый курьером человек), весновальщик – весновщик (тот, кто занимался весенним промыслом), вечерник (ветер, возникший после захода солнца), зимник (дорога, которую можно использовать только зимой), летник (дорога, которую можно использовать только летом), озимник, весняк, осенник (названия ветров).*

Нумерально-темпоральный признак ограниченно привлекался при возникновении старорусских неоднословных предметных наименований. В принципе, сочетание базового универба с атрибутивным компонентом, представляющим собой порядковое числительное, потенциально продуктивно. Однако в памятниках деловой письменности нами выявлено всего несколько десятков таких единиц. Многочисленных серий они не образовывали, однако называли самые разные реалии: документы *(грамота сотная, грамота полетная, книга тысячная)*, лиц *(пристав пятисотенный, голова сотенный, подьячий пятисотенный)*, животных *(телушка селетняя, бык селетний, теленок селетний)*, постройки *(семеренный двор, изба пятерочная)*,пошлины и платы *(мед половинный, половой, исполовой, пудовой; пошлина пудовая, порублевая, покоречная, десятинная; сбор полуполтинный, полтинный; деньги*

десятинные, третные, пятинные), земельные участки *(пар двоеплужный, двоесошный)*, различные устройства, приспособления *(телега троеколькная, двукольная)*. Атрибутивный компонент приведенных неоднословных наименований связан с числовыми и темпоральными представлениями, он эксплицирует важные для именования количественные свойства предметов.

Особую группу бивербальных единиц составляют названия размеров натуральных налогов, в которых базовое имя указывает на то, в каких единицах взимается налог, а атрибутивный компонент, представляющий собой порядковое числительное, определяет размер налога. Такие наименования могли возникать по установившейся модели по мере необходимости: *рыба десятая, пуд пятый, пуд десятый, сноп пятый, сноп десятый, сноп восьмой, рыба пятая, деньга пятая, семой сноп, семая рыба* и им подобные. Это значит, что в качестве налога отдавалась каждая пятая, седьмая, десятая из пойманных рыб, каждый пятый, десятый сжатый сноп и т.д.

Рассмотренные нами нумерально-темпоральные наименования свидетельствуют о том, что в старорусской номинации как процессе свою роль играли признаки предметов, связанные с их количественной характеристикой. Чаще всего значимыми оказывались числовые показатели в пределах первого десятка, значительно реже – понятия десятков, сотен, тысяч. Темпоральный признак нечасто становился значимым при именовании предметов, поэтому слов, восходящих к названиям времен года, частей суток, немного. Собранные по памятникам письменности предметные единицы, равно как и данные русских и белорусских говоров, дают возможность утверждать, что числовые представления, ставшие неотъемлемой частью менталитета восточных славян вместе с развитием абстрактного мышления, были и продолжают оставаться важными в номинативных процессах. Онтологические свойства числа и ограниченный инвентарь деривационных средств способствовали формированию полисемии указанных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Трофимович Т.Г.*** О теоретических основах типологии предметной номинации языка старорусской деловой письменности // Весці БДПУ, № 3, 2002. – С. 142–149.
2. ***Трофимович Т.Г.*** Ономасиологическая структура слова в типологическом описании старорусских предметных наименований // Проблемы теории и истории славянского словообразования. Тезисы докладов VI Международной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – Минск, 2003. – С. 43–46.
3. ***Философская энциклопедия***: В 5 т. – М., 1960–1970. – С. 298.
4. ***Алексина Т.А.*** Власть Хроноса. – М., 1994. – С. 21.
5. ***Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А.*** Вспомогательные исторические дисциплины. – М., 1984. – С. 81.
6. ***Супрун А.Е.*** Славянские числительные. – Минск, 1969. – С. 5.
7. ***Жаботинская С.А.*** Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка).– М., 1992. – С. 174.
8. ***Новоселова О.И.*** Метрологическая лексика старорусского языка в ономасиологическом аспекте (по деловым памятникам Подвинья) // Русская региональная лексикология и лексикография: Межвуз. сб. научн. трудов. – Вологда, 1999. – С. 92.
9. ***Рыбаков Б.А.*** Русская система мер длины XI–XV вв.: Из истории народных знаний // Советская этнография, 1949, № 1. – С. 69.
10. ***Вотчинные хозяйственное книги XVI в.*** Ужинно-умолотные книги. – М.–Л., 1978. – С. 339.
11. ***Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка.*** – М., 1994. – С. 134.
12. ***Лексічны атлас беларускіх народных гаворак***: У 5 т. – Мінск, 1995–1998. Т. 2, карта 295.

13. ***Словарь русских народных говоров Новосибирской области*** / Под ред. ***А.И. Федорова***. – Новосибирск, 1979. – С. 117
14. ***Словарь русских говоров Сибири***. Т. 1, ч. 2. – Новосибирск, 1999. – С. 37–38.
15. ***Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных областей***: В 5 т. Т. 1 / Гл. ред. ***А.С. Герд***. – СПб., 1994. – С. 427.
16. ***Советская историческая энциклопедия***. Т. 5. – С. 185.
17. ***Андреев В.Ф.*** О происхождении новгородских пятин // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей к 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. – СПб., 2002. – С. 180–185.
18. ***Булаховский Л.А.*** Исторический комментарий к литературному русскому языку. – М., 1939. – С. 145.
19. ***Словарь русского языка XI–XVII вв***. В 24 т. Т. 21. – М., 1975–2000. – С. 234.
20. ***Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря***. – М., 1987. – С. 149.
21. ***Словарь русских говоров Приамурья***. – М., 1983. – С. 144.
22. ***Памятники южновеликорусского наречия***. Челобитные и расспросные речи. – М., 1993. – С. 485.

S U M M A R Y

Numeral-temporal names of language of ancient Russian business writing are considered in the article. The main peculiarities of their onomasiologycal structure, the nature of onomasiological mark and means of its explication in derivatives of univerbal and biverbal names are revealed.

Поступила в редакцию 26.06.2003

УДК 882 (091)

Н.В. Голубович

Сатирическая условность в прозе М.А. Булгакова 1920-х годов

Объектом анализа настоящей работы является проза М.А. Булгакова 1920-х годов, содержащая элемент необычайного, то есть те произведения, в которых повествуется о том, чего «не бывает» в современной реальной действительности или «в принципе быть не может». Поясним, что речь идет именно о *необычайном, невозможном*, а не об уникальном (возможном в редких, исключительных случаях). Границу между понятиями «невозможное» и «уникальное» провести достаточно сложно. Определяясь понятийно, согласимся с классификацией И. Лифшица. «Современное естествознание, – пишет он, – позволяет разделить ситуации, которые противоречат законам природы и отрицаются наукой, на две категории: ситуации *невозможные*, которые противоречат абсолютным законам природы, и ситуации *невероятные*, которые противоречат законам природы, имеющим статический характер» [1].

«Необычайное» в нашем исследовании интересует нас во всех формах его проявления у Булгакова, на всех структурных уровнях текста – в сюжете, в хронотопе, в системе персонажей, в виде отдельных фантастических образов и деталей, в специфике создаваемых автором моделей реальности и т.п.

Первоначально попытаемся выяснить особенности гротеска.

Гротеск у Булгакова не однороден, с течением времени он существенно видоизменяется. В 1920-е годы – время написания первых рассказов и повестей –

он выполняет преимущественно сатирическую функцию, является средством обличительного изображения недостатков советской действительности. И если гротесковая образность обладает некоторой степенью мистицизма, то мистическое у Булгакова является лишь отражением парадоксов реальности. В. Лакшин, подтверждая, что талантливый художник опирается в своем творчестве на предшественников, указывал вместе с тем на необоснованность того утверждения, что мистицизм Булгакова – явление чисто литературного происхождения, возросшее на романтике Эрнста Амадея Гофмана: «Слов нет, и блестящий Гофман, автор «Кота Мурра», не прошел мимо внимания писателя с такой литературной культурой, как Булгаков. Но вряд ли следует преувеличивать тут меру внимания, так же как сводить фантастику Булгакова к заимствованию у Уэллса. Не говоря уже о том, что ведьмы на помеле в украинской ночи и «органчики» играли под черепом градоначальников в более близких краях» [2].

Так, привинчивающаяся голова становится у Булгакова непременным атрибутом современной административной бюрократической системы: примечательнее всего у неуловимого «человека с портфелем» Кальсонера была голова, которая «представляла собою точную гигантскую модель яйца, насаженного на шею горизонтально и острым концом вперед. Лысой она была тоже, как яйцо, и настолько блестящей, что на темени у неизвестного, не угасая, горели электрические лампочки» [3] .Мертвенно-бюрократическая голова Кальсонера будет персонифицироваться в больном сознании Варфоломея Петровича Короткова в машинку, безмолвно улыбающуюся белыми зубами на столе претензий, в причесанную голову секретаря Сергея Николаевича, выглянувшую из ясеневого ящика, в изящного синего блондина, призывающего Короткова «без истерии», «конкретно и абстрактно», «письменно и устно», «срочно и секретно» «изложить», в «страшного» Дыркина из пятого отделения, рявкающего «молчать!» ничего не говорящему Короткову. И символично «мажорно», бодряще грандиозно звучит орган «тысячеголовым львиным ревом: «Шумел, гремел пожар Московский...» [3, с. 165].

Чуть позднее «глухой, смягченный потолками и коврами хорал», исполняемый общим собранием Калабуховского дома под управлением Швондера, донесется до Филиппа Филипповича Преображенского, повергая его в ужас: «Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее. Крышка Калабухову» [3, с. 273–274].

Стремительная, стихийная жизнь разрушительным потоком сносит единичные островки здравомыслия у Булгакова: скачут люди с одной службы на другую в «Дьяволиаде», с невероятной скоростью происходит размножение в красном «завитке» в лаборатории профессора Персикова, молниеносно «строчит» свои статьи корреспондент всех «красных» журналов и газет Альфред Аркадьевич Бронский; нарушен нормальный ход жизни в Москве: «вертятся» белые фонари автобусов, «прыгает» многоцветная электрическая женщина «выбрасывая по буквам разноцветные слова: «р – а – б – о – ч – и – й к – р – е – д – и – т», «толкается и гудит» толпа, Театральный проезд, Неглинный и Лубянка «пылают» белыми и фиолетовыми полосами, «брызгают» лучами, «воют» сигналами, «клубятся» пылью; «бешено пылают» витрины магазинов, «рычат и воют» между колес моторов мальчишки-газетчики: « – Кошмарная находка в подземелье! Польша готовится к кошмарной войне!!. Кошмарные опыты профессора Персикова!!.» [3, с. 210–212].

Несущаяся Москва, несущаяся страна. Вот только куда? Не дали профессору Персикову времени на научный эксперимент в стенах лаборатории – эксперимент осуществился под руководством рокового Рокка в масштабах всей страны. И если бы не «морозный бог на машине», если бы не восемнадцатиградусный мороз посреди августа ...

Все несется в никуда и в «Дьяволиаде»: «зашумела и разбежалась» канцелярия, «несется» Кальсонер, летит люстриновый старичок, задыхается от гонки Варфоломей Коротков – все вовлечено в какую-то немыслимо бессмысленную круговерть, спасение от которой – только бездна, куда, впрочем, и бросается совершенно изможденный и обезумевший Варфоломей Петрович.

Злоключения Короткова происходят на вполне реальной основе. Фантастическое возникает лишь в галлюцинирующем сознании героя, но порождено действительностью, административно-бюрократической системой, насквозь алогичной. И страшнее всего, что избавить от всевозможных нелепостей и недоразумений, от общего безумия может не разум, не справедливость, не правда и уж, конечно, не закон а «бумага», магическая и всесильная справка, всепобеждающий документ. Рыдает и умоляет выдать ему документ измученный бюрократией Коротков: «Товарищ блондин! ...застрели ты меня на месте, но выправь ты мне какой ни на есть документик. Руку я тебе поцелую» [3, с. 173]. Перед «Рокком с бумагой» бессилен сам профессор Владимир Ипатьевич Персиков, ученый мировой известности. Поддержанный «снисходительным» голосом в телефонной трубке Рокк Александр Семенович стал совершенно недосягаем для здравых доводов Персикова. «Окончательная бумажка» необходима и Филиппу Филипповичу Преображенскому в борьбе с председателем домкома за злополучные квадратные метры. Он же в полной растерянности будет выписывать удостоверение на имя Полиграфа Полиграфовича Шарикова. «Документ – самая важная вещь на свете», – постулирует Швондер. Без документа человек – не человек, с документом и собака – человек... (И вовсе не важно, что повадки у Шарикова все еще собачьи. Документ все спишет.)

Булгаковский гротеск распространяется даже на мир бездомных животных из московских подворотен, ставших частью советского быта. Ошейник, которым Зина окольцевала бродягу Шарика, ведя его на прогулку, стал, по сути, той же «бумажкой», документом, дающим право быть «над». И теперь «милиционер посмотрел на ошейник с удовольствием и уважением», Федор-швейцар собственноручно отпер парадную дверь перед Шариком, «бешеная зависть читалась в глазах у всех встречных псов, а у Мертвого переулка какой-то долговязый с обрубленным хвостом дворняга облаял его «барской сволочью» и «шестеркой» [3, с. 279]. Шарик отлично сообразил, что значит в жизни ошейник: «Ошейник – все равно что портфель», – сострил мысленно пес и, виляя задом, последовал в бельэтаж, как барин» (подчеркнуто нами. – Н Г.) [3, с. 280].

Гротеск, порождаемый абсурдностью реальности, пронизывает не только взаимоотношения людей. В нелепую игру вовлечен и предметный мир, подчиняясь все тем же алогичным законам действительности: так, лифт становится пастью, принимающей и выплевывающей; вылазят откуда-то белые брюки с фиолетовыми лампасами, белые змеи бумаги лезут в пасти машин, выскакивает кукушка из часов, превращаясь в хорошо знакомую лысую голову Кальсонера.

Нелепая жизнь, искаженное пространство, искаженное время: зарплата выдается спичками, которые не горят, и церковным вином; за тов. Иванова подписывается Смирнов, за тов. Субботникова – Сенат, за тов. Богоявленского – Преображенский, Главцентрбазспимат расположен в ресторане «Альпийская Роза», часы бьют 40 раз! (да и время – уже не просто время, а, по определению синего блондина, всего лишь «хронометраж»), Короткова переименовывают в Колобкова (какая разница!), и даже Библия подвергается аранжировке – идеологической обработке в духе времени: «Сказано в заповеди тринадцатой: не входи без доклада к ближнему твоему...» [3, с. 173]; по установлениям власти Швондера нужно «в спальне принимать пищу, в смот-

ровой читать, в приемной одеваться, оперировать в комнате прислуги, а в столовой осматривать» [3, с. 168].

Повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» неразрывно связаны с политической обстановкой, царившей в стране в 20-е годы прошлого века. Это высочайшее по художественному исполнению изображение возможных последствий социального эксперимента. В московских повестях преобладающим, на наш взгляд, является влияние Салтыкова-Щедрина. Писателей сближает приверженность к гротескным художественным структурам, ироническое мироощущение, политическая злободневность. Гротеск используется, главным образом, с целью сатирического обличения действительности и является одним из важнейших художественных приемов в арсенале писателя-сатирика – так Булгаков определил свой статус художника в письме Правительству СССР в 1920-е годы [4].

Нонсенс, абсурд реальной жизни порождают сюжеты булгаковских повестей, почвой для которых являются ситуации невероятные, гротескные, порой гротескно-фантастические, основанные на явном вымысле, однако сохраняющие логику реальности.

Сюжеты рассказов «Похождения Чичикова», «Багровый остров», повестей «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Дьяволиада» строятся на допущении: «А что, если?..» За основу здесь взята фантастическая посылка. А в «Роковых яйцах» и «Собачьем сердце» – рационально-фантастическая.

Уже в одном из самых ранних рассказов «Похождения Чичикова» Булгаков гротескно обыгрывает появление Чичикова в Москве 20-х годов XX века, используя фантастическое допущение, вводимое посредством сна. Реалии действительности обнажаются, становятся рельефнее благодаря «выдающимся» способностям гоголевского персонажа, которые расцветают на благодатной почве строящегося социализма: «Прежде всего оглянулся Чичиков и видит: куда ни плюнь, свой сидит» [5].

В рассказе 1924 года «Багровый остров», позже переработанного в одноименную пьесу, Булгаковым средствами фантастики поданы сменовеховская трактовка событий революции и гражданской войны, само сменовеховство; здесь же присутствует и собственный взгляд писателя на происходящее в стране. В кривом зеркале фантастического гротеска отражены смешные, внешне нереальные, но до боли знакомые всем «герои» текущего дня.

В поэтике булгаковской условной прозы многообразны способы введения фантастики в повествовательную структуру произведений. При этом изображение все время развивается на грани фантастического и реального, и сложное их взаимодействие создает широкие возможности прочтения ситуаций, кроме того, такая игра возможного и невозможного ведет к углублению перспективы изображаемого.

Одним из путей включения фантастики в сюжетную линию становится гиперболизация образов, гротескная деформация объектов и явлений повседневной жизни, социальных фактов.

В «Дьяволиаде» фантастическое возникает как результат гротескно деформированной больным сознанием Варфоломея Петровича Короткова действительности. Так, трагическая история хождения Короткова по бюрократическому адову кругу превращена Булгаковым в яркую гиперболу всей государственной административной системы, разрушающей сознание маленького человека – жертвы всеобщей неразберихи, беспорядка, формализма, полного отсутствия здравого смысла. Нервное напряжение, душевная болезнь, острые впечатления ведут к материализации в сознании Короткова самых невероятных ситуаций. Через передачу фантасмагорического, патологического, по сути, восприятия психически больного человека решается главная ав-

торская задача – изображение реальной мотивировки возникновения такого состояния. Следовательно, фантастика является не только приемом, фокусирующим негативные стороны объекта изображения, но и рождает такое художественное свойство булгаковской поэтики, как психологизм. Предметы и события входят в поток сознания Короткова, остро воспринимаются и эмоционально переживаются. Поэтому событие или поступок воспринимаются читателем не только в их прямом, объективном смысле, но и как итог внутренней, эмоционально-мыслительной работы героя. Таким образом, фантастическое в «Дьяволиаде» имеет реально-бытовую и психологическую мотивировки. Использование такого рода фантастики является закономерным проявлением булгаковского гротескного восприятия жизни и ее воспроизведения, сформированного во многом под влиянием Салтыкова-Щедрина, в частности «Историей одного города». Особым свойством фантастического в «Дьяволиаде» является поэтому социальный критицизм. Мир «Дьяволиады» – это фантастически преображенный, гиперболически видоизмененный, гротескно-причудливый мир. Но воспроизведенный таким образом бюрократический ритм, абсурд и алогизм современной Булгакову жизни создают типичнейшую картину будней, предельно передают атмосферу общей нестабильности, суеты, противоестественности происходящего. Условность является тем средством, с помощью которого Булгакову удается изобразить с высочайшим искусством художественного воплощения текущий момент, хронику будней.

Сюжетная посылка в двух названных рассказах и «Дьяволиаде» фантастическая, в «Роковых яйцах» и «Собачьем сердце» – рационально-фантастическая. Незначительные, на первый взгляд, нюансы все же интересны для наблюдения. В рассказах, как мы отметили выше, стартовым стало допущение: «А что, если?» В «Дьяволиаде» посылка логически мотивирована «сумасшествием» Короткова. В двух других повестях обращает на себя внимание отсутствие развернутой логической мотивации. Собственно, такая задача и не стояла перед автором, который воспользовался уже имеющимся в литературе опытом и этим избавил себя от необходимости объяснений. Логическая мотивация только пунктиром намечена в репликах персонажей, ведущим к ассоциациям с известными уже читателю фактами научной и литературной жизни.

Третья глава повести «Роковые яйца» заканчивается восторженным криком «Эврика!» Петра Степановича Иванова, ассистента профессора Персикова, «холодного и сдержанного джентльмена»: «...вы открыли что-то неслыханное... Профессор Персиков, вы открыли луч жизни! ...Вы понимаете, – продолжал он страстно, – Владимир Ипатьевич, герои Уэллса по сравнению с вами просто вздор... Вы помните его «Пищу богов?» [3, с. 192].

Как видим, Булгаков словно подсказывает, где искать, как принято у литературоведов, его ближайшего предшественника. И его первые читатели, и собратья по перу сразу усмотрели преемственность, прямую перекличку начинающего, по сути, автора с увенчанным мировой славой мэтром. Писатель Чапыгин, сообщая Горькому о литературных новинках в июле 1926 года, счел нужным охарактеризовать «Роковые яйца»: «Так, немножко с Уэллсом, но все же хорошо и умно» [6]. Очевидна и связь «Собачьего сердца» с «Островом доктора Моро».

В своих повестях Булгаков использует введение прямой фантастики, свободно присутствующей в событийном плане повествования. Очевидны преднамеренное нарушение жизнеподобия, акцентирование автором фантастической природы повестей. Такого рода художественное допущение приобретает все признаки научной фантастики.

Писатель намеренно указывает первоисточник и тем самым, во-первых, ориентирует читателя на определенную традицию – научную фантастику – и, следовательно, привлекает внимание к специфике вопросов, лежащих в сфере ее интересов; во-вторых, намечает точки соприкосновения и отталкивания, что проясняет авторский замысел, особенности разрешения главных проблем.

Налицо множество жанровых параллелей: и несомненная связь с историей, политической в частности, что является одной из главных причин обращения Булгакова к жанру научной фантастики: остросоциальный характер произведений, их пугающую злободневность и оппозиционность необходимо было замаскировать; и материальность, вещественность в подаче реальной действительности, когда широта и глобальность проблем не закрывают мелочей, частностей и деталей быта; и наличие «острова» – замкнутого пространства, где могут без помех осуществляться проекты и эксперименты (ведь не вызывает сомнений то, что лаборатория Персикова или квартира Преображенского – своеобразные «острова» в бушующем океане советской действительности); и, наконец, многоплановость как неотъемлемая черта булгаковских повестей, присущая также и фантастике Уэллса.

Как видим, форма используемой фантастики сближает двух авторов, указывает на определенный параллелизм, однако этот параллелизм не является полным: он ограничен лишь общими жанровыми приемами. Вместе с тем мы уже ясно представляем и специфически булгаковскую особенность фантастики. Элементы фантастического, свойственные поэтике повестей «Собачье сердце» и «Роковые яйца», лишены той буйной неуемности, какую мы находим у Уэллса и каковая у него является главным фактором читательского интереса. Фантастика возникает у Булгакова как отступление от законов природы, как контрастный фон естественному ходу вещей, как поприще не столько для науки и ученого, сколько для рокков, шариковых и швондеров, как пространство абсурда, где люди, изначально лишенные созидательного начала, только и могут реализовать себя.

Писатель считает «дьявольским наваждением» разрушение естественного, полнокровного течения жизни, ее законов. Отчетливо эта концепция прослеживается в повести «Роковые яйца», где особое место отведено Природе: она наравне с другими персонажами участвует в действии, влияет на его ход. Так, перед случившейся катастрофой Природа многократно предупреждает осуществляющих эксперимент, она же спасает Москву от нашествия крокодилов и змей. Фантастическое допущение – природный катаклизм, аномалия, явление феноменальное для умеренных московских широт – необходимо Булгакову как фон для столь же невероятных, абсурдных событий, в свете которых многоградусный мороз среди лета становится если не естественным, то, однозначно, спасительным. Положительным, с точки зрения Булгакова, является мир, развивающийся постепенно и закономерно. Отрицательное – это сверхъестественное, нереальное, мир, выходящий из колеи. Фантастическое возникает как результат социального и нравственного хаоса, абсурда происходящего. Абсурд, беспорядок современной жизни, по Булгакову, есть результат нарушения законов природы, законов развития мира.

Итак, в обеих повестях сюжетная посылка ориентирует на хорошо известные произведения научной фантастики. Отсутствие развернутой логической мотивации фантастической посылки объяснялось «смелым экспериментаторством» в научной жизни 20-х годов, наполнявшим обывательское сознание невероятными мифами, прогнозами и теориями. Фантастическая гипотеза по этим причинам не требовала особого логического подкрепления и сюжетной проработки, что, впрочем, характерно и для рациональной фантастики. Кроме того, достоверность фантастических допущений поддерживается у Булгакова

активным использованием медицинской терминологии, обстоятельным описанием научных опытов. Конечно, естественнонаучное образование автора, имеющего стаж врачебной практики, служило лучшим средством для создания иллюзии не только вероятности, но и достоверности происходящего. Но и здесь Булгаков не был первооткрывателем: научные познания Уэллса работали в том же направлении не менее успешно. В чем же тогда разница?

Различия проявляются в целях, авторских задачах. В меньшей степени, нежели Уэллса, Булгакова интересовали вопросы «веры». Вместо «веры в происходящее», хотя бы поверхностной, что необходимо в рациональной фантастике, Булгаков сосредоточивает внимание читателя не на самих экстраординарных событиях, а на том, что происходит за «авансценой». Занимательные события первого плана не затмевают, а, напротив, высвечивают более отчетливо общий план – фон всего происходящего.

Такой эффект создается несколькими приемами. Булгаков использует скрытое пародирование рационально-фантастической посылки, элементов сюжета, образности, отдельных художественных деталей. Так, в Преображенском и Персикове угадываются черты ученых-одиночек, чудаков и «жрецов» науки (вспомним хотя бы любимую арию Филиппа Филипповича из «Аиды»), уэллсовского Кейвора, беляевского Вагнера, толстовского Гарина. Булгаков иронически обыгрывает имена своих героев, определенно «говорящие»: в имени Преображенского налицо амбициозность и самонадеянность его носителя, а фамилия Персикова на фоне промерзшего насквозь здания зооинститута вызывает двойственное отношение – сочувственно-ироническое.

Комически переосмыслены и спутники чудаков-ученых, их ассистенты-энтузиасты: «изящнейший джентльмен с острой белокурой бородкой» Иванов и «личность мужского пола в халате», «тяпнутый», как окрестил своего укротителя Шарик, Борменталь. Пародийно поданы Булгаковым и традиционные для научно-фантастической литературы ситуации с подменой, путаницей, неожиданными экспериментальными метаморфозами, внезапными непредвиденными развязками.

Как видим, Булгаков намеренно традиционен: он ничуть не претендует на оригинальность. Причем эта «неоригинальность» автором изначально предусмотрена. Ведь комически поданный научно-фантастический антураж призван служить целям более далеким. Занимательный, модный в 1920-е годы жанр НФ со всеми сопутствующими ему атрибутами создает колоритное поле для сатирического иносказания. Оно-то и избрано автором доминантой художественного построения. За флером увлекательного научно-фантастического вымысла Булгаков решает серьезные задачи. Если в рациональной фантастике интрига строится на поддержании читательского переживания за счет сохранения на всем протяжении повествования иллюзии достоверности, то у Булгакова эффект сопереживания порожден соотнесением происходящего с реальностью и узнаванием за сатирическим иносказанием типичных явлений повседневной жизни. Если научная фантастика пытается вымысел скрыть, сделать его неявным, представить как «потенциально возможный», то сатирическая условность предполагает, напротив, максимальное обнажение вымысла.

Решая сатирические задачи, Булгаков предельно искажает реальные формы, старается обнаружить вымысел, подчеркивая в нем то, что явно не согласуется с действительностью. Но именно этот авторский прием помогает читателю «прозреть», угадывая в фантастических картинах до боли знакомые черты.

Таким образом, очевидно несовпадение специфики вымысла в рациональной фантастике и в сатире. Сатирическая условность у Булгакова, пародируя, отрицает реальность, уничтожает ее иронично и гротескно, на-

меренно разрушает иллюзию достоверности, но одновременно через разрушение ведет читателя к постижению глубинной сути происходящих в современном мире событий.

В 1929 году Булгаков пишет повесть «Тайному другу». Специфическое по своему жанру произведение, заключающее написанное в 1920-е годы, является переходным звеном к прозе 1930-х годов. Сатирическое звучание приглушено здесь камерностью темы, уводящей читателя от политики в круг писательских проблем. И все же тема «хождений по мукам», параллелизм героев (Коротков – писатель, Кальсонер – Рудольф) генетически связывают «Тайному другу» с «Дьяволиадой». Тема же проникновения дьявола в обыденную жизнь получит продолжение в тридцатые годы. Показательной в этом смысле является в недописанном романе глава 6-я, имеющая двойной вектор. С особенностями вторичной условности двадцатых годов ее объединяет способ введения гротеска – крайне напряженное психическое состояние героя, рождающее галлюцинации адских сил. Однако очень скоро, в «Мастере и Маргарите», галлюцинации будут персонифицированы в героев абсолютно реальных, действующих самостоятельно и прекрасно себя чувствующих в суетливом потоке московских будней.

Подводя итоги, отметим главное: 20-е годы прошлого века явились для Булгакова периодом становления его таланта сатирика, что выразилось в общей тональности и специфике использованной в эти годы сатирической условности как типа образности, наиболее адекватного авторским задачам и булгаковскому мировосприятию в этот период.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Лифшиц И.*** О невероятном и невозможном // Художественное и научное творчество. Л., 1972. – С. 91.
2. ***Лакшин В.*** Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Новый мир, № 6. – С. 36–37.
3. ***Булгаков М.А.*** Избранные произведения. В 2 т. Записки покойника: Театральный роман. Повести. Рассказы. – Мн., 1990. – Т. 2. – С. 165.
4. ***Михаил Булгаков, Владимир Маяковский***: Диалог сатириков / Сост., вступ. ст., коммент. ***Е.А. Яблокова***. – М., 1994. – С. 472.
5. ***Булгаков М.А.*** Морфий / Сост., предисл. и коммент. ***В. Казака***. – М., 1990. – С. 182.
6. ***Петелин В.В.*** Михаил Булгаков: Жизнь. Личность. Творчество. – М., 1989. – С. 173.

SUMMARY

The author of the article defines the types and functions of art conventionality in M. Bulgakov's prose, revealing common principles of creating conventional images.

Поступила в редакцию 22.04.2004

УДК 792.028

Т.В. Котович

Театр и ритуал

Обратимся к истокам театра в поисках ограничения семиотического поля этого вида искусства. Исходя из поставленной задачи нас будет интересовать не столько гипотеза *возникновения театра* из ритуала, из карнавальных форм действия, сколько структурное отличие этих двух видов систем.

Пространство/время театрального искусства так же, как и карнавал, обладает окказиональностью, незакрепленностью. Здесь находится и генетическая связь театра как вида искусства с карнавалом как синкретической зрелищной формой обрядового характера, но и различия карнавала и театра на уровне пространственно-временных понятий.

Очевидно, что карнавал является некой пограничной зоной бытия: здесь человек, надевая маску, сбрасывает личину социальности и становится самим собой, а также оказывается в координатах, отличных от быта и повседневности. Сущность карнавальной стихии восходит к системе существования и чувствования, выраженных в высокой напряженности бытия; как подчеркивает М. Бахтин: «карнавализация <...> позволяет раздвинуть узкую сцену частной жизни определенной ограниченной эпохи до предельно универсальной и общечеловеческой *мистерийной сцены*» [1]. В зоне карнавализации происходит не просто встреча реального и фантастического миров, но прорыв в трансцендентное: участники обряда, находящиеся в определенной ритмической структуре, в определенной последовательности элементов обряда, в определенном гриме и костюме, входят и в *пространство и время с определенной метрикой* и приобретают новые свойства личности.

Карнавализация существует как зазор между действительностью и возможностью, здесь Игра в своей ирреальности выявляет сверхреальность сущности, Игра нацеливается на возвещение сущности. Х.-Г. Гадамер отмечает глубоко двусмысленное экзистенциальное состояние играющих: пространства и времени игры не существует в действительности, оно наличествует внутри человека и играющего сообщества, однако в этой «не существующей» в действительности зоне принцип игры оказывается детерминирующим по отношению к человеку, игра «обладает своей собственной сущностью, независимой от сознания тех, кто играет» [2]. Время ритуала и время мифа существуют за пределами нормальной, обыденной системы отсчета и представления о времени, но ритуал ориентирован на своеобразный перерыв в течении времени, а миф – на эпоху до начала этого течения времени.

Нарушение связи с линейным временем и профанным восприятием пространства приводит к тому, что человек задерживается и останавливается, вырываясь из профанного процесса жизни, и выходит в перпендикуляр времени, где реально осуществляется невозможное в обыденном, хронологическом потоке. Эта зона образуется в параллели с линейным временем, и граница между ними подобна бесконечной линии (вертикальной или горизонтальной, в зависимости от точки зрения), сама же эта граница не имеет четких

боковых пределов (как росписи в пирамидах или фреска), так как пространство/время карнавала (этой жизни, выведенной «из своей обычной колеи», жизни «наизнанку», мира «наоборот» [1, с. 141]) подобно потоку.

Ю. Барбой в своем исследовании структуры спектакля отвергает принципиальную родственность театра и ритуала. Акцентируя проблему элевсинских мистерий, он замечает, что «цель наверняка состояла в том, чтобы с помощью ритуала воздействовать на богов, навязать им полезное для «заказчика» решение. <...> Такое сношение с богами в «театральной форме» <...> в публике решительно не нуждалось <...>» [3], «в элевсинской мистерии нет зрителей или они не обязательны, но зато безусловно есть тот, кто изображает, связанный с тем, что изображается – будущие «актер» и «роль», <...> в игре есть аналогичные элементы и аналогичная связь между играющим и его ролью» [3, с. 37]. Ю. Барбой сравнивает мистерию с детской игрой и, по аналогии, видит главным признаком и той, и другой отсутствие зрителя, однако у мистерии все-таки есть, пусть и воображаемый, но *зритель*: боги!, в то время, как у детской игры его действительно нет. Детская игра вольна в своих содержании, форме, процессе и его результатах. Ритуал задан изначально и всегда адекватно повторяем, в этом его принцип. Сама структура ритуала устанавливает четкую связь действий и персонажей. Эта структура объективна по отношению к участникам. Ю. Барбой настаивает, вслед за П. Громовым, на том, что театр – не игра и не ритуал [3, с. 37]. С точки зрения формальной структуры так и есть. Однако с точки зрения наличия пространства/времени игры как некоей независимой зоны, которая существует объективно и имеет свои собственные законы, подчиняющие себе участников процесса, игра и ритуал генетически родственны театру.

А. Авдеев в «Происхождении театра» отмечает: «<...> именно с элевсинскими мистериями (в местечке Элевсине, неподалеку от Афин, справляли великие мистерии в честь Деметры и разыгрывали миф о похищении Персефоны Аидом и освобождении ее – Т.К.), с одной стороны, и с различными формами почитания Диониса – с другой, традиционно связывается возникновение театра Древней Греции: нет решительно ни одного исследования об античном театре, где бы не затрагивался этот вопрос. <...> в древнегреческом театре завершается эволюция образа человека, в начале которой находится изображение конкретного умершего; древнегреческий театр, равно как и театр восточный, завершают развитие театрального искусства, зачатки которого мы усматривали еще в охотничьих плясках. <...> Прежде всего эти мистериальные представления как о животных, так в равной степени и о богах и героях самым тесным образом связаны происхождением с первобытнообщинным строем и представляют собой дальнейший этап эволюции, с одной стороны, образа животного, а с другой – образа человека-предка. Эти же мистериальные представления в ряде случаев играют весьма значительную роль в формировании некоторых театральных систем классового общества. Вспомним о теснейшей связи древнегреческого театра с элевсинскими мистериями и с мистериями в честь Диониса; вспомним о японской синтоистской храмовой пантомиме кагура и о ее роли в формировании японского театра. Но вспомним о мистериях в честь богов-героев Рамы и Кришны и о возникших на этой основе народных театральных представлениях Индии и т.д. и т.п.» [4]. Ритуал в контексте официальной культуры теряет свой прямой контакт с жизнью, становясь театрально-зрелищным представлением с мистическим ореолом. Или замечание Е. Гротовского о том, что «выродившийся ритуал – это спектакль» [5].

Таким образом, перед нами не просто предтеатр, но вся субстанция, которая обладает характеристиками праструктуры, содержащей в себе в сверну-

том виде все элементы будущей структуры театра. Эта праструктура содержит и некий компонент, необходимый для развертывания информации. Г. Хакен в синергетическом смысле поясняет: эксперименты показали, что клетки не располагают информацией о своем последующем развитии с самого начала, а извлекают ее из своего положения в клеточной ткани. Носитель информации – «праструктура», возникающая в совместных реакциях. При высокой концентрации поля включается генетическая память [6]. В. Прозерский выводит все формы художественной деятельности из единого принципа систематизации этих форм – эстетического жеста, выросшего из синкретического жеста, праформы всех позднейших специализированных практических и коммуникативных действий [7]. Все виды искусства, по утверждению автора, имеют общую пространственно-временную природу бытия и различаются только по модусам пребывания в состоянии ожидания «своего часа» [7, с. 45].

Театр, делая Игру своим главным способом существования, принимает это смещение в системе координат, выделяя для себя как основные следующие свойства игры: созидание видимости игрового мира, находящегося вне бытового пространства/времени; самосозерцание человеческого бытия и организации социума; а также облегчение бытия – катарсис, наиболее органично связанный с трансцендентным.

В карнавале участники находятся в игровой реальности сообща, никто не остается в стороне от ритуала, в пространство/время игры вовлечено все сообщество играющих и нет разделения на актера и зрителя; внешних пределов этой зоны не существует, так как играющие теряются в своих созданиях, погружаются в свою роль» *внутри* творческого проекта. А в театре существенным оказывается именно разделение на актера и зрителя как на две составляющих.

Таким образом, очевидно очерчивается *предел* игрового пространства-времени. Из карнавала выкристаллизовывается новая структура, пространство/время которой открывается для обозрения извне. С появлением *предела* структура делается доступной для созерцания. Граница ее тогда приобретает как бы форму кольца (или сферы, если всю систему рассматривать стереометрически). Из ритуала выделился Некто: присутствующие увидели образ человека и испытали метафизическое потрясение: напротив человека (зрителя) впервые встал человек (актер), поразительно похожий и в то же время чужой. За преградой, которую не преодолеть.

Один из современных российских теоретиков театра М. Меженинов говорит в данном случае о закрытом пространстве, замкнутость которого связана с выделением искусства в обособленную автономию: «Архаическая слитность, естественно, строилась как структура сложносочиненная, поскольку в архаическом аккорде пространств составляющие были равноправны. Если какой-то из элементов выдвигался вперед, то им, естественно, оказывалось... пространство мистическое, а отнюдь не эстетическое» [8]. Подобная закрытость, замкнутость обусловлена новым способом структурирования пространства-времени, новой метрикой континуума.

Тогда и делается очевидной проблема художественной формы. Будучи абсолютно открытой системой возможностей, карнавал не имеет жесткой эстетической заданности, поэтому театральная художественная форма в нем существует как растворенная, разлитая, дорациональная, интуитивная, как часть играющего субъекта. С выделением театра в самоценную, жесткую систему с границами художественная форма объективизируется и становится самостоятельным элементом этой системы. Форма представляет собой первый признак, по которому мы можем судить о вычленении театра из ритуала.

В художественном пространстве мы имеем дело с пространством зрителя, слушателя и зрителя-слушателя и с *противостоящим ему пространством собственно художественного произведения*, которое обустраивается и афишируется множеством различных способов. Такая пространственная отграниченность связана с превращением пространства из совокупности заполняющих его вещей в некоторый абстрактный язык, который можно использовать для разных типов художественного моделирования.

Итак, в момент выделения Театра из карнавала мы отчетливо наблюдаем обозначающуюся структуру с тремя наиболее общими элементами: ***Актер – Зритель -- Художественная форма***. Каждый из этих элементов в свою очередь сам является системой с параметрами пространства/времени, обладающей определенной независимостью и закономерностями взаимодействия с другими элементами внутри общей структуры, системой более низшего ранга, чем целостность спектакля.

В ходе истории человек меняет свой взгляд на мир, возникают новые произведения и новые способы осуществления этих произведений, меняется их содержание в зависимости от социальных условий того или иного периода. Неизменной остается сама эта общая структура.

Художественная форма, разграничивая уровни структуры театрального произведения, разделяет единое в ритуале пространство/время на сегменты пространственно-временного континуума с разными метриками.

Для выяснения ее субстанции, состава входящих элементов необходимо определить, каковы характеристики метрики пространственно-временного континуума театра.

Обычно слишком жесткие структуры в спектакле сочетаются с исключительно гибкими, «плавающими» сочленениями, а строгая конструкция – с импровизацией. В результате достигается соединение устойчивости структуры и вариативности, позволяющее гибко реагировать как на изменения внутри построения спектакля, так и на реакцию зала, никогда до конца не детерминированную. Спектакль в этом смысле подобен живым организмам, т.е. это – предельно динамическая структура, которая обладает устойчивыми характеристиками.

В сравнении с ритуалом пространство/время театра представляет собой более сложное и иным образом структурированное образование, представляющее собой несколько рядоположенных систем.

В первую очередь, это горизонтальное деление на пространство/время актера и пространство/время зрителя. С появлением этого разграничения континуум превращается в две системы, сопряженные развертыванием в разных ритмах, направлениях. Системы могут двигаться навстречу друг другу (это и есть назначение театра), в едином ритме, а также в разных направлениях и в разных ритмах.

Здесь важно определить, что единым для них является физическое, реальное пространство/время, в котором осуществляется спектакль. А проблема реальности сценического времени появляется, когда мы идем от физического времени к его эстетическому представлению и воздействию на эмоциональный временной ряд. «Кривизна художественной поверхности» всегда соответствует мировоззрению времени, связана, пусть и не всегда прямо, и с философским, и с общехудожественным познанием мира.

Пространство/время актера отличается от пространства/времени зрителя тем, что первое характеризуется полем творческого акта, второе – способами восприятия. Однако эти две системы объединяет и концептуальное пространство/время, т.к. спектакль осуществляется в параметрах конкретной метаформы, в которой одинаково присутствуют и исполнитель, и зритель: они сосуществуют в одинаковой знаковой системе, их объединяет и единая художественная мо-

дель мира. Восприятие спектакля не требует усложненной декодировки, как в случае с произведениями изобразительного искусства из прошлых метаформ, когда зритель нуждается в знании специального кода эпохи для понимания информационной системы произведения. Таким образом, перцептуальное пространство/время совпадает с концептуальным и художественным.

Наличие же *художественной формы* является тем разделом, который разграничивает две системы по способу организации, существования, форме участия в процессе театрального произведения. Художественная форма замыкает произведение, схлопывает его пространство/время, вырывает его из «хаотического» континуального процесса карнавала и превращает хаос в космос дискретного фрагмента. Художественная форма не только разрывает горизонтальное рядоположение системы «актер–зритель», она «вздыбливает» место разрыва, структурируя систему иначе, выводя ее на более высокий уровень.

Пространство/время приобретает членение по линиям «актер-художественная форма», «зритель-художественная форма», собственно «художественная форма».

Уровень «актер-художественная форма» создает семиотическое поле напряжений в виде различных стилевых проявлений и способов существования актера в различных сценических системах. Уже на первых порах сцена четко делилась на соответствующие части, где симметрия человеческого тела и его движений у актера на сцене подчинялась общим принципам симметрии сценического пространства, которое в свою очередь символизировало социальные или обрядовые различия.

Уровень «зритель-художественная форма» создает поле психологического восприятия.

А собственно «художественная форма» обладает своими отличительными характеристиками.

Время в ритуале и время в театре обладают равноценной метрикой: это зона пересечения линейного времени и сакрального времени (того, которое содержит в себе N-мерность и обладает качествами духовности). Другое дело, что в театре присутствует еще одно время – время зрителя, т.е. ритуальное время отделяет от себя зрительское время, обладающее иными параметрами. Тогда к метрике пространства/времени ритуала в театре добавляется еще одна метрика. Расслаиваясь, пространство/время в собственно театре усложняется: благодаря статичности пространства *время в театре* более пластично, усложнено и создает самоценную эстетическую реальность.

Собственно «художественная форма» – система с собственной организацией пространства/времени и собственной функцией. Художественная форма представляет собой сложный процесс, активизируемый благодаря активности воспринимающего субъекта – зрителя, однако эта самая активность не является атрибутом формы. Античные статуи, даже будучи разбитыми, сохранили свою пластическую завершенность.

Функциями художественной формы являются:

1) функция границы, которая формирует дискретность сценического произведения между актером и зрителем;

2) эстетическая функция, т.к. именно форма вычленяет сценическое произведение из всех подобных на театр явлений.

В организационном плане, в структуре художественная форма обладает качествами системы:

1) уровень имманентной структуры (еще ее называют внутренняя форма). Весь объем сценического пространства существует как целостность, завершенность, законченность. Это – модель мира. В имманентной структуре сов-

падают реальное время структуры и иллюзорное время с событиями и ситуациями, совпадает прошлое и настоящее, сливается восприятие времени персонажами и зрителями, а также сливается прошлое спектакля (как время репетиций в совокупности) и настоящее спектакля (как результат). Время в сценическом произведении переплетается с пространством;

2) уровень обращенности к наблюдателю (внешняя сторона формы, оформленность: произведение целостно, геометрически определенно и специфически ориентировано по отношению к зрителю);

3) трансцендентный уровень, на котором, как на вершине пирамиды, сходятся все виды пространства/времени, и на котором происходит катарсис. Здесь происходит преодоление жесткой данности сценических координат. Одним из наиболее радикальных выразителей этой идеи в театре был Антонен Арто, центральной темой творчества которого сделался неведомый двойник театра: распорядитель священной церемонии, направляющий ход представления, – сила космических соответствий, единство мира.

Художественная форма сценического произведения обладает абсолютной виртуальностью. Сегодня открыто много видов виртуальной реальности. Сама природа способна к виртуальности: это частицы промежуточных дуальных состояний. Еще не изучены с точки зрения виртуальности, но давно применяются виртуальные реальности человеко-духовного характера (идеологические, политические, религиозные и т.д.). Особое место среди прочих занимают игровые виртуальные реальности. В виртуальности обозначается переход от позиции, что человек есть одна из форм бытия, на уровень, что он есть точка схождения всех бытийных горизонтов. Открытие виртуальной реальности показывает, что реальным основанием для человеческого духа является не только собственно объективная реальность, но второй и третий ее слои, которые для итогового субъективного образа являются не менее объективными основаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Бахтин М.*** Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. – С. 208.
2. ***Гадамер Х.-Г.*** Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1988. – С. 148.
3. ***Барбой Ю.*** Структура действия и современный спектакль. – Л., 1988. – С. 36.
4. ***Авдеев А.*** Происхождение театра. – М.-Л., 1959. – С. 204–206.
5. ***Гротовский Е.*** Перформер // Театральная жизнь, 1991, № 11. – С. 25.
6. ***Хакен Г.*** Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – М., 1985. – С. 34–35.
7. ***Прозерский В.*** К вопросу о принципе систематизации пространственно-временных форм художественной деятельности / Пространство и время в искусстве / Под ред. ***О. Притыкиной***. – Л., 1988. – С. 44.
8. ***Меженинов М.*** О художественном пространстве и немного о хронотопе / Теория театра / Под ред. ***А. Раскина***. – М., 2001. – С. 179.

SUMMARY

The article deals with the genesis of theatre from a ritual and the difference between theatre and ritual. The structure of a performance implies the following constituents: an artist – an art form – a spectator.

Поступила в редакцию 23.12.2003

УДК 75.03(09)

С.В. Медвецкий

Особенности развития белорусской станковой живописи в 1990-е годы

В белорусском изобразительном искусстве станковая живопись традиционно занимает ведущее место. Именно в живописи второй половины XX века решались магистральные проблемы развития национального искусства, рождались новые направления и тенденции. И к концу века станковая живопись сохранила лидерство в процессах развития белорусского искусства. В мастерских художников-станковистов нашли свое решение сложнейшие процессы преодоления национальной замкнутости и приобщения к общемировому художественному процессу.

Взгляд из XXI века на изобразительное искусство последних десятилетий минувшего столетия позволяет с достаточной степенью уверенности обозначить вторую половину 1980-х годов как начало нового этапа в развитии станковой живописи. Сложные социально-политические и экономические процессы под лозунгами «перестройки» и «гласности», отягощенные масштабной экологической катастрофой, способствовали созданию принципиально новых обстоятельств и условий художественного творчества.

Попытка политико-экономических преобразований, закончившаяся крахом, ввергла страну в глубокий общественный кризис. Начинающийся развал прежней идеологической системы самым серьезным образом повлиял на развитие белорусского искусства. Трудности и противоречия общественного бытия отодвинули проблемы искусства в государстве на второй план. Стало меньше контроля, руководства, идеологического прессинга, но и меньше поддержки, финансовой помощи. В этих условиях белорусские художники пытались найти те новые пути, которые соответствовали бы изменившемуся времени. Станковое искусство откликнулось на обострившиеся противоречия обогащением круга тенденций, стилистическим разнообразием в отображении меняющейся действительности, активным использованием возможностей легитимного развития постмодернистских направлений. Исторический период 1980–1990-х годов характерен тем, что белорусское искусство начало преодолевать национальную замкнутость и закрепившийся за ним «устойчивый имидж одной из самых консервативных и просоцреалистических национальных школ СССР» [1]. В эти годы происходит разделение единого коллектива Белорусского Союза художников на группу мастеров, творчество которых развивалось в русле традиционного реалистического направления, и авторов, смело осваивающих философско-эстетическую систему постмодернизма.

Изучение белорусской живописи 1990-х годов только приобретает нужный масштаб, возрастает его актуальность. В настоящее время сложно говорить о развитии определенно устоявшихся тенденций ввиду малой дистантированности от исследуемой проблемы, продуктивней пойти по пути анализа и обобщения субъективных предположений и выводов, которые в дальнейшем могут послужить основой формирования новых методологических подходов, переводящих эмпирический материал в русло научной аргументации. Проблема состоит еще и в том, что избираемая методология исследования белорусской станковой живописи конца XX века должна опираться на совокупность научных принципов, которые сложились и продолжают формироваться и кор-

ректироваться в отечественной и западной философско-эстетической мысли.

Период девяностых годов характеризуется серьезной переоценкой эстетических ценностей, в живописи интуитивно-чувственное начало вытесняет рациональный подход, возрастает значение концептуальности художественного мышления. Образ становится «своеобразным художественным текстом, прочтение которого невозможно без ассоциативных представлений, строящихся на основе знания зрителем эстетической системы ценностей, являющихся определяющими для данного направления или индивидуальной манеры мастера» [2]. Действительность выступает в роли основы для ее свободной интерпретации, строящейся на внутренних представлениях художника. Живопись обретает возможность более глубокого отражения индивидуального мироощущения автора. Рост субъективного начала приводит к неоднозначности образной трактовки.

В искусстве рубежа 1980–1990-х годов наблюдается растущее разнообразие индивидуальных стилей, благодаря чему появились многочисленные художественные объединения, участников которых объединяло не внутреннее идейное единство, а дружеские отношения и весьма расплывчатые эстетические платформы и манифесты. Достаточно назвать наиболее яркие приметы этого процесса возникновения творческих объединений – «Немига-17», «Галина», «Форма», «Плюралис», «Бло» в Минске, «Квадрат» в Витебске. Наиболее яркая демонстрация достижений нетрадиционного искусства была осуществлена в 1989 году на республиканской выставке «Панорама» (г. Минск).

Искусство 1990-х годов создается по критериям, которые само же стремится создавать, оно ставит под вопрос традиционно-определенные правила и границы дозволенного в работе над станковым произведением, предлагает свои концепции теоретической трактовки формы и содержания, шкалу оценок и так далее. Можно утверждать, что накопление определенного позитивного опыта в анализе современного станкового искусства означает прогресс в движении к ответу на вопрос о сущности белорусской живописи периода 1990-х годов.

По-прежнему в ряду основных в развитии белорусской станковой живописи выступает реалистическое направление, хотя реализм 1990-х годов существенно отличается от реализма предшествующего времени.

Мир дан нам изначально объективный и реальный, и человеческое познание строится на отражении его свойств и процессов в нем происходящих. Благодаря актам воображения (творчеству) художник формирует свое особое знание, с помощью которого он понимает реальность в виде ее преображения в свои собственные «миры-версии». Данная система всегда содержит элементы репрезентации. Следуя толкованию Н. Гудмана «когда мы репрезентуем объект, конструкт или интерпретация возникает не в результате отражения, а в результате производства» [3]. В данной статье под термином «современный реализм» мы будем понимать особую форму репрезентации действительности художником, умение видеть новую предметность в самой изменяющейся реальности. «Повседневное значение репрезентации состоит в том, что она «презентует» в акте сознания некий реальный, внешний и все же представленный в мышлении, языке и образе иначе, чем в его реальности и материальности объект» [4]. Следовательно, современный реализм нельзя смешивать с видимым подобием действительности, так как степень совершенства художественного образа не зависит от степени подражания (природе, человеку и так далее). Суть данного понятия состоит в уникальном соединении субъективного и объективного, конкретного и абстрактного, традиционного и новаторского, поэтому реализм не принадлежит ни одной из выше упомянутых категорий, а находится где-то посередине, обобщая эти понятия.

В «поле» современного реализма можно выделить импрессионистское и экспрессионистское течения, отголоски сурового стиля, эволюционирующие

декоративную, романтическую и знаково-метафорическую тенденции. Но нет необходимости отказываться в оценке этих явлений от методологии анализа и критериев, выработанных в трудах Л. Дробова, А. Каменского, О. Коваленко, В. Леняшина, М. Цыбульского и ряда других исследователей.

Стойкая тенденция приверженности реалистическим принципам сохраняется в жанре пейзажа. До последних дней оставался верен реализму П. Масленков, преданны ему также в своем творчестве В. Громыко. М. Данциг и другие мастера старшего поколения, работающие в тематической композиции, – А. Бархатков, Р. Кудревич, В. Пасюкевич, В. Протасеня, П. Свентаховский, И. Стасевич и другие. Вполне убедительным является утверждение об очевидной национальной специфике в развитии реализма в белорусской живописи.

Широкий философский охват явлений действительности, реформа традиционного живописного языка на путях экспрессивного начала отличают творчество М. Савицкого Художник ведет поиск в широком диапазоне: от высокой концентрации цветопластической экспрессии, напоминающей Жоржа Руо в «Малой пьете» (1990), от неоклассических реминисценций («Воскресение», 1993; «Художник и модель», 1996) к поэтике образа, наследующей опыт средневековой русской живописи («Погребение Ефросинии Полоцкой», 1992; «Чудо о хлебах», 1994 и других).

Сочетание образной экспрессии с декоративностью цвета присуще живописным произведениям этих лет у Л. Щемелева. Работы подкупают открытостью технического приема, пластической энергией динамичного мазка. Вместе с тем можно заметить определенную повторяемость колористического решения в работах («Тревога», 1995; «Березина. 1812»; «Свадьба в феврале», обе 1996 год и других). Наблюдается также движение от цветовой экспрессии к большей декоративности живописно-пластического строя.

На экспрессионистской трансформации действительности с явно выраженным влиянием тенденции изобразительного примитивизма строится творчество Н. Бущика, С. Кирющенко и Л. Хоботова.

Николай Бущик в своей живописи создает оригинальную образно-пластическую систему, где простая сюжетная основа преобразуется в орнаментально-декоративные ассоциации. Определяющим вектором его творчества стал поиск цветовых отношений, близкий к стилистике постимпрессионизма, со свойственной им чистотой цветовых отношений. Художник пытается найти то емкое «ядро "живой" действительности, которая подобна субстанции эстетического тела, (...) где искусство – зеркало жизни, увиденное сквозь призму темперамента» [5]. Колорит строящийся на желтых, красных, синих, зеленых цветах, придает особое жизнелюбие миру эмоциональных образов. Иллюзорная предметность, с блеском используемая художником, усиливает восторженное отношение автора к действительности.

Сложнее говорить о романтической тенденции и ее носителях. Романтическое начало отчетливо выражено в ряде работ В. Марковца, А. Марочкина, П. Назаренко и ряда других мастеров, но, как правило, не является константой их творческого кредо, выступая, скорее всего, как разовая составляющая в работах, сюжетно тяготеющих к романтическому характеру трактовки образов. Возможно, это произошло в силу того, что драматические коллизии действительности явились мощным фактором, благодаря которому эта тенденция приобрела пульсирующий характер то активизируясь, то исчезая в творчестве белорусских живописцев.

Довольно широко в творчестве мастеров живописи проявилось стремление к использованию образной метафоры, присущее не только мастерам реалистического направления, но и ряда постмодернистских движений. В числе художников, прибегавших к возможностям метафорической трактовки образа,

можно выделить В. Кожуха, Н. Купаву, А. Марочкина, А. Раевского хотя опять-таки следует оговориться, что отдельные примеры ярких образно-метафорических художественных решений можно встретить и у Н. Назарчука, Н. Селещука, Г. Скрипниченко и других авторов.

На обостренном ощущении образных возможностей живописной метафоры строится пластическая система полотен В. Кожуха. Метафорическое сопоставление жизни и смерти, особое философское содержание живописной поэтики характерно для полотен серии «Чернобыльская хроника» (1990). В этой серии мастер заново осмысливает границы возможного в человеческом бытии, что было достаточно актуально для изобразительного искусства во все времена. Порывая с приемами натуралистического отображения действительности, автор, тем не менее, придерживается канвы реализма. В его работах некая особая декоративность цвета и пластика рисунка («Истоки», «Ностальгия», «Чувство счастья», все 1994 год). «Богатой и тонкой становится ритмика композиционных построений, мягкой и гармоничной – масляная живопись, своеобразным и слегка приглушенным – колорит, насыщенный переливами серебристых, сине-зеленых, охристо-янтарных цветов» [6].

В 1990-е годы осмысление художниками действительности происходит зачастую при помощи синтеза художественных практик, основанных на реалистическом мировосприятии. «Художник выбирает себе натуру в той же степени, что и она выбирает его. Искусство в каком-то смысле есть бунт против мира во всем, что есть в нем ускользающего и незавершенного: вот отчего художник стремится только к тому, чтобы придать иную форму реальности, которую он, тем не менее, обязан сохранить в ее первозданном виде, ибо лишь такою она служит источником вдохновения. В этом отношении все мы реалисты и никто не реалист» [7].

Следует подчеркнуть, что живописные решения 1990-х годов в большинстве своем носят созерцательный характер, это существенно отличает их от картин предыдущего десятилетия, в основе которых обозначена активная жизненная позиция художника. Неопределенность социальной жизни служит поводом для пересценки мастером окружающей действительности в совершенно ином психологическом настроении, в котором наблюдается преобладание тревожных и смутных ощущений, чувствуется некая безнадежность.

Данные наблюдения над содержательной стороной произведения в полной мере относятся к творчеству В. Товстика. Проблема частного человека, процесс его формирования «в борьбе с внешним миром, в котором ему легко различать вещи, лежащие вовне, (...) где от взгляда внутрь себя самого он испытывает головокружение, у него затуманивается взор» [8]. Способствует рождению особого образного мышления (серия «Свет и тени», 1993 г.), и диалектика этой образности совершенно новой формы, где нет заранее определенного ответа. Соединение истории и современности в единой живописной системе способствует рождению своеобразной художественной притчи, в которой соединяются персонажи настоящие, реальные и воображаемые, мифологические (триптих «Родина», 1990; «Сон – I», 1992; «Мелодия уходящей ночи», 1994). Формирование живописной притчи явилось своеобразной реакцией на чрезмерное усложнение структуры жизни, в которой человек не может справиться с многоликой и изменчивой действительностью, и именно притча как особый способ образно-пластического мышления заняла определенное место в эволюции современной белорусской станковой живописи.

Разрушение четкой жанровой системы привело к активизации формально-живописных поисков, определенным открытиям в области колорита и фактуры, которая ранее вообще не являлась объектом направленного эксперимента. Все это осуществлялось преимущественно в рамках декоративной тенден-

ции, получившей мощный импульс для дальнейшего развития в новых условиях. Но если творчество С. Катковой, З. Литвиновой основывается на активном использовании приемов декоративно-прикладного искусства, живописная манера С. Кирющенко, В. Кожуха и Л. Хоботова опирается на возможности примитивистской деформации предметного мира, то декоративизм образов В. Стельмашонка и М. Чепика в большей степени соотносится с традицией и сохраняет ясно выраженное изобразительное начало.

Следует заметить, что и декоративная, и знаково-метафорическая, и тенденция примитивизации в крайних своих проявлениях выступают фактически уже в системе постмодернизма. И если белорусское искусствознание не пойдет дальше по пути выработки критериев дефиниции, то современное искусство окажется в ситуации «реализма без берегов». Избегая категоричности суждений и оценок апологетов соцреализма следует все же стремиться к максимальной объективной точности в определении новых явлений в искусстве, иными словами «называть вещи своими именами» [9], и помнить при этом, что «не реализм» в настоящее время – это просто не реализм, а не нечто плохое и запретное, и направлять усилия на выработку качественно новой методологии его оценки.

На быстро эволюционирующей белорусской «ветви» европейского постмодернизма его ведущие тенденции проявляются как бы в снятом, смягченном варианте. Раньше других и богаче по индивидуальным вариациям проявила себя тенденция нефигуративной (абстрактной) живописи. Одним из первых вошел в «запретную зону» витебский художник А. Соловьев, будучи художником театра и смело экспериментируя в станковой живописи, используя приемы набрызга, случайного пятна, красочного подтека в духе Джексона Поллака, он постепенно утратил прямую связь с предметным миром. В целом в Беларуси работал большой отряд мастеров подобного плана, среди которых необходимо отметить С. Гриневича, Н. Залозную, З. Луцевич, А. Кузнецова, С. Тимохова, И. Тишина, Е. Шлегель и других. Во второй половине 1990-х годов появились объединения художников нефигуративного плана, примером может служить творческое объединение «Оршица» (Витебская область).

В поисках своего индивидуального стиля Наталья Залозная шла путем последовательной эволюции от реализма к концептуальному и абстрактному искусству. Живописный язык полотен художницы строится на поэтике неожиданного и необычного, на своеобразном цветовом эксцентризме. Формирование индивидуального видения автора во многом определялось особенностями переломной эпохи, развитием общества в 1990-е годы. В ее произведениях цветовой эксцентризм служит особым средством истолкования жизненного материала. Образная система полотен воспринимается как совокупность непрерывно замещающих друг друга культурных текстов (знаков), чьи отношения поддаются описанию лишь посредством метафор и риторических фигур. Метафоры, используемые для удобства толкования, оказываются так глубоко «вплавлены» в живописный текст, что обеспечивают единственно возможную среду его функционирования. Тонкая лирика колористических отношений Н. Залозной обогащает общую живописную поэтику ее абстрактных композиций, способствуя рождению произведения искусства, которое «всегда соразмерно человеку, и по своей сущности оно всегда что-то «недоговаривает» [7, с. 77] («Стол», 1991; «Композиция II», 1991; «Поздние цветы», 1992; серия «Записки», 1994; «Композиция № 2», 2000).

Отсутствие четко выраженного тематического аспекта является характерной чертой абстрактного искусства, тем не менее на творческую манеру

Н. Залозной достаточно сильное влияние оказала религиозная философия Ближнего Востока, которая служит смысловой основой произведений «Лука» (1991), «Иерусалимская серия» (1997), «Сентиментальная картина» (1997). Творчество автора осуществляется в русле философии постмодернизма, где под этим термином может пониматься то, «что отказывается от утешения хороших форм, от консенсуса вкуса, который позволил бы испытать ностальгию по невозможному» [10]. Степень истинности подобного отрицания вполне может являться одним из критериев современной живописи. Творчество Н. Залозной базируется на образном выражении отрицания того, что мешает «чувству глубокой удовлетворенности» (термин Лиотара Ж.- Ф.).

Работы Игоря Тишина напоминают как бы нутро предмета, изнанку – потрепанную, вытертую, расцарапанную, испещренную потеками и пятнами, сквозь которые проступают газетные вырезки, древние манускрипты, случайные надписи, заимствованные художником из реальной жизни, и все это является строительным материалом в авторском решении образа. Именно на стыке литературы и живописи художник пытается обрести новые выразительные возможности для изучения человеческой души. Активная работа художника над фактурой холста, как над своеобразной системной конструкцией, отражает смысл «раскола» его подсознания с внешней, гетерогенной реальностью и замыкание в пределах персонального, гомогенного мира, единственным творцом и поэтом которого выступает он сам. Автор тщательно избегает академизма, эстетики и пафоса. Обращаясь к культурной памяти, он привлекает внимание зрителя к социальным проблемам современности («Инвентарный номер», 1991; «Морфло», 1992; серия «Формулы Родченко», 1995).

Творчество И. Тишина находится в пределах спекулятивного поля некоего соблазна, где, если следовать определению Ж. Бодрийара, «соблазн есть то, репрезентация чего невозможна, поскольку дистанция между реальностью и ее двойником, разрыв между тождественным и иным в соблазне упраздняется» [11]. Данная степень обольстительности может послужить еще одним критерием современного художественного творчества.

В определенной степени обозначило себя в белорусской живописи и сюрреалистическое направление (В. Альшевский, Р. Вашкевич, С. Малишевский, Н. Селещук, Г. Скрипниченко). Есть в белорусском искусстве 1990-х годов интересные примеры развития концептуального искусства (В. Васильев, А. Досужев), инсталляции (А. Клинов, С. Малишевский), перформансы, реминисценции футуризма, фотореализма, образцы соцарта (В. Губарев) и их разновидностей.

Но интересная и нуждающаяся в углубленном исследовании проблема белорусского постмодернизма должна стать предметом отдельного анализа.

Развитие современного искусства дает массу примеров и фактов попыток активной компрометации и дисквалификации реалистического мировосприятия. Но ни одному художественному направлению невозможно отдать предпочтения: и «новый реализм», и абстрактная живопись – все равноправны перед лицом истории. В хаотичном пространстве зарождающегося арт-рынка, как правило, одна разновидность постмодернизма антагонистична другой, и все активно обесценивают качественную сторону живописи – ремесло художника, которое базируется на многовековой школе реалистической традиции. Но как бы не развивалось искусство в XXI веке, можно предположить, что реализм останется тем фундаментом, дающим возможность дальнейшего поиска ярких образных решений отражающих современность.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Коваленко О.*** Проблемы и тенденции. (Живопись Белоруссии 1980-х годов) // Творчество, 1990, № 4. – С. 4.
2. ***Лабанаў А.*** Некаторыя тэндэнцыі ў беларускім станковым жывапісе 1980-х – пачатку 1990-х гадоў // Весці Акад. навук Беларусі. Серыя гуманітар. навук, 1995, № 1. – С. 77.
3. ***Goodman N.*** Sprache der kunst. Ein ansatz zu einer symboltheorie, Frankfurt/m., 20 s.
4. ***Зандкюлер Х.*** Репрезентация, или Как реальность может быть понята философски // Вопросы философии, 2002, № 9. – С. 84.
5. ***Ортега-и-Гассет Х.*** «Дегуманизация искусства». Эссе о литературе и искусстве: пер. с испан. – М., 1991. – С. 516.
6. ***Рамаюк М.*** Натхнёны жыццём вёскі // Мастацтва, 1992, № 1. – С. 46.
7. ***Камю А.*** Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: пер. с франц. – М., 1990. – С. 371.
8. ***Ортега-и-Гассет Х.*** Что такое философия? Пер. с испан. – М., 1991. – С. 11.
9. ***Андреев Л.*** Порывы и поиски XX века // Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. Сборник. – М., 1986. – С. 4.
10. ***Лиотар Ж.-Ф.*** Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad marginem'93. Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М., 1994. – С. 322.
11. ***Бодрийар Ж.*** Главы из книги «О соблазне» // Комментарии, 1995, № 4. – С. 45.

SUMMARY

In the given article the evolution of painting in the 1990s is considered. The future of Mankind, social modifications and strategy of survival are particularly vital problems for Byelorussian art of the period under research.

Поступила в редакцию 16.07.2003

УДК 512.542

Н.В. Савельева, Н.Т. Воробьев

О максимальных подклассах нормального класса Фиттинга

Ряд известных результатов теории классов Фиттинга связан с исследованием свойств максимальных (по включению) подклассов Фиттинга в данном классе Фиттинга (см., например, [1, 2] или [3]). Класс Фиттинга $\mathfrak{F}$ называется максимальным подклассом Фиттинга класса $\mathfrak{X}$, если $\mathfrak{F} \subset \mathfrak{X}$ и из $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{M} \subseteq \mathfrak{X}$, где $\mathfrak{M}$ – класс Фиттинга, всегда следует, что $\mathfrak{M} \in \{\mathfrak{F}, \mathfrak{X}\}$.

В частности, Косси [4] было установлено, что если класс Фиттинга $\mathfrak{F}$ максимален в $\mathfrak{E}$, где $\mathfrak{E}$ – класс Фиттинга всех конечных разрешимых групп, то $\mathfrak{F}$ является нормальным. Непустой класс Фиттинга $\mathfrak{F}$ называется нормальным, если в любой группе G подгруппа $G_{\mathfrak{F}}$ является $\mathfrak{F}$-максимальной подгруппой G [5]. Хорошо известно [5], что пересечение всех неединичных нормальных классов Фиттинга снова является неединичным нормальным классом Фиттинга. Его обозначают через $\mathfrak{E}_*$. В теории нормальных классов Фиттинга известен результат Н.Т. Воробьева [6] о том, что в $\mathfrak{E}_*$ нет максимальных подклассов Фиттинга, который отрицательно решает проблему Лауша (см. проблему 9.18 [7]).

Основная цель настоящей работы – расширение указанного результата Косси на более общий случай, когда нормальный класс Фиттинга $\mathfrak{F}$ максимален в произвольном неединичном нормальном классе Фиттинга $\mathfrak{X}$ (в общем случае $\mathfrak{X} \neq \mathfrak{E}$). Доказано, что в этом случае класс $\mathfrak{F}$ также является нормальным. Из этого вытекает, в частности, результат Н.Т. Воробьева [6] о том, что минимальный нормальный класс Фиттинга не содержит максимальных подклассов.

Все рассматриваемые группы конечны и разрешимы. В определениях и обозначениях мы следуем [3].

1. Предварительные сведения

Для доказательства основного результата первоначально напомним некоторые основные понятия и приведем в качестве лемм те известные утверждения, которые мы будем использовать.

Классом Фиттинга называется класс групп $\mathfrak{F}$, который удовлетворяет следующим условиям:

1) каждая нормальная подгруппа любой группы из $\mathfrak{F}$ также принадлежит $\mathfrak{F}$;

2) из $N_1 \trianglelefteq G$, $N_1 \in \mathfrak{F}$ и $N_2 \trianglelefteq G$, $N_2 \in \mathfrak{F}$ всегда следует $N_1N_2 \in \mathfrak{F}$.

Пусть $\mathfrak{F}$ – непустой класс Фиттинга. Тогда $\mathfrak{F}$-радикалом $G_{\mathfrak{F}}$ *группы* G называют наибольшую из нормальных подгрупп G, принадлежащих $\mathfrak{F}$.

Класс Фиттинга $\mathfrak{F}$ называется нормальным, если в любой группе G подгруппа $G_{\mathfrak{F}}$ является $\mathfrak{F}$-максимальной подгруппой G. Напомним, что подгруппа M группы G является $\mathfrak{F}$-максимальной подгруппой G, если для любой подгруппы $H \in \mathfrak{F}$ такой, что $M \subseteq H \subset G$, следует $H \in \{M, G\}$.

Известно, что пересечение всех неединичных нормальных классов Фиттинга является неединичным нормальным классом Фиттинга. Его называют минимальным нормальным классом Фиттинга и обозначают $\mathfrak{S}_*$.

Пусть $\mathfrak{F}$ – произвольный непустой класс Фиттинга. Тогда $\mathfrak{F}^*$ – наименьший из классов Фитинга, содержащий $\mathfrak{F}$ такой, что для любых групп G и H справедливо равенство $(G\times H)_{\mathfrak{F}} = G_{\mathfrak{F}} \times H_{\mathfrak{F}}$ [3].

Через $\mathfrak{F}_*$ обозначают пересечение всех таких классов Фиттинга $\mathfrak{X}$, что $\mathfrak{X}^* = \mathfrak{F}^*$. Тогда *минимальный нормальный класс Фиттинга* есть $\mathfrak{S}_*$, где $\mathfrak{S}$ – класс всех конечных разрешимых групп.

Если $\mathfrak{F} = \mathfrak{F}^*$, то $\mathfrak{F}$ называют *классом Локетта*.

Класс групп $\mathfrak{F}$ называется *формацией*, если выполняются следующие условия:

1) каждая факторгруппа любой группы из $\mathfrak{F}$ также принадлежит $\mathfrak{F}$;

2) из $H/A \in \mathfrak{F}$ и $H/B \in \mathfrak{F}$ всегда следует $H/A \cap B \in \mathfrak{F}$.

Пусть $\mathfrak{F}$ – непустая формация. Тогда $\mathfrak{F}$-*кородикалом* группы G называется наименьшая нормальная подгруппа группы G, факторгруппа по которой принадлежит $\mathfrak{F}$.

Пусть $\mathfrak{F}$ и $\mathfrak{H}$ – некоторые формации. Произведением формаций $\mathfrak{F}$ и $\mathfrak{H}$ называется класс всех таких групп G, $\mathfrak{H}$-корадикалы которых принадлежат формации $\mathfrak{F}$.

Отображение f множества всех простых чисел **P** во множество формаций называется *локальным экраном*.

Формация $\mathfrak{F}$ называется *локальной*, если существует такой локальный экран f, что

$$\mathfrak{F} = \mathfrak{S}_\pi \cap (\cap_{p\in\pi} \mathfrak{S}_p\ \mathfrak{N}_p\ f(p)), \text{ где } \pi = \{p \in \mathbf{P} \mid f(p) \neq \varnothing\}.$$

Лемма 1.1 [3]. *Если $\mathfrak{F}$ и $\mathfrak{H}$ – непустые классы Фиттинга, то для любой группы G имеет место равенство:*

$$G_{\mathfrak{F}\mathfrak{H}}/G_{\mathfrak{F}} = (G/G_{\mathfrak{F}})_{\mathfrak{H}}.$$

Лемма 1.2 [3]. *Если $\mathfrak{F}$ и $\mathfrak{H}$ – классы Фиттинга и «*» – оператор Локетта, то справедливо равенство:*

$$(\mathfrak{F}\cap\mathfrak{H})^* = \mathfrak{F}^*\cap\mathfrak{H}^*.$$

Лемма 1.3 [4]. *Если $\mathfrak{F}$ – неединичный* нормальный класс Фиттинга, то $\mathfrak{F}^* = \mathfrak{S}$.

Лемма 1.4 [3]. *Пусть $\mathfrak{F}$ и $\mathfrak{H}$ – классы Фиттинга, причем класс Фиттинга $\mathfrak{H}$ является локальной формацией и «*» – оператор Локетта. Тогда справедливо равенство:*

$$(\mathfrak{F}\mathfrak{H})^* = \mathfrak{F}^*\mathfrak{H}.$$

Лемма 1.5 [6]. *Каждый локальный класс Фиттинга является классом Локетта.*

Лемма 1.6 [4]. *Если $\mathfrak{F}$ – класс Фиттинга и произведение $\mathfrak{F}\mathfrak{N} = \mathfrak{S}$, то $\mathfrak{F}$ – нормальный класс Фиттинга.*

Непосредственной проверкой легко показать, что справедлива

Лемма 1.7. *Пусть $\mathfrak{F}$ и $\mathfrak{H}$ – классы Фиттинга. Тогда:*

1) *если класс Фиттинга $\mathfrak{H}$ не пуст, то $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F}\mathfrak{H}$;*

2) *если $\mathfrak{H}$ – класс Фиттинга, являющийся гомоморфом, и $\mathfrak{F}$ – непустой класс Фиттинга, то $\mathfrak{H} \subseteq \mathfrak{F}\mathfrak{H}$.*

3) *произведение классов Фиттинга ассоциативно:*

$$\mathfrak{F}(\mathfrak{H}\mathfrak{M}) = (\mathfrak{F}\mathfrak{H})\mathfrak{M}.$$

2. Основной результат

Напомним, что класс Фиттинга $\mathfrak{F}$ называется *максимальным подклассом Фиттинга класса* $\mathfrak{X}$, если $\mathfrak{F} \subset \mathfrak{X}$ и из $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{M} \subset \mathfrak{X}$, где $\mathfrak{M}$ – класс Фиттинга, всегда следует $\mathfrak{M} \in \{\mathfrak{F}, \mathfrak{X}\}$.

Докажем основной результат, который представляет

Теорема. *Каждый максимальный подкласс Фиттинга нормального класса Фиттинга является нормальным.*

Доказательство. Пусть $\mathfrak{F}$ – максимальный подкласс Фиттинга в нормальном классе Фиттинга $\mathfrak{H}$. Тогда $\mathfrak{F} \subset \mathfrak{H}$. Кроме того, по утверждению леммы 1.7, $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F}\mathfrak{N}$, где $\mathfrak{N}$ – класс всех нильпотентных групп. Тогда $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{H} \cap \mathfrak{F}\mathfrak{N} \subseteq \mathfrak{H}$. Но $\mathfrak{F}$ максимален в $\mathfrak{H}$, и поэтому возможны два случая: либо $\mathfrak{F} = \mathfrak{H} \cap \mathfrak{F}\mathfrak{N}$, либо $\mathfrak{H} \cap \mathfrak{F}\mathfrak{N} = \mathfrak{H}$. Рассмотрим отдельно каждый из этих случаев.

Случай 1. Пусть $\mathfrak{F} = \mathfrak{H} \cap \mathfrak{F}\mathfrak{N}$. Подействуем на это равенство оператором Локетта «*». В итоге получим $\mathfrak{F}^* = (\mathfrak{H} \cap \mathfrak{F}\mathfrak{N})^*$. Но по лемме 1.2 $\mathfrak{F}^* = \mathfrak{H}^* \cap (\mathfrak{F}\mathfrak{N})^*$. Ввиду того, что $\mathfrak{H}$ – нормальный класс Фиттинга, по лемме 1.3 имеем $\mathfrak{H}^* = \mathfrak{E}$. Кроме того, по лемме 1.4, $(\mathfrak{F}\mathfrak{N})^* = \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}$. Таким образом, $\mathfrak{F}^* = \mathfrak{E} \cap \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}$. Но так как все рассматриваемые группы взяты из класса $\mathfrak{E}$, то мы получаем $\mathfrak{F}^*\mathfrak{N} \subseteq \mathfrak{E}$ и поэтому $\mathfrak{F}^* = \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}$. Отсюда ввиду ассоциативности произведения классов Фиттинга и из леммы 1.4 следует

$$\mathfrak{F}^* = \mathfrak{F}^*\mathfrak{N} = (\mathfrak{F}^*\mathfrak{N})\mathfrak{N} = \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}^2 = (\mathfrak{F}^*\mathfrak{N}^2)\mathfrak{N} = \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}^3 = \ldots = \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}^n.$$

Итак, для любого натурального n справедливо равенство:

$$\mathfrak{F}^* = \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}^n.$$

Но ввиду того, что $\bigcup_{n=1}^{\infty} \mathfrak{N}^n = \mathfrak{E}$ и класс $\mathfrak{N}^n$ является формацией, по лемме 1.4 мы получаем, что

$$\mathfrak{E} = \bigcup_{n=1}^{\infty} \mathfrak{N}^n \subseteq \bigcup_{n=1}^{\infty} \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}^n = \bigcup_{n=1}^{\infty} \mathfrak{F}^* = \mathfrak{F}^*.$$

Но так как $\mathfrak{E}$ – универсальный класс, то $\mathfrak{F}^* \subseteq \mathfrak{E}$ и поэтому $\mathfrak{F}^* = \mathfrak{E}$. А это по лемме 1.3 означает, что $\mathfrak{F}$ – нормальный класс Фиттинга. Таким образом, в первом случае теорема верна.

Случай 2. Пусть $\mathfrak{H} \cap \mathfrak{F}\mathfrak{N} = \mathfrak{H}$. Подействуем на последнее равенство оператором Локетта «*». В результате получим $(\mathfrak{H} \cap \mathfrak{F}\mathfrak{N})^* = \mathfrak{H}^*$.

Но по лемме 1.2 $\mathfrak{H}^* \cap (\mathfrak{F}\mathfrak{N})^* = \mathfrak{H}^*$. Кроме того, по лемме 1.4, $(\mathfrak{F}\mathfrak{N})^* = \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}$. Поскольку $\mathfrak{H}$ – нормальный класс Фиттинга, то по лемме 1.3 $\mathfrak{H}^* = \mathfrak{E}$, и мы получаем, что

$$\mathfrak{E} \cap \mathfrak{F}^*\mathfrak{N} = \mathfrak{E}.$$

Отсюда следует, что $\mathfrak{E} \subseteq \mathfrak{F}^*\mathfrak{N}$. Но $\mathfrak{E}$ – универсальный класс групп. Следовательно, $\mathfrak{F}^*\mathfrak{N} \subseteq \mathfrak{E}$ и поэтому $\mathfrak{F}^*\mathfrak{N} = \mathfrak{E}$.

Так как $\mathfrak{F}^*\mathfrak{N} = (\mathfrak{F}\mathfrak{N})^*$ и $\mathfrak{F}\mathfrak{N}$ – локальный класс Фиттинга, то $\mathfrak{F}\mathfrak{N}$ – класс Локетта по лемме 1.5. Значит, $(\mathfrak{F}\mathfrak{N})^* = \mathfrak{F}\mathfrak{N}$. Отсюда и из равенства $\mathfrak{F}^*\mathfrak{N} = \mathfrak{E}$ следует $\mathfrak{F}\mathfrak{N} = \mathfrak{E}$. Значит, по лемме 1.6, $\mathfrak{F}$ – нормальный класс Фиттинга.

Теорема доказана.

Из теоремы вытекает отрицательный ответ на проблему Лауша о существовании максимальных подклассов Фиттинга в минимальном нормальном классе Фиттинга (см. [7], проблема 9.18), который был получен Н.Т. Воробьевым

Следствие 1. (Воробьев Н.Т. [6]) Пусть $\mathfrak{E}_*$ – минимальный нормальный класс Фиттинга. Тогда в $\mathfrak{E}_*$ нет максимальных подклассов Фиттинга.

Доказательство. Пусть $\mathfrak{X}$ максимален в $\mathfrak{E}_*$. Тогда он нормален в $\mathfrak{E}_*$. Но так как $\mathfrak{E}_*$ – минимальный нормальный класс Фиттинга, то $\mathfrak{X}=\mathfrak{E}_*$.

Следствие доказано.

Следствие 2 (Cossey [1]). Если $\mathfrak{F}$ – максимальный подкласс Фиттинга в классе $\mathfrak{E}$, то $\mathfrak{F}$ – нормальный класс Фиттинга.

Доказательство вытекает непосредственно из теоремы в случае, когда класс $\mathfrak{H} = \mathfrak{E}$.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Bryce R.A., Cossey J.*** Maximal Fitting classes of finite soluble groups // Bull Austral. Math. Soc. – 1974. – Vol. 10. – P. 169–175.
2. ***Laue H.*** Über nichtauflösbare normalen Fittingklassen // J. Algebra. – 1997. – Vol. 45 – P. 274–283.
3. ***Doerk K., Hawkes T.*** Finite soluble groups. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1992. – 891 p.
4. ***Cossey J.*** Products of Fitting Classes // Math. Z. – 1975. – Bd. 141, № 3. – S. 289–295.
5. ***Blessenohl D., Gaschütz W.*** Über normale Schunk- und Fittingklassen // Math. Z. – 1970. – Bd. 118, N 1.– S. 1–8.
6. ***Воробьев Н.Т.*** О проблеме Лауша в теории нормальных классов Фиттинга // Доклады АН БССР. – Т. 35, № 6. – 1991. – С. 485–497.
7. ***Коуровская тетрадь***. Нерешенные вопросы теории групп. Издание 14 // Институт математики СО РАН. 1999. – 135 с.

SUMMARY

It is proved that every maximal Fitting subclass of a normal Fitting class is normal.

Поступила в редакцию 11.03.2004

УДК 512.542

Е.А. Задорожнюк

О p-сверхразрешимости конечных групп

Все рассматриваемые нами в данной работе группы конечны. Напомним, что группа называется сверхразрешимой, если она обладает нормальным рядом с циклическими факторами. Согласно Хупперту [1] группа сверхразрешима тогда и только тогда, когда индексы ее максимальных подгрупп являются простыми числами. Этот красивый и весьма нетривиальный результат положил начало большому числу исследований, связанных с нахождением критериев сверхразрешимости группы [2] и изучением различных обобщений сверхразрешимых групп. Одним из таких обобщений является понятие p-сверхразрешимой группы.

Напомним, что группа называется p-сверхразрешимой (p – простое число), если каждый ее главный фактор является либо p'-группой, либо циклической группой.

В данной работе мы будем иметь дело со специальным типом сверхразрешимых групп – со строго p-замкнутыми группами. Напомним это определение. Группа G называется строго p-замкнутой, если силовская p-подгруппа G_p этой группы нормальна в ней, а факторгруппа G/G_p является абелевой группой экспоненты, делящей $p-1$ [2, с. 5]. Напомним также, что для каждого натурального числа n символом $\mathfrak{A}(n)$ обозначается класс всех тех абелевых групп, экспоненты которых делят n [3]. Остальные используемые определения и обозначения стандартны и соответствуют принятым в [4].

Нам потребуется следующая лемма, доказательство которой осуществляется простой проверкой.

Лемма. *Подгруппа и факторгруппа строго p-замкнутой группы являются строго p-замкнутыми.*

Теорема 1. *Пусть G – p-разрешимая группа, где $p \neq 2$, и N – нормальная в G подгруппа, такая, что G/N – p-сверхразрешимая факторгруппа. Предположим, что для любой нециклической p-подгруппы A из N все ее минимальные подгруппы пронормальны в G. Тогда G – p-сверхразрешимая группа.*

Доказательство. Пусть A – некоторая нециклическая p-подгруппа группы N. Покажем сначала, что факторгруппа $N_G(A)/C_G(A)$ строго p-замкнута. Пусть x – элемент из группы A порядка p. Подгруппа $< x >$ субнормальна в $H = N_G(A)$. По условию подгруппа $< x >$ пронормальна в группе G, а значит, и в группе $N_G(A)$. По лемме 1.6.3 [4] из субнормальности и пронормальности подгруппы $< x >$ в группе H следует, что $< x >$ нормальна в H. Так как $\Omega_1(A) \text{char} A$, и так как группа A нормальна в группе H, то группа $\Omega_1(A)$ нормальна в H. Поэтому и группа $C_H(\Omega_1(A))$ нормальна в H. Очевидно, что

$$C = C_G(A) \leq C_H(\Omega_1(A)).$$

Покажем, что факторгруппа $C_H(\Omega_1(A))/C$ является p-подгруппой группы H/C.

Предположим противное, т.е. допустим, что порядок некоторого неединичного элемента $gC \in C_H(\Omega_1(A))/C$ является p'-числом. Группа $< gC >$ действует сопряжениями на A, причем действие группы $< gC >$ на $\Omega_1(A)$ тривиально. Значит, ввиду теоремы 5.2.4 [5] группа $< gC >$ действует тривиально и на A, т.е. имеет место $gC = C$, что противоречит выбору элемента gC. Поэтому $C_H(\Omega_1(A))/C$ является p-группой. Так как $|x| = p$, то по теореме 1.1.4 [2] факторгруппа $N_H(< x >)/C_H(< x >)$ является абелевой группой экспоненты, делящей $p - 1$.

Значит,

$$\Big(\bigcap_{x \in \Omega_1(A)} N_H(< x >)\Big)/\Big(\bigcap_{x \in \Omega_1(A)} C_H(< x >)\Big) \in \mathfrak{N}(p-1).$$

Любая подгруппа последней факторгруппы является абелевой группой экспоненты, делящей $p - 1$. Поскольку очевидно, что

$$C_H(\Omega_1(A)) = \bigcap_{x \in \Omega_1(A)} C_H(< A >) \text{ и } H \leq \bigcap_{x \in \Omega_1(A)} N_H(< x >),$$

то

$$H/\bigcap_{x \in \Omega_1(A)} C_H(< x >) = H/C_H(\Omega_1(A)) \in \mathfrak{N}(p-1).$$

Но так как

$$H/C_H(\Omega_1(A)) \cong (H/C)/(C_H(\Omega_1(A))/C),$$

то факторгруппа H/C строго p-замкнута.

Докажем теперь, что группа G является p-сверхразрешимой. Предположим, что теорема не верна, т.е. существуют не p-сверхразрешимые группы, удовлетворяющие условию теоремы. Выберем среди таких групп группу G, имеющую наименьший порядок. Пусть K – минимальная нормальная подгруппа группы G, содержащаяся в N. Поскольку по условию группа G является p-разрешимой, то K – либо элементарная абелева p-группа, либо p'-группа. Обозначим $\overline{G} = G/K$, $\overline{N} = N/K$.

Если K – элементарная абелева p-группа, то для каждой нециклической p-подгруппы $\overline{A} = A/K$ из $\overline{N}$ подгруппа A является нециклической p-подгруппой в N, и поэтому факторгруппа $N_G(A)/C_G(A)$ является строго p-замкнутой по доказанному выше. Ввиду леммы факторгруппа $(N_G(A)/K)/(C_G(A)K/K)$ строго p-замкнута. Из того, что

$$N_G(A)/K = N_{G/K}(A/K) \text{ и } C_{G/K}(A/K) \geq C_G(A)K/K$$

следует, что факторгруппа $N_{\overline{G}}(\overline{A})/C_{\overline{G}}(\overline{A})$ строго p-замкнута.

Если K – p'-группа, то для каждой нециклической p-подгруппы $\overline{A} = H/K$ из группы $\overline{N}$ имеет место $H = AK$, где A – нециклическая силовская p-подгруппа из H. Так как факторгруппа $N_G(A)/C_G(A)$ строго p-замкнута, то и

$$N_G(A)K/C_G(A)K \cong N_G(A)/C_G(A)(N_G(A) \cap K) = N_G(A)/C_G(A)N_K(A) \cong$$
$$\cong (N_G(A)/C_G(A))/(C_G(A)N_K(A)/C_G(A))$$

также строго p-замкнута. Очевидно, что

$$C_{\overline{G}}(\overline{A}) \geq C_G(A)K/K.$$

Согласно теореме 3.16 [6]

$$N_{\overline{G}}(\overline{A}) = N_G(A)K/K.$$

Значит, и факторгруппа $N_G(\overline{A})/C_G(\overline{A})$ строго p-замкнута.

Так как $|\overline{G}| < |G|$, то ввиду выбора группы G факторгруппа G/K p-сверхразрешима. Если K – p'-группа, то G p-сверхразрешима. Противоречие. Значит, K – элементарная абелева p-группа. По доказанному выше факторгруппа $G/C_G(K)$ является строго p-замкнутой.

Так как по лемме 3.9 [7] факторгруппа $G/C_G(K)$ не содержит неединичных p-подгрупп, то $G/C_G(K) \in \mathfrak{N}(p-1)$.

Ввиду теоремы 1.1.4 [2] $|K| = p$. Отсюда следует, что группа G является p-сверхразрешимой. Вновь полученное противоречие завершает доказательство теоремы.

Аналогично можно доказать и следующую теорему, однако мы дадим другое ее доказательство, апеллирующее к теории критических групп

Теорема 2. *Пусть G – разрешимая группа, N – нормальная в G подгруппа, такая, что G/N – 2-нильпотентная факторгруппа. Предположим, что для любой нециклической 2-подгруппы A из N выполняется одно из следующих двух условий:*

1) A – абелева группа и все ее минимальные подгруппы пронормальны в G;

2) A – неабелева группа и все ее минимальные подгруппы и подгруппы порядка 4 пронормальны в G.

Тогда G – 2-нильпотентная группа.

Доказательство. Допустим, что теорема не верна, т.е. существуют не 2-нильпотентные группы, удовлетворяющие условию теоремы. Выберем среди таких групп группу G, имеющую наименьший порядок. Пусть H – произвольная собственная подгруппа группы G. Ввиду разрешимости G ее подгруппа H также разрешима. Так как подгруппа N нормальна в G, то и группа $N \cap H$ нормальна в H. Подгруппа 2-нильпотентной группы является 2-нильпотентной, поэтому факторгруппа $H/(N \cap H) \cong HN/N$ 2-нильпотентна.

Пусть A – любая нециклическая 2-подгруппа из группы $N \cap H$. Тогда по предположению, что условия теоремы выполняются для группы G, и ввиду того, что подгруппа, пронормальная в группе, пронормальна и в любой ее подгруппе, следует, что группа A удовлетворяет одному из следующих двух условий:

1) A – абелева группа и все ее минимальные подгруппы пронормальны в H;

2) A – неабелева группа и все ее минимальные подгруппы и подгруппы порядка 4 пронормальны в H.

Так как группа H удовлетворяет условиям теоремы и $|H| < |G|$, то ввиду выбора группы G подгруппа H является 2-нильпотентной. Итак, G – минимальная не 2-нильпотентная группа. По теореме IV.5.4 [8] следует, что G – группа Шмидта, т.е. минимальная ненильпотентная группа. Для группы Шмидта G справедливы следующие утверждения [7]:

1) G – разрешимая бипримарная группа;

2) $G^{\mathfrak{N}}$ является силовской q-подгруппой в G, q – простое число;

3) $G^{\mathfrak{N}}/\Phi(G^{\mathfrak{N}})$ – главный фактор группы G;

4) если $G^{\mathfrak{N}}$ абелева, то $\Phi(G^{\mathfrak{N}}) = 1$;

5) если $G^{\mathfrak{N}}$ неабелева, то ее центр, коммутант и подгруппа Фраттини совпадают и имеют экспоненту p;

6) если $p = 2$, то экспонента $G^{\mathfrak{N}}$ не превышает 4.

Уточним строение группы G. Если порядок группы G не делится на 2, то G является 2-нильпотентной группой, что противоречит предыдущему. Значит, 2 делит порядок группы G, т.е. $\pi(G) = \{2, p\}$. Если силовская p-подгруппа G_p нормальна в группе G, то G является 2-нильпотентной группой, что невозможно. Значит, силовская 2-подгруппа G_2 нормальна в G. Таким образом, $G = [G_2]G_p$.

Из того, что группа G/N 2-нильпотентна, следует, что факторгруппа NG_p/N нормальна в группе G/N. Кроме того ясно, что NG_2/N нормальна в группе G/N. Итак, G/N является нильпотентной группой. Тогда $G_2 = G^{\mathfrak{N}} \subseteq N$.

Если группа G_2 абелева, то $\Phi(G_2) = 1$ и $G_2/\Phi(G_2) = G_2/1$ – главный фактор группы G. Предположим, что $|G_2| \neq 2$. По условию теоремы все минимальные подгруппы из G_2 пронормальны в G. Кроме того, в группе G_2 все подгруппы субнормальны, поэтому по лемме 1.6.3. [4] все минимальные подгруппы из G_2 нормальны в G. Так как $G_2 = Z_1 \times \ldots \times Z_t$, где $Z_1 \cong \ldots \cong Z_t$ – группа порядка 2, то группы $Z_1, \ldots, Z_t$ нормальны в G, что невозможно, так как G_2 – минимальная нормальная подгруппа в G. Таким образом, $t = 1$ и $G_2 = Z_1$ – группа порядка 2. Противоречие. Значит, $|G_2| = 2$. Но тогда по теореме 1.1.4 [2]

$$G/C_G(G_2) \in \mathfrak{N}(p-1) = (1), \text{ т. е. } G = C_G(G_2).$$

Значит, $G_2 \subseteq Z(G)$. Но G/G_2 – нильпотентная группа, поэтому и G является нильпотентной группой. Противоречие.

Следовательно, G_2 – неабелева группа. Тогда ее центр, коммутант и подгруппа Фраттини совпадают и имеют экспоненту 2, а экспонента G_2 равна 4.

Пусть x – любой элемент порядка 4 из G_2 и $T = \langle x \rangle$. Тогда $|T| = 4$. Понятно, что подгруппа T нормальна в группе G. А так как $\Phi(G_2) \subseteq T\Phi(G_2) \subseteq G_2$

и $G_2/\Phi(G_2)$ – главный фактор группы G, то либо $\Phi(G_2)=T\Phi(G_2)$, т.е. $T\subseteq\Phi(G_2)$, либо $T\Phi(G_2)=G_2$. Ввиду того, что T – группа экспоненты 4, а экспонента группы $\Phi(G_2)$ равна 2, первое равенство невозможно. Значит, $T\Phi(G_2)=G_2$ и мы имеем

$$T/T\cap\Phi(G_2)\cong T\Phi(G_2)/\Phi(G_2)=G_2/\Phi(G_2).$$

Так как T – циклическая группа, то факторгруппа $G_2/\Phi(G_2)$ является нильпотентной группой, что противоречит равенству $G_2=G^{\mathfrak{N}}$. Теорема доказана.

Следствие. *Пусть N – нормальная подгруппа группы G, такая, что факторгруппа G/N сверхразрешима. Если каждая минимальная подгруппа любой нециклической p-подгруппы A из N пронормальна в G, а при $p=2$ и каждая подгруппа из A порядка 4 пронормальна в G, то группа G сверхразрешима.*

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Huppert B.*** Normalteiler und maximale Untergruppen endlicher Gruppen // Math. Zeitschr., 1954, Bd. 60. – S. 409-434.
2. ***Weinstein M.*** Between Nilpotent and Solvable. Polygonal Publishing House, 1982.
3. ***Шеметков Л.А., Скиба А.Н.*** Формации алгебраическмх систем. – М., 1989. – 253 с.
4. ***Doerk K., Hawkes T.*** Finite soluble groups. Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1992. – 889 p.
5. ***Gorenstein D.*** Finite Groups. Harper and Row, New York, reprinted by Chelsea, New York, 1980.
6. ***Kurzweil H.*** Endliche Gruppen. Chelsea Publishing Company, New York, 1980.
7. ***Шеметков Л.А.*** Формации конечных групп. – М., 1978. – 272 с.
8. ***Huppert B.*** Endliche Gruppen I. Berlin: Springer – Verlag, 1967. – 793 s.

SUMMARY

It is proved that if N is a normal subgroup of a p-solvable finite group G with p-supersolvable faktorgroup G/N and if for every noncyclic p-subgroup A from N all its minimal subgroups are pronormal in G, than G is p-supersolvable.

Поступила в редакцию 22.02.2003

УДК 517.956

С.А. Прохожий

Об однозначной разрешимости задачи Коши для уравнения фильтрации с конвекцией и поглощением

1. Введение. Рассматривается уравнение

$$u_t=a(u^m)_{xx}+b(u^n)_x-cu^p. \qquad (1)$$

где $m\geq n\geq 1>p>0$, a, b, c – положительные постоянные. Уравнение (1) возникает как модельное для большого числа физических явлений. Например, оно описывает фильтрацию жидкости через однородную пористую сре-

ду, диффузию газа и процессы распространения тепла в нелинейной среде. Присутствие первого слагаемого в правой части (1) означает наличие в среде диффузии, второго слагаемого – конвективного переноса, третьего – поглощения. В полуплоскости $S = \mathbf{R} \times [0, +\infty)$ переменных (x,t) изучается задача Коши с начальным условием

$$u(x,0) = u_0(x), \quad x \in \mathbf{R}. \tag{2}$$

Здесь $u_0(x)$ – неотрицательная непрерывная функция, которая может расти на бесконечности.

Как известно, вследствие вырождения уравнения (1) при $u = 0$ задача (1), (2) может не иметь классического решения. Определяя понятие обобщенного решения задачи (1), (2), будем следовать работам [1–2].

Определение 1. *Неотрицательную непрерывную в* S *функцию* $u(x,t)$ *назовем обобщенным субрешением уравнения (1) в* S, *если выполнено интегральное неравенство*

$$\iint_P [uf_t + au^m f_{xx} - bu^n f_x - cu^p f]dxdt - \int_{x_1}^{x_2} ufdx\Big|_{t_1}^{t_2} - a\int_{t_1}^{t_2} u^m f_x dt\Big|_{x_1}^{x_2} \geq 0 \tag{3}$$

для всех ограниченных прямоугольников $P = [x_1, x_2] \times [t_1, t_2] \subset S$ *и любой неотрицательной функции* $f \in C_{x,t}^{2,1}(P)$ *такой, что* $f(x_1, t) = f(x_2, t) = 0$ *при* $t \in [t_1, t_2]$.

Определение 2. *Функцию* $u(x,t)$ *назовем обобщенным суперрешением уравнения (1) в* S, *если выполнено определение 1 с неравенством противоположного знака в (3).*

Определение 3. *Функцию* $u(x,t)$ *назовем обобщенным решением уравнения (1) в* S, *если она является обобщенным суб- и суперрешением уравнения (1) в* S. *Если при этом выполняется условие (2), то* $u(x,t)$ *назовем обобщенным решением задачи Коши (1), (2).*

Аналогично вводятся понятия обобщенного решения, обобщенного суб- и суперрешения уравнения (1) в полосе $S_T = \mathbf{R} \times [0, T)$.

В настоящей работе приводится ряд теорем существования и единственности растущих на бесконечности обобщенных решений задачи (1), (2). Классы существования и единственности обобщенного решения задачи Коши для уравнения (1) с $c = 0$ изучены в [3], а с $b = 0$ – в [4].

При помощи интегрирования по частям легко доказывается следующая лемма.

Лемма 1. *Пусть* $v(x,t)$ – *непрерывная неотрицательная функция, удовлетворяющая в* S_T *неравенству*

$$-v_t + a(v^m)_{xx} + b(v^n)_x - cv^p \leq 0 \quad (\geq 0) \tag{4}$$

и принадлежащая пространству $C_{x,t}^{2,1}(S_T)$ *вне конечного числа непрерывных кривых вида* $x = \zeta(t)$, *причем* $(v^m)_x(x,t)$ *непрерывна при* $x = \zeta(t)$. *Тогда* $v(x,t)$ *является обобщенным суперрешением (субрешением) уравнения (1).*

Для доказательства основных результатов будет применяться следующий принцип сравнения.

Теорема 1. *Пусть* $\varphi(x,t)$ – *произвольное обобщенное суперрешение уравнения (1) в* S_T *и* $u_0(x) \leq \varphi(x,0)$. *Тогда в* S_T *существует минимальное обобщенное решение* $u(x,t)$ *задачи Коши (1), (2) такое, что*

$$u(x,t) \le \varphi(x,t) \quad \text{в } S_T. \tag{5}$$

Доказательство. При доказательстве будем следовать работам [5, 6]. Для $s = 1,2,\ldots$ рассмотрим последовательность неотрицательных гладких функций $u_{0s}(x)$, обращающихся в ноль при $|x| \ge s$ и аппроксимирующих $u_0(x)$ снизу: $u_{0s}(x) \le u_{0(s+1)}(x) \le u_0(x)$ для всех $x \in \mathbf{R}$, $u_{0s}(x) \to u_0(x)$ при $s \to \infty$ равномерно на любом компактном подмножестве $\mathbf{R}$. Обозначим через $u_s(x,t)$ обобщенное решение уравнения (1) в прямоугольнике $Q_{s,T} = [-s,s] \times [0,T)$ с условиями

$$u_s(x,0) = u_{0s}(x), \quad x \in [-s,s], \quad u_s(\pm s,t) = 0, \quad t \in [0,T).$$

По теореме сравнения (см. [1]) $0 \le u_s(x,t) \le u_{s+1}(x,t) \le \varphi(x,t)$ в $Q_{s,T}$. Следовательно, для всех $(x,t) \in S_T$ мы можем определить функцию

$$u(x,t) = \lim_{s \to \infty} u_s(x,t). \tag{6}$$

Функция $u(x,t)$ неотрицательна, удовлетворяет интегральному тождеству (3) из определения обобщенного решения и неравенству $u(x,t) \le \varphi(x,t)$. Более того, в силу выбора начальных функций $u_{0s}(x)$ для $u(x,t)$ выполнено условие (2). Чтобы показать, что $u(x,t)$ действительно есть обобщенное решение задачи (1), (2), осталось установить ее непрерывность в S_T. Это можно сделать, например, также, как в [1–2], где рассматривались более общие, чем (1), уравнения. Наконец, пусть $g(x,t)$ – любое другое обобщенное решение задачи (1), (2). По теореме сравнения $u_s(x,t) \le g(x,t)$ в $Q_{s,T}$, и, следовательно, $u(x,t) \le g(x,t)$ в S_T. Это доказывает минимальность обобщенного решения $u(x,t)$ задачи (1), (2).

2. Случай $n < (m+1)/2$. Определим класс $\mathbf{K}_1$ неотрицательных функций $v(x,t)$, для которых в полосе S_T выполнено неравенство

$$v(x,t) \le M_1(a_1 + x^2)^{1/(m-1)}. \tag{7}$$

Здесь и далее через M_i и a_i условимся обозначать соответственно положительные и неотрицательные постоянные. Постоянные M_1 и a_1 в (7) могут зависеть от T и функции $v(x,t)$.

Теорема 2. *Пусть* $u_0(x)$ *удовлетворяет неравенству*

$$u_0(x) \le M_2(a_2 + x^2)^h, \quad h \ge 0. \tag{8}$$

Тогда, если $h < 1/(m-1)$, *то задача (1), (2) имеет обобщенное решение* $u(x,t) \in \mathbf{K}_1$ *в* S. *При* $h = 1/(m-1)$ *задача (1), (2) разрешима в некоторой полосе* S_T *и* $u(x,t) \in \mathbf{K}_1$.

Доказательство. Пусть T – произвольное положительное число и $h < 1/(m-1)$. Тогда несложно показать, что функция $\varphi(x,t) = M_2(M_3 + x^2)^h \exp t$ при достаточно большом значении $M_3 = M_3(M_2, \alpha_2, T, m, n, p, a, b, c)$ является обобщенным суперрешением уравнения (1), причем

$$u_0(x) \le \varphi(x,t). \tag{9}$$

По теореме 1 отсюда следует, что в полосе S_T существует обобщенное решение $u(x,t)$ задачи (1), (2), принадлежащее классу $\mathbf{K}_1$. Так как функция

$\varphi(x,t)$ определена во всей полуплоскости S, то, продолжая $u(x,t)$ стандартным образом на отрезки $[iT,(i+1)T]$ $(i=1,2,\dots)$, делаем вывод о глобальной разрешимости задачи Коши. Если (8) выполнено с $h=1/(m-1)$, то при достаточно малом значении $T>0$ обобщенным суперрешением уравнения (1) в S_T, удовлетворяющим неравенству (9), является

$$\varphi(x,t)=M_2[(1-M_4t)^{-1}(\alpha_2+x^2)^{1/(m-1)}]. \qquad (10)$$

Теорема 2 доказана.

Рассуждая так же, как в [3], можно показать, что при $h=1/(m-1)$ в (8) не существует обобщенного решения задачи (1), (2) во всей полуплоскости S, а при $h>1/(m-1)$ решение не существует ни в какой полосе S_T. Это свидетельствует об определенной точности теоремы 2.

Замечание 1. Обобщенное решение задачи Коши (1), (2) можно построить также следующим образом. Пусть ε – произвольное положительное число. Рассмотрим вспомогательную задачу Коши для уравнения

$$u_t=a(u^m)_{xx}+b(u^n)_x-cu^p+c\varepsilon^p \qquad (11)$$

с начальной функцией

$$u_{0\varepsilon}(x)=u_0(x)+\varepsilon. \qquad (12)$$

Из неотрицательности функции $u_0(x)$ вытекает неравенство

$$u_{0\varepsilon}(x)\ge\varepsilon. \qquad (13)$$

Пусть $\phi(x,t)$ – суперрешение уравнения (11), удовлетворяющее условию $\phi(x,t)\ge\varepsilon$ для всех $(x,t)\in S_T$. Рассмотрим последовательность непрерывных на отрезке $[-s,s]$ функций $u_{0\varepsilon s}(x)$, для которых выполнены соотношения

$$\varepsilon\le u_{0\varepsilon(s+1)}(x)\le u_{0\varepsilon s}(x)\le\phi(x,0),\quad x\in[-s,s],$$

$$u_{0\varepsilon s}(\pm s)=\phi(\pm s,0),\qquad u_{0\varepsilon s}(x)\to u_{0\varepsilon}(x)\ \text{при}\ s\to\infty$$

равномерно на любом компактном подмножестве $\mathbf{R}$. В прямоугольнике $Q_{s,T}$ рассмотрим первую краевую задачу для уравнения (11) с условиями

$$u(x,0)=u_{0\varepsilon s}(x)\ \text{при}\ x\in[-s,s],\qquad u(\pm s,t)=\phi(\pm s,t)\ \text{при}\ t\in[0,T). \qquad (14)$$

Очевидно, функция $u(x,t)=\varepsilon$ является решением уравнения (11). По теореме сравнения для решений $u_{\varepsilon s}(x,t)$ задачи (11), (14) в любом ограниченном подмножестве S_T выполнены неравенства

$$\varepsilon\le u_{\varepsilon(s+1)}(x,t)\le u_{\varepsilon s}(x,t)\le\phi(x,t).$$

Тогда решение $u_\varepsilon(x,t)$ задачи (11), (12) можно определить формулой

$$u_\varepsilon(x,t)=\lim_{s\to\infty}u_{\varepsilon s}(x,t). \qquad (15)$$

Очевидно,

$$\varepsilon\le u_\varepsilon(x,t)\le\phi(x,t). \qquad (16)$$

При выполнении для $u_0(x)$ условий теоремы 2 неравенство (8) для функции $u_{0\varepsilon}(x)$ также справедливо с $M_2+\delta$ вместо M_2 и достаточно большом α_2, где значение $\delta>0$ может быть выбрано как угодно мало. Аналогично теореме 2 можно доказать, что решение $u_\varepsilon(x,t)$ задачи (11), (12) принадлежит классу $\mathbf{K}_1$. Применяя рассуждения, аналогичные приведенным в [4], можно показать, что

$$u(x,t) = \lim_{\varepsilon \to 0} u_\varepsilon(x,t) \tag{17}$$

является обобщенным решением задачи Коши (1), (2).

Теорема 3. *Обобщенное решение задачи Коши (1), (2) единственно в произвольной полосе* S_T *в классе функций* $\mathbf{K}_1$.

Доказательство. При доказательстве будем использовать работы [1, 3, 6]. Введем обозначение $s_+ = \max\{s,0\}$. Пусть $u_\varepsilon(x,t)$ – решение задачи (11), (12), принадлежащее классу $\mathbf{K}_1$, а $\bar{u}(x,t)$ – обобщенное решение уравнения (1) в S_T из класса $\mathbf{K}_1$ с начальным условием $\bar{u}_0(x)$. Полагая $x_1 = -r$, $x_2 = r$, $t_1 = 0$, $t_2 = \tau$ $(0 < \tau \le T)$,

$$A(x,t) = \begin{cases} a\dfrac{u_\varepsilon^m(x,t) - \bar{u}^m(x,t)}{u_\varepsilon(x,t) - \bar{u}(x,t)} & \text{при } u_\varepsilon \neq \bar{u}, \\ amu_\varepsilon^{m-1}(x,t) & \text{при } u_\varepsilon = \bar{u}, \end{cases}$$

$$B(x,t) = \begin{cases} b\dfrac{u_\varepsilon^n(x,t) - \bar{u}^n(x,t)}{u_\varepsilon(x,t) - \bar{u}(x,t)} & \text{при } u_\varepsilon \neq \bar{u}, \\ bnu_\varepsilon^{n-1}(x,t) & \text{при } u_\varepsilon = \bar{u}, \end{cases}$$

$$C(x,t) = \begin{cases} c\dfrac{u_\varepsilon^p(x,t) - \bar{u}^p(x,t)}{u_\varepsilon(x,t) - \bar{u}(x,t)} & \text{при } u_\varepsilon \neq \bar{u}, \\ cpu_\varepsilon^{p-1}(x,t) & \text{при } u_\varepsilon = \bar{u}, \end{cases} \tag{18}$$

из определения обобщенного решения получаем

$$\iint_{Q_{r,\tau}} (u_\varepsilon - \bar{u})(f_t + Af_{xx} - Bf_x - Cf)dxdt + c\varepsilon^p \iint_{Q_{r,\tau}} f dxdt - a\int_0^\tau (u_\varepsilon^m - \bar{u}^m) f_x dt \Big|_{-r}^{r} +$$

$$- \int_{-r}^{r} [u_{0\varepsilon}(x) - \bar{u}_0(x)]f(x,0)dx \ge \int_{-r}^{r} [u_\varepsilon(x,\tau) - \bar{u}(x,\tau)]f(x,\tau)dx\,. \tag{19}$$

Из (7), (10), (16), (18) заключаем, что в S_τ справедливы неравенства

$$am\varepsilon^{m-1} \le A(x,t) \le M_5(\alpha_3 + x^2),$$

$$bn\varepsilon^{n-1} \le B(x,t) \le M_6(\alpha_4 + x^2)^{(n-1)/(m-1)},$$

$$M_7(\alpha_5 + x^2)^{-(1-p)/(m-1)} \le C(x,t) \le cp\varepsilon^{-(1-p)}.$$

Пусть ε_1 и r_0 – произвольные положительные числа, $\omega(x) \in C_0^\infty(\mathbf{R})$ – произвольная функция такая, что $0 \le \omega(x) \le 1$ и $\omega(x) = 0$ при $|x| \ge r_0$, $A_s(x,t)$, $B_s(x,t)$ и $C_s(x,t)$ $(s = 1,2,\ldots)$ – последовательности положительных функций из пространства $C^\infty(\bar{S}_\tau)$, равномерно сходящихся при $s \to \infty$ на любом ограниченном множестве соответственно к функциям $A(x,t)$, $B(x,t)$, $C(x,t)$ и удовлетворяющих в S_τ неравенствам

$$am\varepsilon^{m-1} \le A_s(x,t) \le M_8(\alpha_6 + x^2),$$

$$bn\varepsilon^{n-1} \le B_s(x,t) \le M_9(\alpha_6 + x^2)^{(n-1)/(m-1)},$$

$$M_{10}(\alpha_6 + x^2)^{-(1-p)/(m-1)} \le C_s(x,t) \le cp\varepsilon^{-(1-p)}. \tag{20}$$

Постоянные M_i и α_i в (20) не зависят от r и s.

При $r > r_0 + 1$ в $Q_{r,\tau}$ существует единственное классическое решение $f_{rs}(x,t)$ задачи

$$L_s f \equiv f_t - A_s(x,t) f_{xx} - B_s(x,t) f_x - C_s(x,t) f = 0, \tag{21}$$

$$f(x,\tau) = \omega(x), \quad f(x,t)\big|_{S_{r,\tau}} = 0, \tag{22}$$

где $S_{r,\tau} = \{(x,t) \in \mathbf{R}^2 : |x| = r, 0 \le t \le \tau\}$. По принципу максимума в $Q_{r,\tau}$

$$0 \le f_{rs}(x,t) \le \max_{|x| \le r} \omega(x) \le 1. \tag{23}$$

Для того, чтобы получить более точную оценку функции $f_{rs}(x,t)$ в $Q_{r,\tau}$, сравним ее со вспомогательной функцией

$$z(x,t) = M_{11} \exp[d(\tau - t)](\alpha_6 - x^2)^{-\gamma}, \tag{24}$$

где положительные постоянные d и γ будут выбраны ниже. Вследствие (22)–(24) $z \ge f_{rs}$ для значений $t = \tau$, $x = -r$, $x = r$ при достаточно большом значении M_{11}. Используя (20), (21), (24), имеем

$$L_s z \le -dz + 2\gamma(2\gamma + 1) A_s (\alpha_6 - x^2)^{-1} z - 2\gamma B_s (\alpha_6 + x^2)^{-1/2} z \le 0$$

при достаточно большом значении d. По теореме сравнения отсюда следует неравенство

$$f_{rs}(x,t) \le z(x). \tag{25}$$

Для оценки производных $\partial f_{rs}/\partial x$ при $|x| = r$ $(r > r_0 + 1)$ рассмотрим в $Q_{r,r-1,\tau} = Q_{r,\tau} \cap \{x \in \mathbf{R} : |x| \ge r - 1\}$ функцию $j(x) = -d_1 \exp(|x|^\alpha) + d_2$, где $\alpha > 1 + 2(n-1)/(m-1)$, а положительные постоянные d_1 и d_2 определяются из системы

$$\begin{cases} -d_1 \exp[(r-1)^\alpha] + d_2 = M_{11} \exp(d\tau)[\alpha_6 + (r-1)^2]^{-\gamma}, \\ -d_1 \exp(r^\alpha) + d_2 = 0. \end{cases} \tag{26}$$

Очевидно, $L_s j \le 0$ в $Q_{r,r-1,\tau}$ при достаточно больших значениях r. Вследствие (24)–(26)

$f_{rs}(x,t) \le j(x)$ для $|x| = r - 1$, $0 \le t \le \tau$,

$0 = f_{rs}(x,\tau) \le j(x)$ для $r - 1 \le |x| \le r$, $t = \tau$,

$0 = f_{rs}(x,t) = j(x)$ для $|x| = r$, $0 \le t \le \tau$.

Отсюда по теореме сравнения $f_{rs}(x,t) \le j(x)$ в $Q_{r,r-1,\tau}$, и, следовательно,

$$\sup_{|x|=r, 0 \le t \le \tau} \left|\frac{\partial f_{rs}}{\partial x}\right| \le \sup_{|x|=r} \left|\frac{\partial j}{\partial x}\right| \le M_{12}(\alpha_6 + r^2)^{-\gamma - (\alpha-1)/2}. \tag{27}$$

Из (21), (27) и предположений о функциях $\omega(x)$, $A_s(x,t)$, $B_s(x,t)$, $C_s(x,t)$ вытекает следующая оценка с независящей от s постоянной.

$$\left|\frac{\partial f_{rs}}{\partial x}\right| \le M_{13}, \quad (x,t) \in Q_{r,\tau}. \tag{28}$$

Полагая в (19) $f = f_{rs}$ и используя (21), (22), находим

$$\int_{-r}^{r} [u_\varepsilon(x,\tau) - \bar{u}(x,\tau)]_+ \omega(x) dx \le \int_{-r}^{r} [u_{0\varepsilon}(x) - \bar{u}_0(x)]_+ dx - a \int_0^\tau (u_\varepsilon^m - \bar{u}^m) f_x dt \Big|_{-r}^{r} +$$

$$+ \iint_{Q_{r,\tau}} (u_\varepsilon - \bar{u})[(A - A_s) f_{xx} - (B - B_s) f_x - (C - C_s) f] dx dt + c\varepsilon^p \iint_{Q_{r,\tau}} f dx dt. \tag{29}$$

Для упрощения записи в (29) и в дальнейшем индексы у функции $f_{rs}(x,t)$ не указываются. Обозначим интегралы в правой части (29) соответственно

через I_i $(i = 1,2,3)$. Оценим по модулю I_2 и I_3. Из (7), (10), (16), (27) следует, что

$$|I_2| < \varepsilon_1 \tag{30}$$

при достаточно больших значениях γ и r. Зафиксируем выбранное значение r. Для оценки I_3 умножим уравнение (21) на f_{xx} и проинтегрируем полученное равенство по $Q_{l,\tau}$:

$$\iint_{Q_{r,\tau}} A_s f_{xx}^2 dxdt = \frac{1}{2}\int_{-r}^{r}[w'(x)]^2 - \frac{1}{2}\int_{-r}^{r} f_x^2(x,0) + \iint_{Q_{r,\tau}} B_s f_x f_{xx} dxdt - cp\varepsilon^{-(1-p)}\iint_{Q_{r,\tau}} C_s f_x^2 dxdt \le$$

$$\le \frac{1}{2}\int_{-r}^{r}[w'(x)]^2 + \frac{d_r}{2}\iint_{Q_{r,\tau}} B_s f_{xx}^2 dxdt + \frac{1}{2d_r}\iint_{Q_{r,\tau}} B_s f_x^2 dxdt, \tag{31}$$

где $d_r = am\varepsilon^{(m-1)}M_9^{-1}(\alpha_6 + r^2)^{-(n-1)/(m-1)}$. На основании (20), (28), (31) заключаем, что

$$\iint_{Q_{r,\tau}} A_s f_{xx}^2 dxdt \le M_{14}. \tag{32}$$

В (32) постоянная M_{14} может зависеть от r и τ, но не зависит от s. Применяя неравенство Коши-Буняковского и соотношения (7), (16), (20), (28), (32), получаем:

$$|I_3| \le \left\{\iint_{Q_{r,\tau}} (u_\varepsilon - \bar{u})^2 (A - A_s)^2 A_s^{-1} dxdt\right\}^{1/2}\left\{\iint_{Q_{r,\tau}} A_s f_{xx}^2 dxdt\right\}^{1/2} +$$

$$+ \sup_{Q_{r,\tau}} |B - B_s| \iint_{Q_{r,\tau}} |u_\varepsilon - \bar{u}||f_x| dxdt + \sup_{Q_{r,\tau}} |C - C_s| \iint_{Q_{r,\tau}} |u_\varepsilon - \bar{u}| f dxdt \le \varepsilon_1 \tag{33}$$

при фиксированных значениях r, τ и достаточно большом s. Из (23), (29), (30), (33) в силу произвольности ε_1 и $\omega(x)$ следует неравенство

$$\int_{-r_0}^{r_0}[u_\varepsilon(x,\tau) - \bar{u}(x,\tau)]_+ dx \le \int_{-\infty}^{\infty}[u_{0\varepsilon}(x) - \bar{u}_0(x)]_- dx + 2cr\tau\varepsilon^p. \tag{34}$$

Переходя в (34) к пределу при $\varepsilon \to 0$, используя (12), (17), в силу произвольности r_0 и независимости выбора r от ε, приходим к неравенству

$$\int_{-\infty}^{\infty}[u(x,\tau) - \bar{u}(x,\tau)]_- dx \le \int_{-\infty}^{\infty}[u_0(x) - \bar{u}_0(x)]_- dx \quad \text{при } 0 < \tau \le T. \tag{35}$$

Повторяя теперь рассуждения теоремы с $(\bar{u} - u_\varepsilon)_+$ вместо $(u_\varepsilon - \bar{u})_+$, выводим неравенство

$$\int_{-\infty}^{\infty}[\bar{u}(x,\tau) - u(x,\tau)]_+ dx \le \int_{-\infty}^{\infty}[\bar{u}_0(x) - u_0(x)]_+ dx \quad \text{при } 0 < \tau \le T. \tag{36}$$

Из (35) и (36) вытекает неравенство

$$\|u(x,\tau) - \bar{u}(x,\tau)\|_{L^1(R)} \le \|u_0(x) - \bar{u}_0(x)\|_{L^1(R)},$$

из которого и следует справедливость теоремы. Теорема 3 доказана.

Аналогично пункту 2 доказываются теоремы существования и единственности для других соотношений показателей степеней.

3. Случай $n = (m+1)/2$. Несложно проверить, что уравнение (1) имеет семейство стационарных классических решений $u_{st}(x)$, удовлетворяющих обыкновенному дифференциальному уравнению

$$a(u_{st}^m)'' + b(u_{st}^n)' - cu_{st}^p = 0. \tag{37}$$

Положим $c_0 = (b(m-n)/[am])^{1/(m-n)}$. Известно (см. [7]), что асимптотическое поведение при $x \to -\infty$ решений задачи Коши для уравнения (37) с начальными условиями

$$u_{st}(0) = M_{15} > 0, \quad u'_{st}(0) = 0 \tag{38}$$

при $(m-p)/2 < n < m$ описывается формулой

$$\lim_{x \to -\infty} \frac{u_{st}(x)}{c_0 |x|^{1/(m-n)}} = 1. \tag{39}$$

Теорема 4. *При выполнении неравенства (8) с* $h = 1/(m-1)$ *задача (1), (2) имеет обобщенное решение в некоторой полосе* S_T. *Если* $u_0(x)$ *удовлетворяет при* $x \geq 0$ *неравенству (8) с* $h < 1/(m-1)$, *а при* $x < 0$ *выполнено неравенство*

$$u_0(x) \leq u_{st}(x) \tag{40}$$

для некоторой функции $u_{st}(x)$, *удовлетворяющей (37), то задача (1), (2) разрешима в* S.

Теорема 3 для этого случая остается справедливой.

4. Случай $(m+1)/2 < n < m$. При таком соотношении показателей формула (39) остается справедливой. Обозначим $c_0^* = (bn(m-n)/[am(2m-n)])^{1/(m-n)}$. Очевидно, $c_0 > c_0^*$ при $n < m$. Через $\mathbf{K}_2$ обозначим класс неотрицательных функций $v(x,t)$, удовлетворяющих в полосе S_T неравенствам

$$v(x,t) \leq M_{16}(a_7 + |x|)^{1/(m-n)}, \quad M_{16} < c_0^*, \quad x \leq 0, \tag{41}$$

$$v(x,t) \leq M_{17}(a_8 + x)^{1/(n-1)}, \quad x \geq 0. \tag{42}$$

Постоянные M_{16}, M_{17}, a_7, a_8 в (41), (42) могут зависеть от T и функции $v(x,t)$.

Теорема 5. *Пусть для* $u_0(x)$ *при* $x \leq 0$ *выполнено неравенство (40), а при* $x \geq 0$ *справедливо (8) с* $h = 1/[2(n-1)]$. *Тогда задача (1), (2) разрешима в некоторой полосе* S_T. *Если дополнительно для* $u_0(x)$ *выполняется неравенство (41), то минимальное обобщенное решение задачи (1), (2)* $u(x,t) \in \mathbf{K}_2$.

Теорема 6. *Обобщенное решение задачи Коши (1), (2) единственно в произвольной полосе* S_T *в классе функций* $\mathbf{K}_2$.

5. Случай $n = m$. Введем в рассмотрение класс $\mathbf{K}_3$ определенных в S_T неотрицательных функций $v(x,t)$, удовлетворяющих (41) и неравенству

$$v(x,t) \leq \varepsilon(x)\exp(-bx/[am]), \quad x \leq 0, \tag{43}$$

где $\varepsilon(x) \geq 0$ и $\lim_{x \to -\infty} \varepsilon(x) = 0$. Постоянные M_{17}, α_8 и функция $\varepsilon(x,t)$ могут зависеть от T и функции $v(x,t)$.

Непосредственной проверкой можно убедиться в том, что функции

$$\varphi_{st}(x) = [M_{16}\exp(-bx/[am]) + \alpha_8]^{1/m}$$

являются стационарными классическими суперрешениями уравнения (1).

Теорема 7. *Пусть* $u_0(x)$ *удовлетворяет при* $x \geq 0$ *неравенству (8), а при* $x \leq 0$ *– неравенству* $u_0(x) \leq \omega_{st}(x)$. *Тогда при* $h < 1/[2(n-1)]$ *задача (1), (2) имеет обобщенное решение в* S, *а при* $h = 1/[2(n-1)]$ *– в некоторой полосе* S_T

Теорема 8. *Обобщенное решение задачи Коши (1). (2) единственно в произвольной полосе* S_T *в классе функций* $\mathbf{K}_3$.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Diaz J.I., Kersner R.*** On a nonlinear degenerate parabolic equation in infiltration or evaporation through a porous medium // J. Diff Equat. 1987. V. 69. № 3. – P. 368–403.
2. ***Gilding B.H.*** Improved theory for a nonlinear degenerate parabolic equation // Annali Scu. Norm. Sup. Pisa. Cl. Sci. 4. 1989. V. 16. – P. 165–224.
3. ***Гладков А.Л.*** О задаче Коши в классах растущих функций для уравнения фильтрации с конвекцией // Мат. сборник. 1995. Т. 186, № 6. – С. 35–56.
4. ***Гладков А.Л.*** Задача Коши для некоторых вырождающихся квазилинейных параболических уравнений с поглощением // Сиб. мат. журнал, 1993. Т. 34, № 1. – С. 47–64
5. ***Калашников А.С.*** О влиянии поглощения на распространение тепла в среде с теплопроводностью, зависящей от температуры // ЖВМ и МФ. 1976. Т. 16. – С. 689–696.
6. ***Kamin S., Peletier L.A., Vazquez J.L.*** A nonlinear diffusion-absorption equation with unbounded initial data // Nonlinear Diffusion Equations and their Equilibrium States. 1992. V. 3. – P. 243–263.
7. ***Прохожий С.А.*** О поведении на бесконечности решений некоторых нелинейных обыкновенных дифференциальных уравнений. // Веснік ВДУ, 1999, № 4(14). – С. 83–90.

SUMMARY

Existence and uniqueness of the solutions of the Cauchy problem for the equation $u_t = a(u^m)_{xx} + b(u^n)_x - cu^p$ *with* $m \geq n \geq 1 > p > 0$ *are investigated for the different parities of the powers* m, n, p

Поступила в редакцию 1.04.2003

УДК 677.026.42

А.В. Локтионов, В.Г. Буткевич, Т.А. Мачихо

Исследование процесса смешивания волокнистых компонентов при формировании нетканых полотен

Предприятия Республики Беларусь стремятся снизить себестоимость выпускаемой продукции без значительного изменения технологии ее производства. Традиционно нетканые полотна формировались из шерстяных, хлопковых, химических волокон и их отходов на оборудовании, предназначенном для переработки только данного вида сырья. В настоящее время себестоимость продукции на 60–70% зависит от стоимости сырья. Из-за высокой стоимости волокон шерсти и хлопка производство нетканых полотен становится нерентабельным. Снижение себестоимости выпускаемой продукции возможно при уменьшении затрат на сырье и замене дорогостоящих волокон дешевыми льняными отходами.

Одной из основных технологических операций при производстве нетканых материалов является операция смешивания. При смешивании волокнистых компонентов необходимо равномерное распределение волокон с разными свойствами внутри каждого компонента и каждого компонента во всей смеси. Различают случайный (неорганизованный) и организованный способы смешивания. При неорганизованном способе и при беспорядочном характере движения смешиваемых частиц наблюдается случайное пребывание каждой частицы в любом участке смеси и наименьшее отклонение состава любой части смеси от заданного рецепта. При случайном распределении компонентов (клочков и волокон) в любом ее объеме, во всей массе неорганизованный способ смешивания осуществляется в камерах питателей с игольчатыми решетками и при сгущении формируемого волокнистого слоя. Организованный способ смешивания осуществляется как сложением разных потоков волокон при продольном их соединении, так и циклическим сложением одного потока. При этом в каждом поперечном сечении формируемого потока число волокон компонентов равно суммарному числу отдельных складываемых компонентов. При отсутствии неровноты складываемых компонентов в формируемом волокнистом потоке сохраняется заданное рецептом их соотношение.

Комбинация организованного и неорганизованного способов позволяет ускорить и улучшить смешивание компонентов, значительно различающихся по своим свойствам. При этом обеспечивается наибольшая вероятность получения случайного распределения частиц смеси [1]. Для получения смеси, содержащей заданное количество волокон, могут применяться разные способы смешивания, которые устанавливаются в зависимости от объема перерабатываемой смеси, требований, предъявляемых к качеству продукта, и типа используемого оборудования. При смешивании необходимо получить более равномерные по составу и по свойству продукты заданных себестоимости и

качества, обеспечив при этом требуемую производительность технологических операций [2–4]. При производстве нетканых материалов смешивание осуществляется сгущением волокнистого продукта при аэродинамическом воздействии на формируемый настил. Наиболее простая схема формирования настила осуществляется в прямой шахте, куда подается волокнистый материал и осаждается в процессе движения на сетчатый конденсор.

В работе аналитически исследован процесс смешивания отходов льняного волокна на базовом оборудовании, предназначенном для переработки шерсти. Для получения оптимальной смеси необходимо установить закон ее распределения по объему шахты. В общем случае концентрация материала Y является функцией координат и времени $Y = Y(x, y, z, t)$. (1)

При загрузке волокнистой массы в любой части конденсора настил неравномерен и является функцией координат и времени. Поэтому описать в общем случае процесс выравнивания настила, происходящего в трех x, y, z направлениях, достаточно сложно. В работе предложен упрощенный анализ процесса формирования настила в холст, при котором отсутствует неравномерность волокнистой массы в поперечном и вертикальном направлениях.

Принимаем, что на интенсивность осаждения волокнистой массы M влияют концентрация материала $Y(x,t)$ вблизи настила, загрузка $G(x,t)$ и разрежение $f(x,t)$ внутри конденсора. Загрузка $G(x,t)$ кг/м^3 – это удельная масса волокон в единице объема. Уравнение осаждения волокон на сетку конденсора имеет вид

$$\frac{dG(x,t)}{dt} = F\left[Y(x,t); f(x,t); G(x,t)\right].$$

Для конденсоров шахтного типа [1] $F = a\dfrac{Y(x,t)\,f(x,t)}{G(x,t)+C}$, (2)

где a и C – константы, определяемые из начальных условий (или экспериментально).

С учетом (2) уравнение (1) примет вид

$$\frac{dG(x,t)}{dt} = a\frac{Y(x,t)\,f(x,t)}{G(x,t)+C}. \quad (3)$$

В быстроходных конденсорах (типа КБ) отсасывающий вентилятор работает равномерно, разрежение не зависит от времени, и процесс распределения продукта по длине бункера описывается функцией

$$Y(x,t) = R(x)Q(t), \quad (4)$$

где $R(x)$ – распределение в установившемся режиме концентраций волокна по длине бункера;

$Q(t)$ – отношение концентрации волокна в любой точке к базовой концентрации.

При установившемся режиме работы разрежение во всех точках конденсора постоянно, но различно, и регулируется при помощи специальных щитков и заслонок. Изменение загрузки зависит от массы M волокна в бункере шахтного типа и положения заслонки, регулирующей воздушно-волокнистый поток

в рабочей зоне шахты смесовой машины. Конкретная конструкция конденсора, зависящая от наличия щитков и заслонок, учтена функцией $\varphi(x)$. В бункерах шахтного типа внутреннее разрежение зависит от их заполнения волокном, то есть от массы M волокна, которая фактически является для функции разрежения коэффициентом пропорциональности. Для базового режима принимаем $Q(t)=1$. Тогда уравнение (3) можно представить в виде

$$\frac{dG(x,t)}{dt}=\frac{M\varphi(x)}{G(x,t)+C}. \tag{5}$$

Учитываем, что $\frac{dG}{dt}=\frac{\partial G}{\partial t}+V\frac{\partial G}{\partial x}$, где $V=\frac{dx}{dt}$ – скорость транспортера конденсора.

Тогда уравнение (5) примет вид

$$\frac{dG(x,t)}{dt}=\frac{\partial G(x,t)}{\partial t}+V\frac{\partial G(x,t)}{\partial x}=\frac{M\varphi(x)}{G(x,t)+C}. \tag{6}$$

Определим суммарное количество волокна, осевшего на решетку конденсора, если концентрация волокна в бункере равна базовой концентрации ρ ($\rho\approx 0.8-1$ кг/м^3). Для установившегося режима, при $\frac{\partial G(x,t)}{\partial t}=0$, $G(x)=0$ бункер волокном не наполняется.

Из уравнения (6) имеем: $\int_0^l \frac{dG}{dt}dx=\int_0^l \frac{M\varphi(x)}{C}dx$. Учитывая, что

$$V\frac{dG(x)}{dx}=\frac{M\varphi(x)}{G(x)+C}, \tag{7}$$

из уравнения (7) после преобразований получим

$$G(x)=\sqrt{\frac{2M}{V}\int_0^x \varphi(x)dx+C^2}-C, \tag{8}$$

где $\varphi(x)$ – есть, как отмечено выше, функция, определяемая конкретной конструкцией конденсора.

Функция $\varphi(x)$ определена экспериментально. А именно, если остановить конденсор, очистить его (то есть $G(x)=0$), и затем, обеспечив равномерность его загрузки, определить за достаточно малый промежуток времени приращение загрузки по длине конденсора. Доля, которую составляет загрузка в точке x от общего количества материала, осевшего на поверхности конденсора, равна $\varphi(x)$. Оптимальная установка заслонок и их геометрия в стандартном оборудовании, используемом для переработки шерстяных волокон, позволяют качественно организовать процесс смешивания льняных волокнистых отходов. Рекомендовано для смешивания льняных отходов использовать оборудование по переработке шерстяных волокон. При этом ско-

рость отводящей решетки смесовой машины V изменяется в пределах от 0,12 до 6 м/мин. Экспериментальные исследования показали, что оптимальная скорость должна находиться в пределах 1,2–2,4 м/мин, при этом плотность смеси в камере оптимальная и равна 32–34 кг/м^3. Установлено также, что при оптимальной загрузке ($\approx$35 кг/м^3) в камере должно находиться 80–85 кг волокнистых отходов. При таком количестве волокна обеспечивается максимальная смешивающая способность машины.

Можно обеспечить такой режим работы конденсора, при котором $\int_0^x \varphi(t)dx = 1$. Тогда уравнение (8) – кривая, зависящая от константы С, массы клочка волокон и скорости вхождения волокна в рабочую зону конденсора.

Из уравнения (8) следует, что загрузка с увеличением скорости V решетки уменьшается по параболической зависимости. Из уравнения (8) также следует, что конденсор работает более интенсивно на выходе волокнистой массы из камеры и менее интенсивно при входе ее в камеру. При этом для интенсификации работы конденсора в зоне входа волокон в камеру целесообразно создать дополнительный воздушный поток, перераспределяющий воздушно-волокнистую массу внутри конденсора.

Таким образом, для аналитического определения оптимальных параметров скорости настила на поверхности конденсора и массы волокна в камере смесовой машины получено уравнение (8), описывающее процесс смешивания льняных технологических отходов, которое представляет упрощенную модель формирования холста на оборудовании для переработки шерстяных волокон.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Петканова Н.Н., Урумова Д.Г., Чернев В.П.*** Переработка текстильных отходов и вторичного сырья. – М., 1991. – 238 с.
2. ***Нетканые текстильные полотна***: Справочное пособие / ***Е.Н. Бершев, Г.П. Смирнов, Б.В. Заметта, Ю.П. Назаров, В.Н. Корнеев***. – М., 1987. – 400 с.
3. ***Гензер М.С.*** Механическая технология нетканых текстильных полотен. – М., 1978. – 200 с.
4. ***Гусев В.Е.*** Сырье для шерстяных и нетканых изделий и первичная обработка шерсти. – М., 1977. – 408 с.

SUMMARY

To obtain non-woven fabrics with different ways of forming the process of mixing fibre components with flex fibre wastes has been studied. It has been proposed the equation which describes the technological process of mixing. The optimum parameters of covering speed and of fibre mass in the chamber of mixing machine have been recommended.

Поступила в редакцию 7.04.2004

УДК 548.0

Е.Б. Дунина, А.А. Корниенко, О.А. Контарева

Анализ параметров интенсивности люминесцентных и абсорбционных переходов Eu^{3+} в $YAlO_3$

Экспериментально более доступно измерение интенсивностей абсорбционных спектральных линий. Это объясняется тем, что абсорбционные переходы при низких температурах можно достаточно легко идентифицировать, а идентификация люминесцентных переходов затруднена. Согласно теории интенсивностей в приближении Джадда-Офельта [1, 2] параметры интенсивности, определенные по абсорбционным переходам, справедливы и для люминесцентных переходов, в то время как согласно другим приближениям [3, 4] параметры интенсивности должны быть разными для различных переходов. Вопрос о наиболее адекватном приближении может быть решен либо экспериментальными методами, либо на основе последовательных микроскопических вычислений. В настоящее время для многоатомных систем возможны лишь приближенные квантово-механические расчеты, которые, в свою очередь, опираются на дополнительные предположения. Таким образом, вопрос об адекватности может быть решен только экспериментальными измерениями.

Для экспериментального тестирования различных вариантов теории интенсивностей в качестве зонда удобно использовать ион Eu^{3+} по следующим причинам. Исходным для люминесцентных переходов этого иона является мультиплет $^5D_0$, а для абсорбционных – $^7F_0$. Поскольку для начального мультиплета $J = 0$, то согласно правилам отбора интенсивность как люминесцентного, так и абсорбционного электрического дипольного перехода $J \to J'$ определяется только одним параметром интенсивности Ω_k, при $k = J'$. Это обстоятельство позволяет однозначно определять параметры интенсивности на основе экспериментальных данных и делает ион Eu^{3+} идеальным зондом для экспериментальной проверки адекватности различных теорий.

В связи с этим в данной работе для решения актуального вопроса о наиболее адекватной теории интенсивностей выполнен анализ экспериментальных параметров интенсивности для абсорбционных и люминесцентных переходов иона Eu^{3+} в $YAlO_3$.

Экспериментальные данные. Энергетический спектр иона Европия экспериментально изучен в работе [5]. Значения уровней энергии мультиплетов из этой работы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Энергии мультиплетов иона Eu^{3+} [5].

Номер	Мультиплет	Энергия в $см^{-1}$
1	$^7F_0$	0
2	$^7F_1$	380.16
3	$^7F_2$	1044.8
4	$^7F_3$	1882.0
5	$^7F_4$	2877.2
6	$^7F_5$	3909.0
7	$^7F_6$	4978
8	$^5D_0$	17267.35
9	$^5D_1$	19030
10	$^5D_2$	21504

Экспериментально параметры интенсивности для иона Eu^{3+} в кристалле $YAlO_3$ были определены в работе [6]. Их значения представлены в таблице 2.

Таблица 2

Параметры интенсивности для люминесцентных и абсорбционных переходов иона Eu^{3+} в кристалле $YAlO_3$

Энергия перехода в $см^{-1}$	Переход	Ω_k ($10^{-20}см^2$)		
		Ω_2	Ω_4	Ω_6
16222	$^5D_0 \rightarrow {}^7F_2$	2.66		
14390	$^5D_0 \rightarrow {}^7F_4$		6.32	
12289	$^5D_0 \rightarrow {}^7F_6$			0.80
21504	$^7F_0 \rightarrow {}^5D_2$	4.9		
4978	$^7F_0 \rightarrow {}^7F_6$			0.94

Интенсивности люминесцентного $^5D_0 \rightarrow {}^7F_2$ и абсорбционного $^7F_0 \rightarrow {}^5D_2$ переходов согласно правилам отбора задаются параметром Ω_2. Энергии этих переходов и значения параметров интенсивности для них существенно отличаются друг от друга:

$$\frac{\Omega_2\left({}^7F_0 \rightarrow {}^5D_2\right)}{\Omega_2\left({}^5D_0 \rightarrow {}^7F_2\right)} = 1.84 . \qquad (1)$$

Аналогично для параметра Ω_6 люминесцентного $^5D_0 \rightarrow {}^7F_6$ и абсорбционного $^7F_0 \rightarrow {}^7F_6$ переходов:

$$\frac{\Omega_6\left({}^7F_0 \rightarrow {}^7F_6\right)}{\Omega_6\left({}^5D_0 \rightarrow {}^7F_6\right)} = 1.18 . \qquad (2)$$

Таким образом, отличие соответствующих параметров интенсивности люминесцентных и абсорбционных переходов существенно больше экспериментальных погрешностей, которые обычно не превышают 10%. Это дает основание сделать вывод, что значения параметров интенсивности существенным образом зависят от энергии мультиплетов.

Теоретические основы и сравнение с экспериментом. Интенсивность спектральной линии пропорциональна силе линии. Для силы линии межмультиплетных электрических дипольных переходов в приближении слабого конфигурационного взаимодействия (приближении Джадда-Офельта [1,2]) справедлива простая формула:

$$S_{JJ'}^{ed} = e^2 \sum_{k=2,4,6} \Omega_k \left\langle \gamma[LS]J \left\| U^k \right\| \gamma'[L'S']J' \right\rangle^2 . \qquad (3)$$

Здесь $\left\langle \gamma[LS]J \left\| U^k \right\| \gamma'[L'S']J' \right\rangle$ – приведенный матричный элемент еди-

ничного тензора $U^{(k)}$, вычисленный на функциях в приближении свободного иона. Значения ранга k этого тензора подчиняются правилу треугольника $J - J' \le k \le J + J'$. Поэтому, когда J или J' равен нулю, как это имеет место для иона Европия, возможно лишь одно значение ранга k. Например, для перехода $^5D_0 \rightarrow {}^7F_2$ ранг $k = 2$, для перехода $^7F_0 \rightarrow {}^7F_6$ ранг $k = 6$.

В приближении Джадда-Офельта параметры интенсивности Ω_k образуют единый набор для всех переходов $J \rightarrow J'$ конфигурации f^N. Следовательно, приближение Джадда-Офельта противоречит экспериментальным фактам (1, 2). В этом приближении предполагается, что энергии возбужденных конфигураций значительно больше энергии мультиплетов f^N конфигурации. В действительности энергия возбужденной конфигурации такого же порядка, как и энергия мультиплета $^5D_2$. Вероятно, именно по этой причине приближение Джадда-Офельта для данной системы не адекватно.

При более корректном учете влияния возбужденных конфигураций, например, в приближении промежуточного конфигурационного взаимодействия, формула для силы линии получается более сложной [3]:

$$S_{JJ'}^{ed} = e^2 \sum_{k=2,4,6} \underbrace{\Omega_k \left[1 + 2R_k \left(E_{\psi J} + E_{\psi' J'} - 2E_f^0\right)\right]}_{\widetilde{\Omega}_k} \left\langle \psi [LS] J \| U^{(k)} \| \psi' [L'S'] J' \right\rangle^2 + \quad (4)$$

$$+ \text{члены нечетных рангов}.$$

Здесь параметры $\widetilde{\Omega}_k$ зависят от энергии мультиплетов $E_{\psi J}$ и $E_{\psi' J'}$, включенных в переход, E_f^0 – энергия центра тяжести $4f^N$ конфигурации. Таким образом, в этом приближении для описания экспериментальных значений параметров интенсивности следует использовать выражение:

$$\Omega_k^{\text{эксп}} = \Omega_k \left[1 + 2R_k \left(E_{\psi J} + E_{\psi' J'} - 2E_f^0\right)\right]. \quad (5)$$

В таблице 2 экспериментальные данные одновременно для люминесцентных и абсорбционных переходов приведены только для $\Omega_2^{\text{эксп}}$ и $\Omega_6^{\text{эксп}}$. Если энергии мультиплетов $E_{\psi J}$ выбрать, как в таблице 1, то в качестве независимых переменных будут выступать Ω_2, Ω_6, R_2, R_6 и E_f^0. Количество неизвестных параметров больше числа экспериментальных данных. Поэтому значение энергии центра тяжести конфигурации E_f^0 выбиралось таким, чтобы при решении системы уравнений (5) получались разумные, с точки зрения микроскопической модели, значения Ω_2, Ω_6, R_2 и R_6. Таким способом были получены следующие результаты:

$$\Omega_2 = 38.9 \cdot 10^{-20} \text{ см}^2$$

$$R_2 = 0.090\ 10^{-4}\ \text{см}$$
$$\Omega_6 = 0.413\ 10^{-20}\ \text{см}^2 \qquad (6)$$
$$R_6 = -0.098\ 10^{-4}\ \text{см}$$
$$E_f^0 = 33000\ \text{см}^{-1}.$$

Полученные значения R_2, R_6 и E_f^0 удовлетворительно согласуются с теоретическим соотношением [3]

$$|R_2| \approx |R_6| < \frac{1}{2\Delta} \approx \frac{1}{2E_f^0} \approx 0.15 \qquad (7)$$

Разный знак параметров R_2 и R_6 свидетельствует о том, что в ортоалюминатах важную роль играют как возбужденные конфигурации типа $4f^{N-1}5d$, так и процессы с переносом заряда (эффекты ковалентности).

Выполненные расчеты позволяют сделать вывод, что для непротиворечивого описания экспериментальных данных необходим более корректный учет влияния возбужденных конфигураций, чем в приближении Джадда-Офельта [1, 2]. Для системы $YAlO_3$: Eu^{3+} удовлетворительное описание достигается в приближении промежуточного конфигурационного взаимодействия [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Judd B.R.*** Optical Absorption Intensities of Rare-Earth Ions // Phys.Rev., 1962. – Vol. 127. – P. 750–761.
2. ***Ofelt G.S.*** Intensities of Crystal Spectra of Rare-Earth ions // J. Chem. Phys., 1962. – V. 37. – P. 511–520.
3. ***Kornienko A.A., Kaminskii A.A., Dunina E.B.*** Dependence of the Line Strength of f-f Transitions on the Manifold Energy. II. Analysis of Pr^{3+} in $KPrP_4O_{12}$ // Phys. Stat. Sol.(b), 1990. – V. 157. – P. 267–273.
4. ***Корниенко А.А., Дунина Е.Б., Янкевич В.Л.*** Теория интенсивностей межмультиплетных электрических дипольных переходов в приближении сильного конфигурационного взаимодействия // Опт. и спектр., 1996. Т. 80. – С. 951–955.
5. ***Carnall W.T., Fields P.R., Rajnak K.*** Electronic Energy Levels of the trivalent Lanthanide Aquo Ions. IV. Eu^{3+} // J. Chem. Phys., 1968. – Vol. 49. – P. 4450–4455.
6. ***Weber M.J., Varitimos T.E., Matsinger B.H.*** Optical Intensities of Rare-Earth Ions in Yttrium Orthoaluminate // Phys. Rev. B., 1973. – Vol. 8. – P. 47–53

SUMMARY

The analysis of experimental values of intensity parameters of Eu^{3+} ion in $YAlO_3$ crystal is carried out. It is shown, that using Judd-Ofelt approximation it is impossible to achieve consistent description. The conclusion about the most adequate approximation is made.

Поступила в редакцию 10.11.2003

УДК 539.2

Н.С. Буйнов, В.С. Иванов

Спектр элементарных возбуждений в системе осцилляторного типа

Рассмотрим систему [1-3], состоящую из N частиц со спектром осцилляторного типа. Пусть гамильтониан системы частиц, без учета взаимодействия их с возбуждающим бозонным полем, имеет вид:

$$H_0 = \sum_{j=1}^{N} \hbar\omega_0 b_j^+ b_j , \qquad (1)$$

где $\hbar\omega_0$ – энергия возбуждения отдельной квантовой частицы, b_j^+, b_j – операторы Бозе. Гамильтониан бозонного поля, воздействующего на систему невзаимодействующих между собой квантовых гармонических осцилляторов:

$$H_1 = \hbar\omega_{\vec{k}} a_{\vec{k}}^+ a_{\vec{k}} . \qquad (2)$$

Здесь учитывается одна резонансная бозонная мода, $a_{\vec{k}}^+$, $a_{\vec{k}}$ – операторы рождения и уничтожения. В качестве такой бозонной моды может быть выбрана или электромагнитная мода излучения в резонаторе с частотой $\omega_{\vec{k}} \approx \omega_0$, или одна из колебательных мод кристаллического твердого тела. Гамильтониан взаимодействия:

$$H_2 = \sum_{j=1}^{N} \left(\frac{\lambda_2}{\sqrt{N}} \left(b_j^+\right)^2 a_{\vec{k}} e^{i\vec{k}\vec{r}_j} + \frac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}} \left(b_j\right)^2 a_{\vec{k}}^+ e^{-i\vec{k}\vec{r}_j} \right). \qquad (3)$$

где λ_2 – константа взаимодействия.

Тогда полный гамильтониан системы, взаимодействующей с бозонным полем:

$$H = H_0 + H_1 + H_2 ,$$

примет вид:

$$H = \hbar\omega_{\vec{k}} a_{\vec{k}}^+ a_{\vec{k}} + \sum_{j=1}^{N} \hbar\omega_0 b_j^+ b_j + \sum_{j=1}^{N} \left(\frac{\lambda_2}{\sqrt{N}} \left(b_j^+\right)^2 a_{\vec{k}} e^{i\vec{k}\vec{r}_j} + \frac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}} \left(b_j\right)^2 a_{\vec{k}}^+ e^{-i\vec{k}\vec{r}_j} \right). \qquad (4)$$

Исследовать данный гамильтониан будем с помощью метода функций Грина. В качестве исходной функции Грина возьмем функцию $G(t) = \left\langle\left\langle a_{\vec{k}}(t) \middle| a_{\vec{k}}^+ \right\rangle\right\rangle$. Она удовлетворяет следующему уравнению:

$$i\hbar \frac{dG(t)}{dt} = \delta(t)\left\langle\left[a_{\vec{k}}, a_{\vec{k}}^+\right]\right\rangle - \left\langle\left\langle \left[a_{\vec{k}}, H\right](t) \middle| a_{\vec{k}}^+ \right\rangle\right\rangle . \qquad (5)$$

После преобразований уравнение (5) примет вид:

$$i\hbar \frac{dG(t)}{dt} = \delta(t) + \hbar\omega_{\vec{k}} G(t) + \frac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}} \left\langle\left\langle \left(\sum_{j=1}^{N} \left(b_j\right)^2 e^{-i\vec{k}\vec{r}_j} \right)(t) \middle| a_{\vec{k}}^+ \right\rangle\right\rangle . \qquad (6)$$

Введем новую функцию Грина $F(t) = \left\langle\left\langle \left(\sum_{j=1}^{N} \left(b_j\right)^2 e^{-i\vec{k}\vec{r}_j} \right)(t) \middle| a_{\vec{k}}^+ \right\rangle\right\rangle$. Тогда из (6)

получаем: $i\hbar\dfrac{dG(t)}{dt}=\delta(t)+\hbar\omega_{\bar{k}}G(t)+\dfrac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}}F(t)$. (7)

Функция $F(t)$ должна удовлетворять уравнению:

$$i\hbar\frac{dF(t)}{dt}=\left\langle\left\langle\left[\sum_{j=1}^{N}(b_j)^2e^{-i\bar{k}\bar{r}_j},H\right](t)\middle|a_{\bar{k}}^{+}\right\rangle\right\rangle \quad (8)$$

Преобразуем правую часть уравнения (8) и получим:

$$i\hbar\frac{dF(t)}{dt}=2\hbar\omega_0\left\langle\left\langle\left(\sum_{j=1}^{N}(b_j)^2e^{-i\bar{k}\bar{r}_j}\right)(t)\middle|a_{\bar{k}}^{+}\right\rangle\right\rangle+\frac{2\lambda_2}{\sqrt{N}}\left\langle\left\langle\left(\sum_{j=1}^{N}\left(2b_j^{+}b_j+1\right)a_{\bar{k}}\right)(t)\middle|a_{\bar{k}}^{+}\right\rangle\right\rangle. \quad (9)$$

В это выражение подставим $\left\langle\left\langle\left(\sum_{j=1}^{N}(b_j)^2e^{-i\bar{k}\bar{r}_j}\right)(t)\middle|a_{\bar{k}}^{+}\right\rangle\right\rangle=F(t)$ и выполним следующее расцепление:

$$\left\langle\left\langle\left(\sum_{j=1}^{N}\left(2b_j^{+}b_j+1\right)a_{\bar{k}}\right)(t)\middle|a_{\bar{k}}^{+}\right\rangle\right\rangle\to\left\langle\sum_{j=1}^{N}\left(2b_j^{+}b_j+1\right)\right\rangle\left\langle\left\langle a_{\bar{k}}(t)\middle|a_{\bar{k}}^{+}\right\rangle\right\rangle=$$

$$=\sum_{j=1}^{N}\left\langle 2b_j^{+}b_j+1\right\rangle\left\langle\left\langle a_{\bar{k}}(t)\middle|a_{\bar{k}}^{+}\right\rangle\right\rangle=N\left\langle 2b^{+}b+1\right\rangle\left\langle\left\langle a_{\bar{k}}(t)\middle|a_{\bar{k}}^{+}\right\rangle\right\rangle.$$

Тогда уравнение (9) приводится к виду:

$$i\hbar\frac{dF(t)}{dt}=2\hbar\omega_0F(t)+2\lambda_2\sqrt{N}\left\langle 2b^{+}b+1\right\rangle G(t). \quad (10)$$

Тогда получим систему:

$$\begin{cases} i\hbar\dfrac{dG(t)}{dt}=\delta(t)+\hbar\omega_{\bar{k}}G(t)+\dfrac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}}F(t), \\ i\hbar\dfrac{dF(t)}{dt}=2\hbar\omega_0F(t)+2\lambda_2\sqrt{N}\left\langle 2b^{+}b+1\right\rangle G(t). \end{cases} \quad (A)$$

Произведем фурье-преобразования функций $G(t)$, $F(t)$. При этом система (А) перейдет в следующую систему для фурье-образов $G(\omega)$, $F(\omega)$:

$$\begin{cases} i\hbar(-i\omega G(\omega))=1+\hbar\omega_{\bar{k}}G(\omega)+\dfrac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}}F(\omega), \\ i\hbar(-i\omega F(\omega))=2\hbar\omega_0F(\omega)+2\lambda_2\sqrt{N}\left\langle 2b^{+}b+1\right\rangle G(\omega), \end{cases} \quad (11)$$

где учтено, что фурье-образом функции $\delta(t)$ является число 1.

Запишем (А) в матричном виде:

$$\begin{pmatrix} \hbar(\omega-\omega_{\bar{k}}) & -\dfrac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}} \\ -2\lambda_2\sqrt{N}\left\langle 2b^{+}b+1\right\rangle & \hbar(\omega-2\omega_0) \end{pmatrix}\begin{pmatrix} G(\omega) \\ F(\omega) \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} 1 \\ 0 \end{pmatrix}.$$

Откуда найдем:

$$\begin{pmatrix} G(\omega) \\ F(\omega) \end{pmatrix}=\frac{1}{D}\begin{pmatrix} \hbar(\omega-2\omega_0) & \dfrac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}} \\ 2\lambda_2\sqrt{N}\left\langle 2b^{+}b+1\right\rangle & \hbar(\omega-\omega_{\bar{k}}) \end{pmatrix}\begin{pmatrix} 1 \\ 0 \end{pmatrix},$$

$$\begin{pmatrix} G(\omega) \\ F(\omega) \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \dfrac{\hbar(\omega - 2\omega_0)}{D} \\ \dfrac{2\lambda_2\sqrt{N}\langle 2b^+b-1\rangle}{D} \end{pmatrix}, \qquad (Б)$$

где определитель

$$D = \begin{vmatrix} \hbar(\omega-\omega_k) & -\dfrac{\lambda_2^*}{\sqrt{N}} \\ -2\lambda_2\sqrt{N}\langle 2b^+b-1\rangle & \hbar(\omega-2\omega_0) \end{vmatrix} = \hbar^2(\omega-\omega_k)(\omega-2\omega_0) - 2|\lambda_2|^2\langle 2b^+b-1\rangle.$$

Следовательно,

$$\begin{cases} G(\omega) = \dfrac{\hbar(\omega-2\omega_0)}{\hbar^2(\omega-\omega_k)(\omega-2\omega_0) - 2|\lambda_2|^2\langle 2b^+b+1\rangle} \\ F(\omega) = \dfrac{2\lambda_2\sqrt{N}\langle 2b^+b-1\rangle}{\hbar^2(\omega-\omega_k)(\omega-2\omega_0) - 2|\lambda_2|^2\langle 2b^+b+1\rangle} \end{cases} \qquad (В)$$

Из системы (В) видно, что полюсы функций Грина $G(\omega)$, $F(\omega)$ находятся из условия. $\hbar^2(\omega-\omega_k)(\omega-2\omega_0) - 2|\lambda_2|^2\langle 2b^+b+1\rangle = 0$. (12)

Решим данное уравнение относительно ω:

$$\omega_{1,2} = \frac{\omega_k + 2\omega_0}{2} \mp \sqrt{\left(\frac{\omega_k - 2\omega_0}{2}\right)^2 - 2\omega_k\omega_0 + \frac{2|\lambda_2|^2\langle 2b^+b-1\rangle}{\hbar^2}}. \qquad (13)$$

Так как в полученной формуле величина $\langle 2b^+b+1\rangle$ зависит от температуры T резонаторной полости, то и обе моды (мягкая и жесткая) также зависят от температуры. $\omega_{1,2} = \omega_{1,2}(T)$. Рассмотрим отдельно мягкую моду.

$$\omega_1 = \frac{\omega_k + 2\omega_0}{2} - \sqrt{\left(\frac{\omega_k - 2\omega_0}{2}\right)^2 - 2\omega_k\omega_0 + \frac{2|\lambda_2|^2\langle 2b^+b-1\rangle}{\hbar^2}}. \qquad (14)$$

Найдем температуру фазового перехода T_{KP}, для которой $\omega_1(T_{KP}) = 0$. Из (14) следует, что для температуры $T = T_{KP}$ должно выполняться.

$$\frac{|\lambda_2|^2\langle 2b^+b+1\rangle}{\hbar^2} = \omega_k\omega_0. \qquad (15)$$

Таким образом, в нашей системе возможен фазовый переход при температуре T_{KP}, определяемой из термодинамического равенства (15)

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Файн В.М.*** Квантовая радиофизика. Фотоны и нелинейные среды. – М., 1972. Т. 1. – 473 с.
2. ***Давыдов А.С.*** Теория твердого тела. – М., 1976. – 640 с.
3. ***Маделунг О.*** Теория твердого тела. – М., 1980. – 416 с.

S U M M A R Y

The research of influence of a bozon field on osciilation type system has been carried out.

Поступила в редакцию 28.04.2004

УДК 595.782 (476)

В.И. Пискунов, И.А. Солодовников

Уточнение перечня видов выемчатокрылых молей (Lepidoptera, Gelechiidae) Беларуси

Выемчатокрылые моли (Gelechiidae) изучаются в республике более 30 лет, в 2002 году было известно 129 видов [1]. Данное семейство чешуекрылых стало объектом серьезного изучения в Европе [2, 3]. Недавно опубликован обзор из 85 видов этих молей-вредителей сельскохозяйственных культур всей территории СССР (в границах 1990 г.) [4].

В результате проведенного исследования фауна выемчатокрылых молей Беларуси насчитывает теперь 137 видов. Шесть видов в данной работе впервые указываются для республики; один вид из региональной фауны изъят; определение еще одного уточнено; для четырех редких видов, ранее в Беларуси известных, по результатам сборов в 2003 году приводятся новые местонахождения. Три вида выемчатокрылых молей, новых для республики, выявлены при анализе недавно опубликованных в России и на Украине лепидоптерологических работ [4–6].

Основой данной работы является материал из Витебского и Сенненского районов (Витебская область), собранный на светоловушку вторым автором и учащимся лицея №1 г. Витебска Е.А. Держинским в полевой сезон 2003 г. За передачу интересного материала по выемчатокрылым молям для изучения и помощь в изготовлении светоловушки авторы выражают признательность Е.А. Держинскому (Витебск). Светоловушка оригинальной конструкции изготовлена по чертежам второго автора, ее схема приведена на рис. 1

Также изучены и переизучены сборы из Витебской области первого автора, сделанные в разные годы, и часть сборов, выполненных в период полевой практики студентами биологического факультета Белорусского государственного университета в Мядельском р-не Минской обл. в 1970 г.

Этикетки коллекционного материала цитируются в подлинниках, при этом информация этикеток сборов в рассмотренные выше светоловушки дана ниже по тексту (с приведением конкретных дат) как: «Витебский р-н, этикетка №1» и «Сенненский р-н, этикетка №2». Расшифровки их следующие: «Витебский р-н, этикетка №1» – «Belarus, vill. Kraevo, 25 km W Vitebsk, E.A. Derzhinski», оборот: «огород на опушке заболоченного смешанного леса, на свет»; «Сенненский р-н, этикетка №2» – «Сенненский р-н, окр. д. Щитовка, 37 км ЮЮВ Витебска, И.А. Солодовников», оборот: «смешанный заболоченный с доминированием сосны лес, автоловка, на свет люминесцентной лампы».

Весь материал определен первым автором с использованием новой литературы [2, 3, 7–9]. Использовались также коллекции биологического музея Витебского государственного университета им. П.М. Машерова (далее по тексту: БМ ВГУ), зоологического музея Белорусского государственного университета в г. Минске (далее: ЗМ БГУ) и Лаборатории систематики насекомых Зоологического института РАН в г. Санкт-Петербурге (далее: ЗИН РАН). Изученный материал храниться в этих коллекциях. Последовательность родов, а

также видов в родах *Chionodes* Hbn. и *Monochroa* Hein. принята по работе первого автора [2]. Данные о распространении видов, трофических связях гусениц суммированы из вышеуказанной литературы и коллекций, уточнены также сведения из картотеки литературы по таксонам видового и родового рангов палеарктических выемчатокрылых молей, составляемую первым автором с 1968 года (БМ ВГУ).

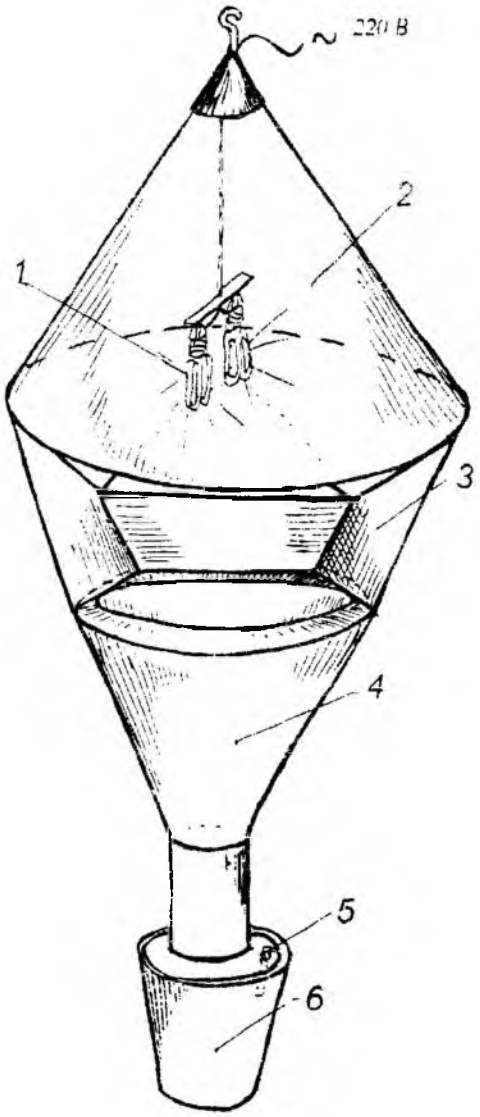


Рис. 1. **Схема строения светоловушки**

1 – экономные люминесцентные лампы дневного света (22 – 36 Вт), спектр 4200 К;

2 – верхний конус, изготовлен из армированного целлофана;

3 – направляющие, изготовлены из парашютного шелка;

4 – нижний конус, изготовлен из парашютного шелка, связан с приемником насекомых полиэтиленовым плотным цилиндром;

5 – усыпляющее вещество (этилацетат);

6 – приемник насекомых (5–7-литровое пластмассовое ведро с фильтровальной бумагой по всему объему)

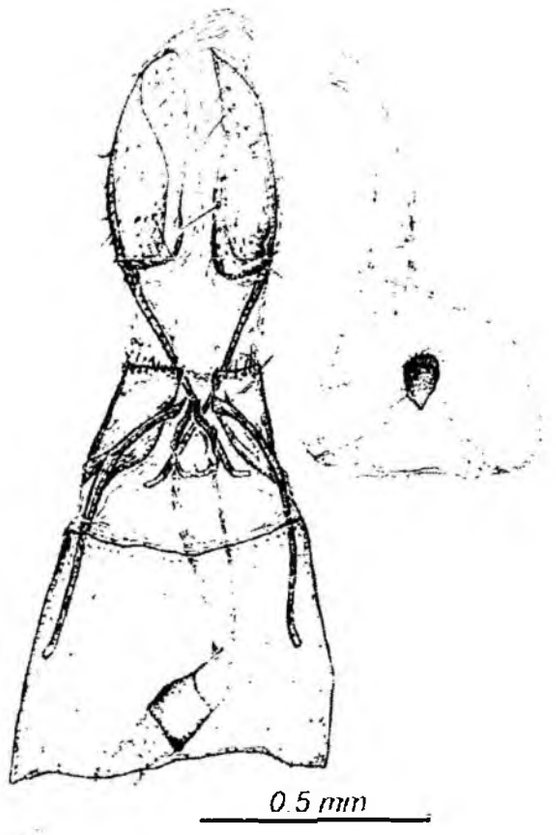
1. ***Chionodes lugubrella*** (Fabricius, 1794) (= *luctificella* Hübner, [1813], = *lunatella* Zetterstedt, 1839) – **многоядная выемчатокрылая моль**. Видовая синонимика опубликована [4, 7]. «Белоруссия» [4] – первое указание для фауны республики; сделано А. Львовским при дополнении и редактировании раздела о выемчатокрылых молях, подготовленного первым автором для академического справочника «Насекомые и клещи – вредители сельскохозяйственных культур». Авторы изучили коллекционный материал по этому виду из Литвы (сборы П.П. Ивинскиса, колл. БМ ВГУ). Распространение [2, 4, 7]: Голарктика; из сопредельных с Беларусью стран отмечался в России (Мурманская обл., Карелия, Ленинградская, Московская области), странах Балтии, Польше, Украине. Гусеницы на травянистых бобовых (Fabaceae) [2 – 4, 7] и на березе (*Betula*) [2]. В литературе изображались имаго [3, 7] и гениталии [2, 3, 7] этого вида. Русское название предложено в указанной выше работе А.Л. Львовского и В.И. Пискунова [4].

2. ***Chionodes luctuella*** (Hübner, 1793) (= *sauteriella* Zeller, 1868). Видовая синонимика опубликована [7]. «Сенненский р-н, этикетка №2», дата: 27.06.2003, 1 самец, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Первое указание для фауны республики. Распространение [2, 3, 7]: север Западной Европы (Фенноскандия, Дания), Альпы, Татры, Карпаты, страны Балтии, Венгрия, Румыния, европейская часть России, Забайкалье; из сопредельных с Беларусью стран отмечался в России (Мурманская обл., Карелия, Калининградская, Ленинградская, Калужская, Тульская области), Латвии, Литве, Польше, Украине. Гусеницы на хвойных: елях (*Picea*), пихтах (*Abies*), соснах (*Pinus*); питание на лишайниках не подтвердилось [3, 7]. В литературе изображались имаго [3, 7] и гениталии [2, 3, 7] этого вида. Ранее [10] из Беларуси было известно 4 вида рода *Chionodes* Hbn.; с учетом вышеизложенного это количество возросло до 6.

3. ***Monochroa lutulentella*** (Zeller, 1839) (= *brunickii* Rebel, 1913). Видовая синонимика опубликована [11]. «Оз. Нарочь, N берег, Минская обл., Кузьма, 08.07.1970», оборот: «сосновый лес, электросветоловушка», 1 самец; «Витебский р-н, этикетка №1», даты: 27.07, 03.08.2003, 3 самца; «Дымовщина, 9 км NW Витебска, Пискунов, 02.08.1985», оборот: «ивняки», 1 самец; микропрепараты в сахаре при монтированных насекомых (ЗМ БГУ, БМ ВГУ). Определения сделаны по новой литературе [3, 9] с изображениями имаго и гениталий; фотография имаго есть и в более ранней статье И. Свенссона [12]. Гениталии самца одного из белорусских экземпляров показаны на рис. 2. Первое указание для фауны республики. Детерминировать этот вид по старой работе шведского энтомолога П. Бенандера [13] не удалось, так как рисунок гениталий самца в ней, воспроизведенный позже в работе первого автора [2], не соответствует материалу из Беларуси. В результате ранний материал по обсуждаемому виду, перечисленный выше, был детерминирован по колл. ЗИН РАН как «*Monochroa nomadella* (Zeller, 1868)» [2, 10]. Отметим, что просмотренный по гениталиям материал по видам рода *Monochroa* Hein. в ЗИН РАН не является типовым. Очевидно, что в определениях близких видов этого рода, сделанных в прошлом по габитусу, в упомянутой выше колл. могли быть ошибки. Указание на находку в Витебской области *M. nomadella* (Z.) в ранней работе первого автора [14] ошибочно и относится к другому виду этого рода *M. elongella* (Hein.) [2, 10]. Таким образом, *M. nomadella* (Z.) (Европа, Средиземноморье), ранее отмеченный для Беларуси [10, 14], из региональной фауны исключается как неправильно определенный. Распространение *M. lutulentella* (Z.) [2, 3, 11]: Европа, включая Ирландию, Великобританию, на север до Фенноскандии и Дании включительно, на юг до Балканского полуострова (Хорватия, Черногория); Турция, Армения. Из сопредельных с Беларусью стран отмечался в государствах Балтии, Польше, Украине, включая Крым. Указания в литературе на европейскую часть России (Карелия, Татарстан, Кировская обл.) требуют проверки: следует учесть, что *Monochroa* Hein. – род сложный для изучения на видовом уровне и, судя по новой литературе [3, 9, 12], в Европе описываются и будут описываться его новые виды. Гусеницы на лабазнике (таволге) (*Filipendula*), спирее (*Spiraea*) в корнях [2, 3, 11].

4. ***Monochroa palustrella*** (Douglas, 1850) (= *rozsikella* Rebel, 1909). Видовая синонимика опубликована [2]. «Витебский р-н, этикетка №1», дата: 27.07.2003, 1 самец, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Первое указание для фауны республики. Распространение [2, 3]: Западная Европа, включая Великобританию, на север до Швеции, Финляндии, на юг до Румынии (дельта Дуная); европейская часть России (Среднее и Нижнее Поволжье); Туркменистан; из сопредельных с Беларусью стран отмечался в Латвии, Литве, Польше, Украине, включая Крым. Гусеницы на щавеле

(*Rumex*) [2, 3]. В литературе изображались имаго и гениталии [2, 3] этого вида. Локально встречающийся, редкий вид [2, 3].



2. 3.

Рис. 2–3. **Гениталии выемчатокрылых молей**

2. *Monochroa lutulentella* (Z.), гениталии самца: общий вид латерально, препарат в сахаре, колл. БМ ВГУ: «Оз. Нарочь, N берег Минская обл., Кузьма 08.07.1970», оборот: «сосновый лес, электросветоловушка». Увеличение x56. 3. *Monochroa inflexella* Svensson, гениталии самки: вид вентрально (слева), копулятивная сумка (справа), препарат в сахаре, колл. БМ ВГУ: «У д. Тулово, Витебский р-н, 25.06.1969, Пискунов», оборот: «кошение по разнотравью». Увеличение x40.

5. ***Monochroa tetragonella*** (Stainton, 1885) (= *gudmanni* Larsen, 1927). Видовая синонимика опубликована [2]. Этот редкий вид указан ранее для запада европейской части СССР (в границах 1990 г.) [2] и для Витебской обл. Беларуси [10], с приведением данных о распространении и трофических связях гусениц. Было известно 2 самца из Городокского р-на и г. Витебска (лесопарковая зона) (БМ ВГУ). Гениталии самцов изображались [2, 13]. Новый материал: «Сенненский р-н, этикетка №2», дата: 30.06.2003, 1 самец, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Весь указанный выше материал проверен по новой сводке о выемчатокрылых молях Центральной Европы [3], в которой есть изображение имаго, гениталии самца данного вида и новые данные о распространении его в Европе. Таким образом, *M. tetragonella* (Stt.) известен сейчас в Беларуси из трех местонахождений (Витебская область).

6. ***Monochroa inflexella*** Svensson, 1992. Вид был детерминирован как «*Monochroa* sp. sensu Svensson» [15] по работе шведского энтомолога

И. Свенссона [12]. Известна единственная самка из окрестностей г. Витебска, ее этикетка опубликована [15], она хранится в колл. БМ ВГУ. На рис. 3 дано изображение ее гениталий. Позже И. Свенссон описал данный вид по старому материалу (Швеция: островная часть) и новому (Австрия) как *Monochroa inflexella* Svensson [9]. Обе цитированные работы шведского автора иллюстрированы фотографиями общего вида имаго, изображениями гениталий самцов и самок. Фотокопия приведенного выше нашего рисунка гениталий самки посылалась И. Свенссону, который подтвердил близость его материала (островная часть Швеции) к материалу из Витебской обл.; поэтому в списке видов выемчатокрылых молей Беларуси [10] обсуждаемый вид приведен под названием *M.* pr. *inflexella* Svensson, 1992. В новой сводке о выемчатокрылых молях Центральной Европы [3] по *M. inflexella* Svensson приведен более обширный материал из Чехии, Словакии и Австрии с изображениями гениталий и имаго. Сравнение иллюстраций из этой книги и первоописания *M. inflexella* Svensson [9] показало, что гениталии самок центральноевропейского и шведского материала заметно отличаются (по форме сигны, склеротизированного пояска дуктуса, длине задних апофизов). Самка обсуждаемого вида из окр. Витебска очень близка к материалу по *M. inflexella* Svensson из Центральной Европы [3] с отличием по форме сигны (заостренный нижний край у нашего экземпляра и слегка закругленный у изображенной самки из Словакии). Учитывая размах изменчивости всего материала, кратко разобранного выше, авторы относят самку из окр. Витебска к виду *M. inflexella* Svensson. Этот вид, таким образом, известен только из Европы: Швеция (типовое местонахождение: остров Готланд, найден также на острове Эланд), Чехия, Словакия, Австрия, Беларусь (Витебский р-н). Трофические связи гусениц не выяснены [3, 9]. Ранее [10] для Беларуси было указано 11 видов рода *Monochroa* Hein., включая рассмотренный выше; с учетом вышеизложенного количество видов этого рода в региональной фауне возросло до 12.

7. ***Platyedra subcinerea*** (Haworth, 1828) (= *vilella* Zeller, 1847) – **стеблевая хлопковая моль-чеканщица**. Видовая синонимика ранее публиковалась [2, 4, 5]. «Беларусь» [5] – первое указание для фауны республики; вид указан ранее для запада европейской части СССР (в границах 1990 г.) [2]. Авторы изучили коллекционный материал по этому виду из Харьковской обл. и Крыма (Украина), Армении и Туркменистана (сборы разных лиц, колл. БМ ВГУ). Распространение [2–5]: Палеарктика, от Западной Европы до Приамурья и Афганистана. Северная, Западная и Юго-Западная Африка. Из сопредельных с Беларусью стран отмечался в Латвии, Литве, Польше, Украине, включая Крым, на юге европейской части России. Гусеницы на различных мальвовых (Malvaceae), в том числе и на хлопчатнике (*Gossypium*), вредят [2–4]; по последним данным [3] также на крапивных (Urticaceae). В литературе изображались имаго [3] и гениталии [2, 3] этого вида. Русское название приведено по работе первого автора [2].

8. ***Bryotropha affinis*** (Haworth, 1828) (= *affinis* Douglas, 1850 auct.). Автор вида приведен по новым данным [3]; в более ранних работах [2] ошибочно приводилось другое авторство, помещенное выше в синонимике. «Национальный парк «Припятский» (Республика Беларусь) [6] – первое указание для фауны республики, определение, согласно вышеуказанной работе, сделали украинские лепидоптерологи Ю.И. Будашкин и А.В. Бидзиля. Авторы изучили коллекционный материал по этому виду с Украины (Харьковская обл.) (сборы первого автора, колл. ЗИН РАН, ЗМ БГУ, БМ ВГУ). Распространение [2, 3]: вся Европа, включая Ирландию, Великобританию, Средиземноморье, Ближний Восток, европейская часть России. Из сопредельных с Беларусью стран отмечался в Латвии, Литве, Польше, в европейской части России (Карелия, Ле-

нинградская, Калужская области), Украине, включая Крым. Гусеницы на мхах [2, 3]. В литературе изображались имаго [3] и гениталии [2, 3] этого вида. Ранее [10] для Беларуси было известно 10 вида рода *Bryotropha* Hein., с учетом вышеизложенного количество возросло до 11.

9. ***Athrips pruinosella*** (Lienig et Zeller, 1846) (*Rhynchopacha pruinosella* Lienig et Z.). Включение вида в род *Athrips* Billberg [2, 3, 10] сейчас общепризнано. Редкий вид, ранее указан для запада европейской части СССР (в границах 1990 г.) [2] и для Витебской обл. из Беларуси (Сенненский р-н) [10, 14]. В этих работах приведены сведения о распространении и трофических связях гусениц. Переисследован единственный самец (БМ ВГУ); его гениталии изображались [2]. Новый материал: «Витебский р-н, этикетка №1», дата: 23.07.2003, 1 самец, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Этот материал проверен по новой сводке о выемчатокрылых молях Центральной Европы [3], содержащий изображения имаго и гениталий; в ней приведено и новое кормовое растение гусениц: спирея (*Spiraea*). Таким образом, *Athrips pruinosella* (Lienig et Z.) известен теперь в Беларуси из двух местонахождений (Витебская обл.).

10. ***Uliaria rasilella*** (Herrich-Schäffer, 1854) (*Gomphocrates rasilella* H.-S., *Dichomeris rasilella* H.-S.). Родовая принадлежность приведена по работе первого автора [2], хотя по новейшей литературе [3] этот вид включают в близкий род *Dichomeris* Hbn. Редкий вид, известный в республике лишь из Витебской обл. [2, 10]. В отмеченных публикациях есть данные о распространении и трофических связях гусениц. Был известен 1 самец из Сенненского р-на (БМ ВГУ), его гениталии изображались [2]. Новый материал: «Витебский р-н, этикетка №1», даты: 6, 12.07.2003, 3 самца; «Витебск, Витебская обл., Пискунов, 28.06, 10.07.2003», оборот: «овраг у мед. ун-та, кошение по траве на N склоне, 20^{00}», 2 самца, микропрепараты в сахаре при монтированных насекомых (ЗИН РАН, ЗМ БГУ, БМ ВГУ). Весь указанный выше материал проверен по новой сводке о выемчатокрылых молях Центральной Европы [3], с изображениями имаго и гениталий этого вида. В последней уточнено распространение (ареал на юго-востоке выходит за пределы Палеарктики: весь Китай, включая остров Тайвань), а также трофические связи гусениц: дополнительно указана полынь (*Artemisia*). Таким образом, *U. rasilella* (H.-S.) известен в Беларуси из трех местонахождений (Витебская обл.).

11. ***Acanthophila latipennella*** (Rebel, 1937) (= *scotosiella* Hackman, 1945, = *piceana* Šulcs, 1968, = *steueri* Povolny, 1978, *Dichomeris latipennella* Rbl.) – **еловая стробилярная моль**. Видовая синонимика опубликована [2, 16, 17]. Данный вид включался в разные роды; точка зрения первого автора о принадлежности его к роду *Acanthophila* Hein. (=*Mimomeris* Pov.) поддержана в новой сводке о выемчатокрылых молях Центральной Европы [3]. «Сенненский р-н, этикетка №2», даты: 01, 03.07.2003, 1 самец, 1 самка, микропрепараты в сахаре при монтированных насекомых (БМ ВГУ). Первое указание для фауны республики. Распространение [2, 3, 16–18]: Швеция, Финляндия, Германия, Чехия, Словакия, Швейцария, Италия (северная часть), Польша, Румыния, Латвия, Литва, европейская часть России (Ленинградская, Новгородская области, Республика Коми) Украина (Полесье); сопредельные с Беларусью страны указаны в этом перечне. Гусеницы на хвойных елях (*Picea*) вредят местами значительно [2, 3, 16–18]. В литературе изображались имаго [3] и гениталии [2, 3] этого вида. Русское название взято из работы первого автора [2]. Ранее [10] для Беларуси был известен 1 вид рода *Acanthophila* Hein., с учетом вышеизложенного в республике обнаружено 2 вида этого рода.

12. ***Acompsia subpunctella*** Svensson, 1966. «Сенненский р-н, этикетка №2», дата: 07.07.2003, 2 самца, микропрепараты в сахаре при монтирован-

ных насекомых (ЗМ БГУ, БМ ВГУ). Первое указание для фауны республики. Распространение [2, 19, 20]: Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Польша (в том числе находки в Беловежском национальном парке); Россия: Мурманская область, Карелия, Алтайский край, Забайкалье. Из сопредельных с Беларусью стран вид давно отмечен в Латвии [2] и недавно в Польше [20]. Гусеницы по новым данным [20] – на вероникe (*Veronica*). В литературе изображались имаго [19, 20] и гениталии [2, 19, 20] этого вида. Ранее [10] из Беларуси был известен 1 вид рода *Acompsia* Hbn., с учетом вышеизложенного в республике встречаются 2 вида этого рода.

13. ***Helcystogramma albinervis*** (Gerasimov, 1929) (*Brachmia albinervis* Grsm.). Включение вида в род *Helcystogramma* Z. [1, 3] сейчас общепризнано. Редкий вид, в Беларуси был известен только из Минской обл.: юго-западная окраина г. Минска, поселок Щемыслица, 1 самец (ЗМ БГУ) [1]; в этой работе приведены сведения о распространении и предполагаемых трофических связях гусениц. Гениталии самца изображались [2, 3]. Новый материал: «Сенненский р-н, этикетка №2», дата: 01.07.2003, 1 самка, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Данная самка проверена по новой сводке о выемчатокрылых молях Центральной Европы [3], содержащей изображения имаго и гениталий. Таким образом, *H. albinervis* (Grsm.) известен сейчас в Беларуси из двух местонахождений (Минская и Витебская обл.).

14. ***Brachmia inornatella*** (Douglas, 1850). «Витебский р-н, этикетка №1», дата: 06.07.2003, 1 самец, микропрепарат в сахаре при монтированном насекомом (БМ ВГУ). Первое указание для фауны республики. Распространение [2, 3, 8]: Западная Европа (на север до Великобритании, Дании, Швеции, Финляндии включительно, на юг до Франции, Венгрии, Румынии), страны Балтии, европейская часть России (север, Среднее Поволжье), Украина. Из сопредельных с Беларусью стран отмечался в Латвии, Литве, Польше, Украине. Гусеницы на тростнике (*Phragmites*) [2, 3], указывались и на других мятликовых (злаках) (Poaceae) [2]. В литературе изображались имаго [3, 8] и гениталии [2, 3, 8] этого вида. Ранее [10] для Беларуси было известно 2 вида рода *Brachmia* Hbn., с учетом вышеизложенного его региональная фауна насчитывает 3 вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Пискунов В.И.*** *Helcystogramma albinervis* (Gerasimov, 1929) (Lepidoptera, Gelechiidae) – возможный кандидат в «Красную книгу Республики Беларусь» // Красная книга Республики Беларусь: состояние, проблемы, перспективы: Матер. республ. научн. конф., 12–13 дек. 2002 г. – Витебск, 2002. – С. 175–176.
2. ***Пискунов В.И.*** Сем. Gelechiidae – выемчатокрылые моли // Определитель насекомых европейской части СССР. – Л., 1981. – Т. 4. Чешуекрылые, ч. 2. – С. 659–748.
3. ***Elsner G., Huemer P., Tokár Z.*** Die Palpenmotten (Lepidoptera, Gelechiidae) Mitteleuropas: Bestimmung – Verbreitung – Flugstandort – Lebensweise der Raupen. – Bratislava, 1999. – 208 s.
4. ***Львовский А.Л., В.И. Пискунов.*** Сем. Gelechiidae – выемчатокрылые моли // Насекомые и клещи – вредители с.-х. культур. – СПб., 1999. Т. 3. Чешуекрылые, ч. 2. – С. 46–93.
5. ***Аникин В.В.*** К фауне выемчатокрылых молей и чехлоносок (Lepidoptera: Gelechiidae, Coleophoridae) Ульяновской области // Естественно-научные исследования в Симбирско-Ульяновском крае на рубеже веков. – Ульяновск, 1999. – С. 101–112.
6. ***Шешурак П.Н.*** К изучению энтомофауны Национального парка «Припятский» (Республика Беларусь). 1. Чешуекрылые. Часть II // Заповідна справа в Україні. – Київ, 2001. Т. 7, вип. 2. – С. 41–49.
7. ***Huemer P., Sattler K.*** A taxonomic revision of Palaearctic *Chionodes* (Lepidoptera, Gelechiidae) // Beitr. Entomol, 1995. Vol. 45, № 1. – P. 3–108.
8. ***Robineau R.*** *Brachmia inornatella* Douglas espéce nouvelle pour la France [Lep. Gelechiidae] // Entomol. gall, 1984. T. 1, f. 2. – P. 87–88.

9. **Svensson J.** *Monochroa inflexella* n. sp. (Lepidoptera, Gelechiidae) // Entomol. Tidskr., 1992. T. 113, Hf. 1. – P. 47–51.
10. **Пискунов В.И.** Фауна выемчатокрылых молей (Lepidoptera: Gelechiidae) Беларуси // Вестник БГУ. Сер. 2: Химия, биолог., географ, 1997. № 3. – С. 39–46.
11. **Sattler K.** New synonyms of European Gelechiidae (Lepidoptera) // Entomol. gall., 1992. T. 3, f. 3. – P. 107–112.
12. **Svensson J.** Anmärkningsvärda fynd av Microlepidoptera i Sverige 1984 // Entomol. Tidskr., 1985. T. 106, Hf. 2–3. – P. 71–82.
13. **Benander P.** Släktet *Xystophora* Hein. och dess svenska arter // Entomol. Tidskr., 1945. T. 66, Hf. 3–4. – P. 125–135.
14. **Пискунов В.И.** Новые данные о фауне выемчатокрылых молей (Lepidoptera: Gelechiidae) Белоруссии // Вестник БГУ. Сер. 2: Химия, биолог., геолог., географ., 1973, № 1. – С. 46–48.
15. **Пискунов В.И.** Фауна выемчатокрылых молей (Lepidoptera: Gelechiidae) Белорусской ССР по результатам исследований 1978 – 1988 гг. // Динамика зооценозов, проблемы охраны и рационального использования животного мира Белоруссии: Тез. докл. VI Зоол. конф. (19–21 сент. 1989 г.), Витебск. – Мн., 1989. – С. 100–101.
16. **Стадницкий Г.В., Гребенщикова В.П.** Насекомые, развивающиеся в мужских репродуктивных органах хвойных пород // Энтомол. обозрение, 1979. Т. 58, вып. 2. – С. 282–287.
17. **Шулц А.А.** Чешуекрылые Латвийской ССР, биологически связанные с елью (*Picea abies* (L.) Karst.) // Ель и ельники Латвии. – Рига, 1975. – С. 123–139.
18. **Стадницкий Г.В.** Вредители семян ели. – М., 1971. – 48 с.
19. **Svensson J.** New and confused species of Microlepidoptera // Opuscula Entomol., 1966. T. 31, № 3. – P. 183–202.
20. **Huemer P., Karsholt O.** A review of the genus *Acompsia* Hübner, 1825, with description of new species (Gelechiidae) // Nota lepid., 2002. Vol. 25, № 2–3. – P. 109–151.

S U M M A R Y

For the first time for fauna of Belarus 6 species of the family Gelechiidae: Chionodes luctuella (Hbn.), Monochroa lutulentella (Z.), Monochroa palustrella (Dougl.), Acanthophila latipennella (Rbl.), Acompsia subpunctella Svensson, Brachmia inornatella (Dougl.) are indicated. The main material was collected in Vitebsk and Senno region (Vitebsk area) with light-traps. Monochroa nomadella (Z.) from regional fauna has been excluded from the list as wrongly determined. The fauna of the Gelechiidae of Belarus now includes 137 species.

Поступила в редакцию 5.04.2004

УДК 667.633

А.В. Гречаников, А.П. Платонов, С.Г. Ковчур

Утилизация отходов ТЭЦ

Цель работы заключается в создании и внедрении технологии утилизации отходов, образующихся на ТЭЦ г. Витебска. Ежегодно на Витебской ТЭЦ в шламонакопителях образуется 50–60 тонн отходов после очистки речной воды (шлам продувочной воды). При очистке воды в качестве коагулянта используют сульфат алюминия, а в качестве флокулянта – полиакриламид. Вопрос утилизации отходов ТЭЦ в Витебской области и Республике Беларусь до сих пор не решен.

Химический состав шлама определялся методами количественного анализа [1]. Содержание ионов трехвалентного железа определялось гравиметрическим методом, концентрация ионов алюминия – с помощью

8-оксихинолина, содержание ионов кальция определялось комплексонометрическим методом. Результаты анализа приведены в таблице 1.

Таблица 1

Состав шлама продувочной воды

Содержание в весовых процентах, в расчете на сухое вещество	Проба взята в марте 2001 г.	Проба взята в марте 2002 г.
$Fe(OH)_3$	20 ± 2 %	23 ± 2 %
SiO_2	32 ± 2 %	32 ± 2 %
Al_2O_3	9 ± 2 %	8 ± 2 %
$CaSO_4$	3 ± 2 %	5 ± 2 %
Органические вещества	36 ± 2 %	32 ± 2 %

Исследование содержания микроэлементов (тяжелых металлов) в шламе продувочной воды проводилось с помощью атомно-эмиссионного анализа на спектрографе PGS-2. Для анализа образцы массой от 0,2 г до 0.6 г высушивались до постоянного веса при 105–110 °С . Чувствительность метода выражается в мг на кг сухого вещества. Результаты анализа приведены в таблице 2.

Таблица 2

Содержание тяжелых металлов в шламе

Элемент	Чувствительность метода, мг/кг	Шлам продувочной воды, мг/кг
Zn	200	200
Pb	8	16
Zr	6	12
Cu	4	8
Ba	50	100
Y	5	5
Ti	10	20
Mn	10	20
V	10	–
Mo	1	–
Cr	6	–
Co	4	–
Be	1	–
Sn	1	–
Bi	10	–
As	200	–
W	30	–
Sr	100	–
Sc	4	–
Sb	100	–
Cd	10	–
Ni	5	–

Содержание тяжелых металлов в шламе не превышает ПДК или чувствительности метода анализа. К таким металлам относятся кадмий, сурьма, висмут, вольфрам, хром, мышьяк, стронций, ванадий, никель, кобальт, бериллий, скандий, олово, молибден. Учитывая, что содержание тяжелых металлов в шламе не превышает допустимых санитарных норм, отходы ТЭЦ можно использовать в дорожном строительстве.

Для разработки технологии утилизации шлама исследован гранулометрический состав отходов. Предварительно шлам высушивался до постоянного веса при 110°С, измельчался и проводился отсев крупных фракций. На рисунке приведены кривые гранулометрического (зернового) состава сухого шлама, песка и минерального порошка (доломита).

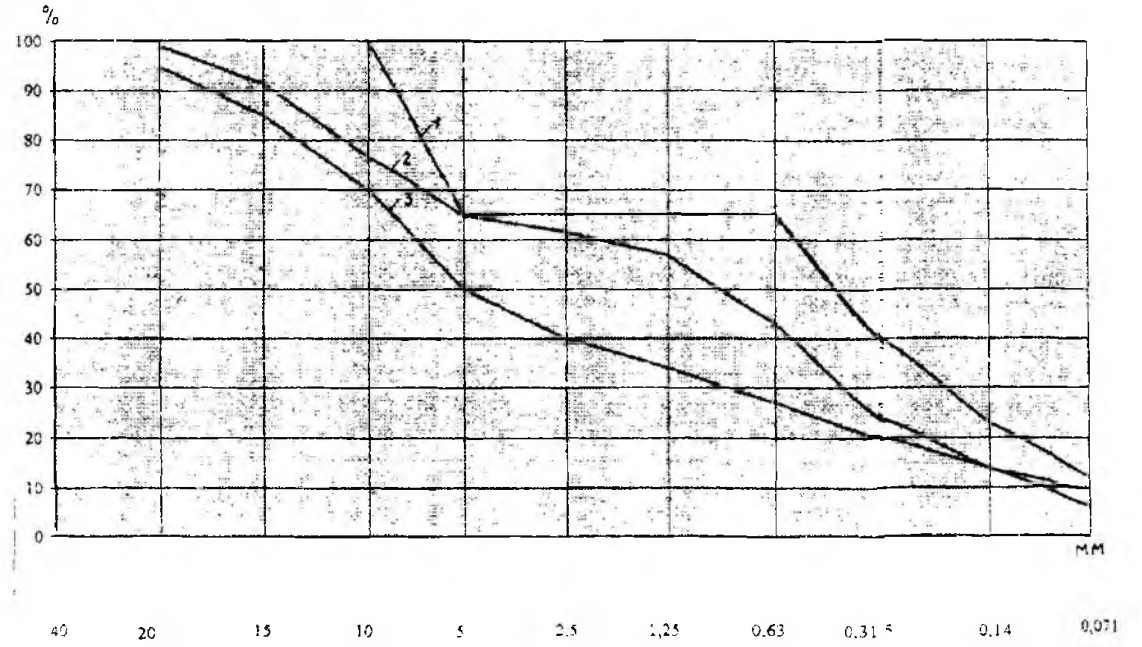


Рис. **Кривые гранулометрического (зернового) состава**
(1 – песок, 2 – доломит, 3 – сухой шлам)

Применяемая в дорожном строительстве органоминеральная смесь для ремонта покрытий автомобильных дорог имеет следующий состав [2]: песчано-гравийная смесь (размер зерен 0,1–15 мм) – 62%; щебень гранитный (размер зерен 5–20 мм) – 28%; доломитовая мука (размер зерен 0,1–2,5 мм) – 7%; активатор (гашеная известь) – 3%; битум нефтяной жидкий с вязкостью 60 с – 6% от минеральных материалов.

На кафедре химии Витебского государственного технологического университета разработан состав органоминеральной смеси, в котором вся доломитовая мука заменена сухим шламом продувочной воды. Изготовление образцов органоминеральной смеси проводилось следующим образом. Предварительно высушенные и нагретые до 110°С минеральные материалы перемешиваются в механическом смесителе. Затем в смесь добавляют сухой, измельченный шлам и перемешивают в течение 10 минут. Шлам заменяет весь минеральный порошок (доломитовую муку). Постепенно, со скоростью 2–3°С в минуту, температуру смеси доводят до 100°С. Периодически измеряют осадку конуса. Через 30 минут после начала перемешивания в смесь добавляют предварительно разогретый до 65°С битум нефтяной, дорожный.

Физико-механические свойства органоминеральной смеси определялись на цилиндрических образцах, полученных при уплотнении 640 г смеси

в стальных формах при прессовании под давлением 40 МПа. По истечении 12 часов после изготовления, образцы испытывались по физико-механическим показателям, регламентируемым СТБ 1115-98 для холодного асфальтобетона. Анализы проводились в усредненной пробе в трех параллельных образцах. Выполнена математическая обработка результатов анализа по методу наименьших квадратов с 90%-ным доверительным интервалом [3].

Средняя плотность (объемная масса) асфальтобетона определялась по формуле:

$$\rho_m^a = \frac{g_0 \cdot \rho^B}{g_1 - g_2},$$

где g_0 – масса образца, взвешенного на воздухе, г; g_1 – масса образца, выдержанного в воде в течение 30 мин., а затем взвешенного на воздухе, г; g_2 – масса того же образца, взвешенного в воде, г; ρ^B – истинная плотность воды, принятая равной 1 г/см^3.

Водонасыщение (в % по объему) рассчитывалось по формуле:

$$W = \frac{g_3 - g_0}{g_1 - g_2} \cdot 100\%,$$

где g_0 – масса сухого, не насыщенного водой образца, взвешенного на воздухе, г; g_1 – масса образца, выдержанного в воде в течение 30 мин. и взвешенного на воздухе, г; g_2 – масса того же образца, взвешенного в воде, г; g_3 – масса насыщенного водой образца, взвешенного на воздухе, г;

Набухание (приращение объема) асфальтобетона рассчитывалось по формуле:

$$H = \frac{(g_3 - g_4) - (g_1 - g_2)}{g_1 - g_2} \cdot 100\%,$$

где g_1 – масса сухого образца, выдержанного в течение 30 мин. в воде и взвешенного на воздухе, г; g_2 – масса того же образца, взвешенного в воде, г g_3 – масса насыщенного водой образца, взвешенного на воздухе, г; g_4 – масса того же образца, взвешенного в воде, г;

Предел прочности при сжатии при температурах 20°С и 50°С определялся по СТБ 1115 для холодного асфальтобетона. Результаты определений приведены в таблице 3.

Из данных таблицы 3 следует, что замена доломитового порошка шламом не приводит к ухудшению физико-механических свойств асфальтобетона. Применение отходов ТЭЦ экономически эффективно, так как отпадает необходимость использования доломитовой муки, которая производится для сельского хозяйства и не всегда отвечает нормам СТБ по гранулометрическому составу.

Таблица 3

Физико-механические показатели смеси

Наименование показателей	Норма по СТБ 1115	Образцы асфальтобетона с доломитом	Образцы асфальтобетона со шламом
Водонасыщение по объему, не более %	5,0	2,88	2,73
Набухание по объему, не более %	1,0	0,78	0,90
Средняя плотность (объемная масса), г/см^3	Не нормируется	2,17	2,22
Предел прочности при сжатии			
20°С	1,2	9,25	8,60
50°С	1,8	5,00	3,90

Заменяя минеральный порошок в составе асфальтобетона отходами ТЭЦ, их можно утилизировать без предварительного высушивания. Вода в асфальтобитумных смесях в момент уплотнения выполняет роль смазывающего вещества и способствует сближению зерен минерального материала. Например, объемный вес образца, сформированного из смеси песка и битума (8%) и уплотненного нагрузкой 40 МПа, составил 2,17 г/см^3, а объемный вес образца, сформированного из того же состава, но с добавкой воды в количестве 10% от веса минерального материала, – 2,22 г/см^3. С увеличением плотности увеличивается коэффициент внутреннего трения смеси, что и обусловливает повышение прочности образцов при сжатии. Благодаря присутствию воды, в минеральном материале происходят процессы гидролиза и гидратации, и в местах контакта зерен образуются жесткие кристаллизационные связи, что также приводит к повышению прочности асфальтобитумных смесей. Асфальтобитумные смеси с добавкой воды имеют хорошую тепло- и влагоустойчивость и характеризуются малым набуханием. Это дает основание полагать, что такое покрытие будет хорошо служить в зонах с неблагоприятными климатическими условиями. Высокая прочность образцов с добавкой воды позволяет проводить укладку смеси в сырую погоду и по влажному основанию.

Использование шлама ТЭЦ удешевляет стоимость строительства автомобильных дорог на 10–15%. Стоимость дорожного покрытия достигает 70% от общих затрат на сооружение дороги. Поэтому устройство дорожных покрытий из местных материалов и отходов промышленности является актуальной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Крешков А.П.*** Основы аналитической химии: Учеб. для студентов вузов. – 3-е изд., перераб. – М., 1970. – Т. 2. – 456 с.
2. ***СТБ 1033-96.*** Смеси асфальтобетонные дорожные; введ. 01.01.96. – Мн., 1996. – 16 с.
3. ***Спиридонов В.П., Лопаткин А.А.*** Математическая обработка физико-химических данных. – М., 1970. – 221 с.

SUMMARY

The author of the article has worked out the waste technology on the example of Vitebsk thermal utilization power station. It makes possible to produce asphalt and concrete for road construction.

Поступила в редакцию 30.03.2003

УДК 796.015

В.П. Кривцун

Сравнительная характеристика эффективности средств физической культуры для лиц умственного труда

Преобразование труда в условиях научно-технического прогресса предъявляет высокие требования к общеобразовательной и профессиональной подготовке людей. Интенсификация производственной и социальной деятельности неизбежно требует гармонизации физических, психических и умственных нагрузок людей, подбора и научного обоснования для этого средств физической культуры.

Развивающееся и постоянно меняющееся производство требует использования новых форм и средств физической культуры с целевой направленностью на развитие профессионально важных психофизиологических качеств и совершенствования профессиональной физической подготовки. Научные исследования и практика подтверждают, что работоспособность людей умственного труда во многом зависит от уровня развития таких психофизиологических качеств, как память, внимание, быстрота мышления, пространственное воображение и др.

В настоящем исследовании показана сравнительная эффективность занятий в трех экспериментальных группах с преимущественной направленностью занятий спортивным ориентированием, оздоровительным бегом и ритмической гимнастикой в сочетании с общеразвивающими упражнениями (ОРУ), спортивными и подвижными играми. Занятия в группах проводились по три раза в неделю в течение одного года. В процессе эксперимента было проведено 4 обследования испытуемых экспериментальных групп, из них одно фоновое и три повторных, через каждые 4 месяца. В эксперименте приняли участие женщины 30–50 лет, работники умственного труда. Изучение физического развития, физической подготовленности и физической работоспособности проводилось по 21 показателю, изучение психофизиологических профессионально важных качеств и умственной работоспособности проводилось по 18-ти показателям.

В процессе эксперимента использовался следующий комплекс методов исследования: 1) изучение и анализ литературных источников; 2) анкетный опрос; 3) педагогические наблюдения; 4) методы исследования психофизиологических профессионально важных качеств: а) переключение и распределение внимания по таблице Шульте-Горбова; б) тест на оперативное мышление В.Н. Пушкина; в) тест на кратковременную и оперативную память; 5) методы исследования профессиональной работоспособности: а) исследование подвижности нервных процессов по средствам теппинг-теста; б) электрокожное сопротивление (ЭКС); в) сложная зрительно-моторная реакция (динамохронорефлексометрия); г) квазиустойчивая разность потенциалов коры головного мозга (КУРП); д) экспертные оценки; 6) методы изучения физического состояния: а) физическое развитие (длина тела, масса тела, весоростовый индекс,

сила левой и правой кисти, становая сила); б) физическая подготовленность (прыжок в длину с места, сгибание и разгибание рук в упоре лежа на гимнастической скамейке, количество подъемов на гимнастическую скамейку за 5 минут); в) физическая работоспособность и состояние сердечно-сосудистой системы определялись по данным степ-тестирования; 7) изучение данных о заболеваемости в течении года; 8) методы математической статистики.

Во время эксперимента исследовалось влияние различных программ занятий физическими упражнениями с преимущественной направленностью занятий спортивным ориентированием на местности, оздоровительным бегом и ритмической гимнастикой в сочетании с общеразвивающими упражнениями, спортивными и подвижными играми на состояние различных функциональных систем организма работников умственного труда.

В ходе эксперимента было выявлено, что во всех экспериментальных группах после года занятий физическими упражнениями разной направленности произошли достоверные положительные изменения по всем исследуемым показателям. Сравнивая эффективность программ занятий разнонаправленными средствами физической культуры следует отметить, что психофизиологические качества испытуемых изменились следующим образом: наиболее значительное снижение времени выполнения задания в тесте «Переключение и распределение внимания» были отмечены в группах ориентирования и ритмической гимнастики, соответственно на 16,0 ± 0,62 с и 12,6 ± 0,64 с ($p < 0,001$). В группе оздоровительного бега время выполнения задания снизилось на 11,0 ± 0,70 с ($p < 0,001$).

В исследуемом показателе «оперативное мышление» количество ходов уменьшилось в группе ориентирования на 2,11 ± 0,07, в группе ритмической гимнастики – на 1,89 ± 1,10, в группе оздоровительного бега – на 1,83 ± 0,08 хода ($p < 0,001$).

В показателе теста «Кратковременная и оперативная память» наиболее значительное увеличение количества воспроизведенных фигур было отмечено в группе ритмической гимнастики, где этот показатель увеличился на 1,86 ± 0,20, в группе ориентирования – на 1,71 ± 0,18, в группе оздоровительного бега – на 1,50 ± 0,17 фигуры, при этом во всех опытных группах отмечены изменения достоверные ($p < 0,001$).

Таким образом, в исследуемых показателях психофизиологических профессионально важных качеств лиц умственного труда наиболее значительные изменения наблюдались в группе ориентирования на местности (в двух тестах), затем в группе ритмической гимнастики (в одном тесте). В группе оздоровительного бега также были отмечены достоверные улучшения исследуемых показателей, однако они были несколько ниже.

В процессе педагогического эксперимента было проведено поэтапное выявление влияния занятий физическими упражнениями с разной направленностью на такие показатели профессиональной работоспособности лиц умственного труда, как теппинг-тест, квазиустойчивая разность потенциалов коры головного мозга (КУРП), электрокожное сопротивление (ЭКС) и сложная зрительно-моторная реакция (динамохронорефлексометрия).

Наиболее выраженные изменения в показателе теппинг-теста произошли в группах ритмической гимнастики и ориентирования, где этот показатель увеличился, соответственно, на 8,3 ± 0,47 и 7,7 ± 0,81 движений ($p < 0,001$). В группе оздоровительного бега количество движений кистью увеличилось на 3,8 ± 0,99 ($p < 0,02$). Показатель КУРП наиболее выраженно увеличился в группе ориентирования на 22,3 ± 0,85 мВ, в группе ритмической гимнастики – на 18,4 ± 0,72 мВ, в группе оздоровительного бега – на 15,1 ± 0,69 мВ, что для всех групп было достоверным ($p < 0,001$).

В показателе «сложная зрительно-моторная реакция» (динамохронорефлексометрия) наиболее существенные положительные сдвиги были отмечены в группе ритмической гимнастики, где время реакции на сильный раздражитель уменьшилось на 161 ± 13.0 мл.с., на слабый раздражитель – на 126 ± 12,4 мл.с. ($p < 0.001$), в группе ориентирования время реакции на сильный раздражитель уменьшилось менее выраженно на 134 ± 8,2 мл.с., а на слабый раздражитель – на 70 ± 13,9 мл.с. ($p < 0,001$). В группе оздоровительного бега время реакции на сильный раздражитель снизилось на 116 ± 10,2 мл.с. ($p < 0,001$), а на слабый раздражитель время реакции достоверно не изменилось ($p > 0,05$).

Сравнивая эффективность влияния программ занятий в экспериментальных группах на физическое состояние испытуемых, нужно отметить следующие изменения.

Наиболее выраженно улучшение силовых показателей было отмечено в группе ритмической гимнастики, где сила правой кисти увеличилась на 6,0 ± 1,08 кг ($p < 0,001$), сила левой кисти – на 3,3 ± 1,04 кг ($p < 0,05$), становая сила – на 15,8 ± 4,47 кг ($p < 0,02$). Несколько ниже изменения названных показателей были отмечены в группе ориентирования, где сила правой кисти увеличилась на 3,8 ± 1,13 кг, сила левой кисти – на 3,0 ± 1,03 кг ($p < 0.05$), а становая сила – на 14.9 ± 3,46 кг ($p < 0,02$). В группе оздоровительного бега сила правой кисти увеличилась на 2,8 ± 1.05 кг, сила левой – на 2,9 ± 1,03 кг ($p < 0,05$), становая сила – на 19,6 ± 4,28 кг ($p < 0,01$).

В показателях «жизненная емкость легких» и «жизненный индекс» наиболее выраженные сдвиги произошли в группе ориентирования, где жизненная емкость легких увеличилась на 700 ± 70,2 $см^3$, а жизненный индекс увеличился на 11,2 ± 1,65 $см^3$/кг ($p < 0,001$). Несколько меньше увеличилась жизненная емкость легких и жизненный индекс в группе оздоровительного бега, соответственно, на 486 ± 66,7 $см^3$ и 9,8 ± 1,15 $см^3$/кг ($p < 0,001$), в группе ритмической гимнастики эти показатели увеличились, соответственно, на 214 ± 61.0 $см^3$ и 3.6 ± 1.24 $см^3$/кг ($p < 0,05$).

Наиболее значительные изменения показателей «задержка дыхания на вдохе и выдохе» отмечены в группе ориентирования, где они увеличились, соответственно, на 9 4 ± 1.59 с и 4,7 ± 0.95 с ($p < 0,001$), в группе оздоровительного бега задержка дыхания на вдохе увеличилась на 6.7 ± 1.22 с, на выдохе – на 4.1 ± 1,03 с ($p < 0.01$), в группе ритмической гимнастики, соответственно – на 3 7 ± 1.30 и 2.9 ± 0,94 с ($p < 0.05$).

Еще наиболее выраженно в группе ориентирования изменился показатель выносливости мышц кисти, где он улучшился на 6,2 ± 1,14 с ($p < 0,001$). В группе оздоровительного бега выносливость мышц кисти увеличилась на 5,9 ± 1,71 с ($p< 0,01$), в группе ритмической гимнастики – на 4,3 ± 0,91 с ($p < 0,01$).

В процессе проводимого эксперимента нами было выявлено поэтапное влияние занятий физическими упражнениями разной направленности на такие показатели сердечно-сосудистой системы и физической работоспособности, как частота сердечных сокращений в покое и после дозированной нагрузки (ЧСС), систолическое и диастолическое артериальное давление (АД) двойное произведение, максимальное потребление кислорода (МПК/ л/мин) и МПК (мл/мин.кг), индекс восстановления.

Так, ЧСС в покое наиболее выраженно снизилась в группе ориентирования на 6,5 ± 1,12 уд/мин ($p < 0,001$), в группе оздоровительного бега – на 5,5 ± 1,21 уд/мин ($p < 0,01$), в группе ритмической гимнастики – на 4,6 ± 0,99 уд/мин ($p < 0,02$). Во всех опытных группах после года занятий было отмечено изменение артериального давления в сторону его нормализации, хотя не во всех группах изменения были достоверными. Наиболее выраженно

нормализовалось систолическое и диастолическое АД в группе оздоровительного бега.

Рассматривая показатель «двойное произведение», характеризующий состояние сердечно-сосудистой системы и косвенно отражающий величину коронарного кровотока и потребление миокардом кислорода, следует отметить, что наиболее выраженно снизился этот показатель в группе оздоровительного бега на 49.1 ± 5,08 единиц ($p < 0,001$). Менее значительные сдвиги были отмечены в группе ориентирования, где показатель «двойное произведение» снизился на 24,4 ± 4,46 ($p < 0.01$), а в группе ритмической гимнастики – на 11.5 ± 4,96 единиц ($p < 0.05$).

Наиболее выраженные положительные изменения показателей МПК были отмечены в группе спортивного ориентирования, несколько ниже – в группе оздоровительного бега ($p < 0,01$) и далее – в группе ритмической гимнастики ($p < 0,05$). В показателе «индекс восстановления» наиболее выраженное увеличение индекса было отмечено в группе оздоровительного бега на 1,02 ± 0,10 единиц ($p < 0,001$), несколько меньше индекс увеличился в группе спортивного ориентирования – на 0,87 ± 0,09 единиц ($p < 0,001$) и еще меньше в группе ритмической гимнастики – на 0,58 ± 0,10 единиц ($p < 0,01$)

Таким образом, после года занятий во всех опытных группах было отмечено улучшение исследуемых показателей. Наиболее выраженно улучшились исследуемые показатели психофизиологических качеств и профессиональной работоспособности лиц умственного труда в группах с преимущественной направленностью занятий спортивным ориентированием и ритмической гимнастикой. Показатели, характеризующие физическое состояние лиц умственного труда, наиболее выраженно улучшились в группах с преимущественной направленностью занятий спортивным ориентированием и оздоровительным бегом.

Полученные нами данные позволяют сделать вывод, что наиболее эффективным средством (из числа исследуемых) для комплексного воздействия на организм занимающихся, развития психофизиологических качеств, улучшения профессиональной работоспособности и физического состояния лиц умственного труда являются занятия спортивным ориентированием, несколько ниже, по отдельным показателям, отмечена эффективность занятий оздоровительным бегом и ритмической гимнастикой в сочетании с ОРУ, спортивными и подвижными играми.

S U M M A R Y

A comparative analysis of the efficiency of recreational classes in running, rhythmical gymnastics, sport orientation with the elements of sports games is given in the article.

Поступила в редакцию 18.02.2004

В.Ю. Бароўка

У пошуках аптымальнай метадалогіі

Так можна вызначыць мэту VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Сучасная герменеўтыка і інтэрпрэтацыя мастацкага тэксту (лінгвістычны, літаратуразнаўчы і дыдактычны аспекты)», якая праходзіла 22–24 красавіка 2004 года ў Вільнюсе. Арганізатарамі навуковага форума сталі Вільнюскі педагагічны універсітэт, Люблінскі універсітэт імя М. Кюры-Складоўскай і Даўгаўпілскі універсітэт. У рабоце канферэнцыі прынялі ўдзел каля 70 навукоўцаў з розных еўрапейскіх краін (Беларусі, Латвіі, Літвы, Расіі, Чэхіі), самым шматлікім было прадстаўніцтва арганізатараў – Вільнюскага педагагічнага універсітэта і Даўгаўпілскага універсітэта. З беларускіх ВНУ на канферэнцыі прысутнічалі навукоўцы з Віцебска, Гомеля і Мінска.

Удзел у канферэнцыі даў магчымасць пазнаёміцца з найбольш запатрабаванай у сучаснай філалогіі метадалогіяй навуковых даследаванняў. Так, латвійскія вучоныя абапіраліся на прынцыпы структуралізму і кампаратывізму, нямецкія – на фенаменалагізм, польскія – на фенаменалагізм, псіхааналітызм, ідэі рэцэптыўнай крытыкі і дэканструктывізму, чэшскія – на кампаратывізм у спалучэнні з фенаменалагізмам, беларускія – на ідэі псіхалагічнай школы, сацыялагізм і структуралізм, літоўскія – на герменеўтыку. Дарэчы, канферэнцыя праходзіла падчас падрыхтоўкі нашымі калегамі з Літвы матэрыялаў для дзяржаўных выпускных экзаменаў. Па словах выкладчыкаў Вільнюскага педагагічнага універсітэта, іх студэнты здаюць выпускны экзамен па літаратуры шляхам аналізу мастацкага тэксту, у працэсе якога неабходна паказаць спецыфіку эпохі, адметнасць аўтарскага стылю і адметнасць канкрэтнага мастацкага твора.

Канферэнцыя доўжылася тры дні, у першы дзень былі заслуханы даклады на пленарным пасяджэнні такіх аўтарытэтных літаратуразнаўцаў, як Ф. Фёдараў, Ю. Новікас, І. Трафімаў, В. Кавальчык, у наступныя два дні ўдзельнікі працавалі ў трох секцыях «Інтэрпрэтацыя і рэінтэрпрэтацыя тэксту ў свеце праблемы «Я» і «Іншы», «Інтэрпрэтацыя і сэнс: аўтар – твор – чытач», «Мастацкі тэкст – настаўнік – вучань (дыдактычныя аспекты)». Варта падкрэсліць, што даклады дэталёва абмяркоўваліся. Абмеркаванне дакладаў яшчэ раз даказала, што выбар метадалогіі залежыць не толькі ад моды, пануючых традыцый, а найперш ад асаблівасцей «эстэтычнага аб'екта». На пасяджэнне секцыі «Мастацкі тэкст – настаўнік – вучань (дыдактычныя аспекты)» арганізатары запрасілі прадстаўнікоў Міністэрства адукацыі Літвы для таго, каб не разыходзіліся тэорыя з практыкай.

Лічу, што ўдзел у сур'ёзных навуковых канферэнцыях – адна з формаў павышэння навуковага ўзроўню выкладчыка ВНУ, бо дазваляе пазнаёміцца з шырокім спектрам тэарэтычных і метадалагічных напрацовак калег з розных краін свету.

В.Ф. Падстаўленка

IV Міжнародныя навуковыя чытанні «Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце»

(да 210-годдзя з дня нараджэння)

Плённае развіццё добрых традыцый, безумоўна, з'яўляецца пазітыўным фактам у нашым супярэчліва-дынамічным жыцці. Яскравым прыкладам гэтай думкі могуць выступіць рэгулярныя Міжнародныя канферэнцыі, прысвечаныя творчасці Яна Баршчэўскага.

Прыемна адзначыць, што 18 мая 2004 г. адбыліся ўжо чацвёртыя чытанні «Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце», прымеркаваныя да 210-х угодкаў з дня нараджэння аднаго з самых адметных польска-беларускіх творцаў першай паловы XIX стагоддзя.

Нагадаем, што ўпершыню літаратурна-краязнаўчая канферэнцыя па творчасці гэтага пісьменніка прайшла ў лістападзе 1996 г. у в. Гарбачэва Расонскага раёна. Праз некаторы час (у лістападзе 1998 г.) прыхільнікі таленту Яна Баршчэўскага сабраліся ў Полацку. І вось ужо двойчы (у снежні 2000 г. і селета) вучоных-баршчэўскаznаўцаў гасцінна прымаў Віцебск. Традыцыйна арганізатарамі Міжнародных чытанняў выступілі УА «ВДУ імя П.М. Машэрава» і Польскі інстытут у Мінску. Дарэчы, дырэктар апошняй з пералічаных устаноў – Цэзарый Карпіньскі ўдзельнічаў у працы канферэнцыі.

Жаданне выступіць на IV Міжнародных навуковых чытаннях «Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце» выказалі вучоныя Мінска, Варшавы, Брэста, Гомеля, Магілёва, Полацка.

На адкрыцці канферэнцыі з прывітальным словам да прысутных звярнуўся рэктар УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», прафесар А.У. Русецкі. На пленарным пасяджэнні былі заслуханы даклады і паведамленні аўтарытэтных вучоных – літаратуразнаўцаў і вядомых дзеячаў культуры: дырэктара Інстытута літаратуры імя Я. Купалы НАН Рэспублікі Беларусь, акадэміка У.В. Гніламёдава («Беларуская кампаратывістыка на сучасным этапе развіцця айчыннага літаратуразнаўства»), загадчыка кафедры беларускай філалогіі Варшаўскага універсітэта, прафесара А. Баршчэўскага («Суіснаванне фантастычнага і рэалістычнага ў мастацкай прозе Яна Баршчэўскага»), загадчыка кафедры гісторыі беларускай літаратуры БДУ, дацэнта М.В. Хаўстовіча («Мастацкі метад Яна Баршчэўскага і развіццё літаратуры 30–40-х гадоў XIX стагоддзя»), загадчыка кафедры біялогіі ВДУ імя П.М. Машэрава, прафесара А.М. Дарафеева («Ян Баршчэўскі: погляд у будучыню»), члена Саюза пісьменнікаў Беларусі С.С. Панізніка («Міфалогія і літаратура: паэтычнае прачытанне праблемы»).

Далейшая праца IV Міжнародных чытанняў адбывалася ў дзвюх секцыях: літаратуразнаўчай і культуралагічна-лінгвістычнай. Былі прадстаўлены індывідуальныя навуковыя даследаванні гасцей канферэнцыі, выкладчыкаў нашага універсітэта і (што таксама важна падкрэсліць!) студэнтаў. Актыўны ўдзел у працы чытанняў прынялі выкладчыкі і аспіранты кафедры беларускай літаратуры УА «ВДУ імя П.М. Машэрава» (імі было падрыхтавана 11 дакладаў).

У якасці культурнай праграмы ўдзельнікі канферэнцыі змаглі наведаць сядзібу І. Рэпіна ў Здраўнёва. Тут іх чакала вялікая пазнавальная экскурсія, прысвечаная жыццю і творчасці славутага рускага мастака.

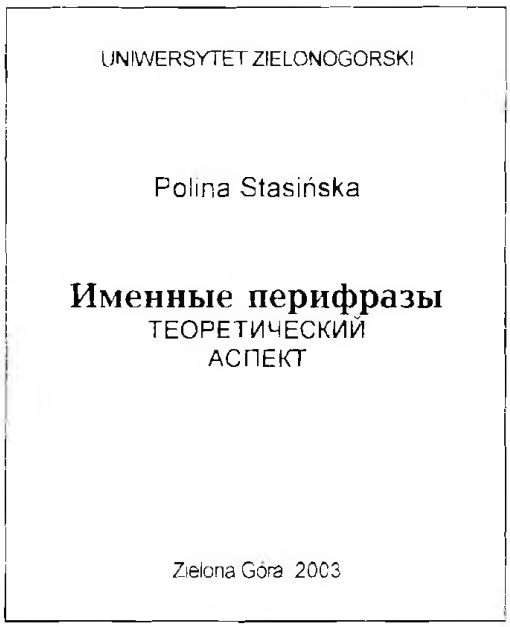
Праведзеныя IV Міжнародныя навуковыя чытанні «Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце» адлюстроўваюць не толькі значную цікавасць даследчыкаў да асобы гэтага творцы, сведчаць пра актуальнасць яго пісьменніцкай спадчыны ў сучасным літаратурным працэсе, але і выяўляюць перспектыўнасць новых навуковых пошукаў у гэтым напрамку.

Крытыка

В.А. Маслова

Новая книга о русских перифразах

Полина Стасиньска. Именные перифразы. Теоретический аспект. – Зелена Гура. 2003. – 204 с.



Парадоксально, что перифраз до сих пор не имеет в русистике не только логичной и непротиворечивой концепции, но и четкого определения этого явления, хотя в последние десятилетия наблюдается большая распространенность его в жизни языка. Насколько нам известно, последние серьезные работы по данной проблеме – работы Д.Э. Розенталя и Ю.А. Бельчикова – датированы 80-ми годами прошлого века. Поэтому обращение к данной теме польского исследователя Полины Стасиньской вызывает уважение: действительно необходимо детальное изучение причин активизации этого явления.

Центральной задачей автора данной работы стал именно теоретический аспект проблемы: прослежены и осмыслены варианты употребления в научной литературе данного термина от Аристотеля до наших дней; показаны наиболее важные этапы развития учения о перифразе; установлен характер соотношений перифраза со словом, фразеологизмом, свободным сочетанием, тропом.

Свидетельством высокого коммуникативного потенциала перифраза является его активность в публицистике, что и было показано автором на многочисленных ярких примерах.

Ценной частью исследования является доказанное автором положение о том, что корпус перифразов постоянно изменяется, одни перифразы сменяются другими в соответствии с коммуникативными потребностями общества под влиянием как экстралингвистических, так и внутриязыковых факторов.

Особую ценность, как нам кажется, представляет вторая глава, посвященная когнитивной основе перифрастической номинации.

Отрадно отметить, что автору удалось уловить и описать специфику категоризации реальной действительности разными языками (польским и русским) в процессе перифрастической номинации, выявить универсальное и национально-культурное во вторичной перифрастической номинации. Автором было установлено, что в перифрастической номинации отражены особенности образно-ассоциативных механизмов носителей разных языков, а также национальная специфика языковой картины мира народов. Прекрасно подобранные примеры убеждают читателя в верности рассуждений автора, делают книгу живой и интересной.

Таким образом, рецензируемая книга предлагает читателю-лингвисту обратиться к важной и благодатной теме и расставляет важные акценты в исследовании данной проблемы.

О.С. Аранская

(к 60-летию со дня рождения)

Ольга Степановна Аранская родилась 25 июня 1944 г. в деревне Дворище Наровлянского района Гомельской области. Закончив в 1960 г. Вербовичскую СШ, она училась на курсах Гомельского областного института усовершенствования учителей, после которых работала старшей пионервожатой Юровичского детского дома в Калинковичском районе (о чем свидетельствует книга «Память: Наровлянский район» (Мн., 1998).

В 1961 г. О.С. Аранская поступила на химический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, специальность «Химия и основы химического производства». По окончании МГПИ в 1966 г. она была распределена в Витебский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова, с которым связана вся ее последующая деятельность.

В 1969 г. О.С. Аранская поступила в аспирантуру при кафедре органической химии МГПИ, где под руководством профессора В.А. Измаильского и доцента А.В. Белоцветова в 1974 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Синтез и исследование спектральных и красящих свойств производных N-арилфталимидов».

За свою долгую трудовую биографию в нашем вузе О.С. Аранская, кроме химической технологии и органической химии, вела методику преподавания химии, а также оригинальные авторские спецкурсы «Политехническое образование, трудовое воспитание и профориентация школьников при обучении химии», «Подготовка школьников к труду при обучении химии», «Экологическая подготовка школьников при обучении химии», «Экология современного производства», факультатив «Творческое развитие школьников при обучении химии». О.С. Аранская неоднократно повышала квалификацию, стажируясь на кафедре педагогики высшей школы МГПИ у профессора В.А. Сластенина, на кафедре неорганической химии и методики преподавания химии МГПИ у профессора Г.М. Чернобельской, в лаборатории подготовки учителя-исследователя НИИ общей педагогики АПН СССР у профессора Л.И. Рувинского. Преподавательский опыт и авторитет в педагогической среде города, области и республики позволили О.С. Аранской в течение четырнадцати лет участвовать в работе секции естественных дисциплин Учебно-методического объединения Министерства образования СССР.

О.С. Аранская – организатор ряда известных научных мероприятий. Осенью 2001 г. совместно с учеными Российской Федерации она организовала недельный научно-практический семинар «Проблемы и перспективы преподавания химии: интеграция образовательных систем России и Беларуси» с выездом в Полоцкий район. Она явилась инициатором межкафедральной научной темы «Творческое саморазвитие личности в системе образования

«школа-вуз» (регистрационный № 20032084), на базе которой впоследствии была организована региональная межвузовская научно-исследовательская лаборатория. В состав лаборатории О.С. Аранской вошло 35 исследователей, в том числе преподаватели кафедр педагогики, психологии, химии, географии, декоративно-прикладного искусства, начертательной геометрии и технической графики ВГУ им. П.М. Машерова, преподаватели Полоцкого государственного университета, Института современных знаний, заслуженные учителя и учителя-методисты Беларуси, магистранты и студенты. Об успехе лаборатории красноречиво говорят 22 акта внедрения ее разработок, 6 из которых используются в других странах.

О.С. Аранская – автор 130 печатных работ. Среди них 5 монографий, 11 учебных пособий, в том числе 4 с грифами Министерств образования БССР и СССР, 4 типовые учебные программы, одна из которых в настоящее время рекомендована учебно-методическим объединением Министерства образования Беларуси по химической технологии, 1 патент и 4 авторских свидетельства СССР на изобретения. Одна из работ – статья «Игровые технологии в формировании здорового образа жизни» в журнале «За здаровы лад жыцця» удостоена премии Детского фонда мира ЮНИСЕФ (2002).

О.С. Аранская награждена почетными грамотами Министерства просвещения СССР, Министерства образования и Министерства охраны природы и природных ресурсов Беларуси, нагрудным знаком «Изобретатель СССР», медалью «Ветеран труда», дипломом конкурсной программы «Соросовский доцент». Свой творческий юбилей Ольга Степановна встречает с энтузиазмом и новыми научными инициативами в окружении коллег и благодарных учеников – подготовленных ею трех кандидатов наук и пяти магистров.

Научный коллектив лаборатории «Творческое саморазвитие личности в системе образования: школа–вуз» Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

С 21 по 27 марта 2004 г. в Дрезденском техническом университете (Германия) состоялась Международная научная конференция «GAMM 2004» Международного общества прикладной математики и механики GAMM. Подобные конференции проходят ежегодно в крупнейших университетах Европы. Так, в прошлом году она проходила в старейшем университете Европы в г. Падуя (Италия). Целью этих конференций является обмен мнениями ученых разных стран о последних достижениях в наиболее перспективных направлениях прикладной математики и механики, а также выбор членами GAMM новых президента, вице-президента и казначея данного научного общества.

Начиная с 2001 года, активное участие в ежегодных научных форумах GAMM принимает проректор по научной работе УО «ВГУ имени П.М. Машерова», доктор физико-математических наук Г.И. Михасев, являющийся членом GAMM с 1999 года. На конференции, проходившей в Дрезденском техническом университете, проф. Г.И. Михасев принял участие в работе секции «Последние достижения и проблемы в аудиторной механике», выступив с совместным докладом «Modeling of the Dynamic Behavior of the Reconstructed Middle Ear Taking into Account its Initial Strain-Stress State», посвященном моделированию динамического поведения среднего уха после его хирургической реконструкции. Содокладчики – доктор медицинских наук, профессор В.П. Ситников (Институт болезней уха, горла и носа, Санкт-Петербург), а также М. Фирсов и С. Ермоченко (соответственно аспирант и студент V курса нашего университета). Состоялись также многочисленные встречи проф. Г.И. Михасева с известными в Европе специалистами по моделированию среднего уха – профессором Р. Шмидтем (R. Schmidt, Дрезденский технический университет) и доктором А. Ойбером (A. Eiber, Штутгартский университет). Ученые обсуждали возможность совместных исследований в области аудиторной механики (при участии немецких специалистов и аспирантов нашего университета). В частности, достигнуто соглашение о совместном исследовании по определению начальных напряжений, вызванных введением слухового протеза. Запланирована публикация результатов данных исследований в зарубежном журнале «Audiology& Neuro-Otology».

А.И. Матеюн

16–18 апреля 2004 г. состоялась учебно-ознакомительная поездка группы студентов и преподавателей университета, изучающих польский язык, в Польшу. Участники поездки ознакомились с достопримечательностями польской столицы – Варшавы, с загородной резиденцией польских королей в Вилянуве, были приняты в Управлении вузов Министерства национального образования и спорта Республики Польша. Организовал поездку туристический центр университета «Мара».

Ф.И. Шкирандо

22–23 апреля на базе филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова состоялась Республиканская научно-практическая конференция «Иностранные языки в школе и вузе: теория и практика». Организаторами выступили кафедры иностранных языков, английского, немецкого языков и кафедра общего и русского языкознания. На конференции было представлено более 140 докладов. На пленарном заседании с научными докладами выступили профессор, доктор филологических наук В.А. Маслова (Витебск), профессор, кандидат педагогических наук А.Ф. Будько (Минск), доцент, кандидат психологических наук И.А. Бубнова (Минск), доцент, кандидат филологических наук Т.Г. Дементьева (Минск), первый заместитель начальника управления образования Витебского облисполкома Л.М. Степанов.

В работе одиннадцати секций конференции приняли участие более ста представителей ведущих вузов Республики Беларусь, таких, как БГУ, МГЛУ, ГрГУ, БрГУ, БГЭУ и других. За два дня работы был обсужден широкий круг проблем, связанных с современными технологиями и методиками в обучении иностранным языкам в системе профессиональной подготовки, с обучением русскому языку как иностранному; рассматривались и анализировались теоретические аспекты английского, немецкого, французского и польского языков, поднимался вопрос о роли лингвострановедения и межкультурной коммуникации в обучении иностранным языкам, а также обсуждались психолого-педагогические аспекты обучения иностранным языкам.

Основными результатами работы конференции являются решение о дальнейшем сотрудничестве ученых и преподавателей филологического факультета ВГУ им. П.М. Машерова с их коллегами из других вузов республики и издание сборника материалов по проблемам изучения иностранных языков в школе и вузе.

О.Н. Кулиева, И.А. Юрченко

С 27 марта по 18 апреля по приглашению Президента Канадского общества Международной ассоциации белорусистов профессора, доктора филологии Зины Гимпелевич (кафедра германской и славянской филологии) находилась в Университете Ватерлоо (Канада) заведующая кафедрой общего и русского языкознания, профессор, доктор филологических наук ВГУ им. П.М. Машерова А.М. Мезенко.

Результатом пребывания явилось подписание соглашения о сотрудничестве между нашим университетом и Университетом Ватерлоо. Обсуждались проблемы последипломного образования, обмена студентами и преподавателями, оказания взаимопомощи в повышении квалификации ученых, преподавателей и иных категорий работников, в также вопросы организации совместных научных исследований, конференций, семинаров и обмена публикациями, научной, научно-технической, учебной, учебно-методической литературой, периодическими изданиями.

• Напрыканцы красавіка ажно тры беларускія літаратары завіталі ў Віцебскі дзяржаўны універсітэт імя П.М. Машэрава на сустрэчу з чытачамі: вядомы празаік і грамадскі дзеяч Алесь Савіцкі, дырэктар радыёстанцыі "Беларусь", паэт Навум Гальпяровіч і дырэктар Беллітфонду Вячаслаў Корбут.

Госці расповядалі аб сучасным стане літаратурнага працэсу ў краіне, пра складанасці, з якімі сутыкаюцца сённяшнія майстры слова, выказалі ўласны пункт гледжання на падзеі, звязаныя з работай Саюза пісьменнікаў Беларусі.

Акрамя гэтага наш зямляк 80-гадовы Алесь Ануфрыевіч Савіцкі падзяліўся ўспамінамі пра падзеі ўласнага ваеннага жыцця, звязаныя з актыўным удзелам пісьменніка ў партызанскім руху, вызваленні Літвы, Польшчы і баях за ўзяцце Берліна.

● Четырнадцатый Международный фестиваль хоровых коллективов славянских государств «Превидза спева», прошедший в конце мая в Словакии, стал триумфальным для образцового детского хора «Мара» гимназии № 3 г. Витебска (руководитель – доцент кафедры хорового дирижирования и вокала ВГУ им. П.М. Машерова Б.Г. Кожевников).

Юные белорусские вокалисты завоевали на представительном форуме второе место. В Братиславу коллектив из Витебска, участникам которого от 13 до 23 лет, был приглашен оргкомитетом фестиваля после конкурсного отбора, проходившего в заочной форме (прослушивание аудиозаписей) в феврале. В этом году в кафедральном соборе словацкой столицы выступили одиннадцать славянских хоров разных возрастных групп, которые исполняли классическую, народную и духовную музыку.

Репертуар «Мары» был также разнообразен: духовная музыка белорусских и русских композиторов, белорусские народные песни в обработке Б.Г. Кожевникова.

Высокий уровень исполнительского мастерства единственных посланцев Республики Беларусь отметили организаторы мероприятия и присутствовавший на концерте Чрезвычайный и Полномочный посол нашей страны в Словацкой Республике В.И. Воронецкий.

А.Н. Фенченко

Рэфераты

УДК 947.6 «1942-1944»

Зыбин С.Ю. Освобождение Беларуси (хроника основных событий) // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 3–8.

Отражены основные этапы операции «Багратион», которая сыграла важную военно-стратегическую роль в ходе Великой Отечественной войны. Раскрываются подготовка, цели и задачи, поставленные Верховным Главнокомандованием. В материале повествуется о героизме и мужестве советских солдат и офицеров, партизан, освобождавших белорусские города и деревни.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 316.66

Гащенко Л.А. Патриотическая идеология и ее составляющие // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 9–14.

Анализируются сущность патриотической идеологии, ее составляющие, функции и роль в жизнедеятельности общества.

Рис. – 3. Библиогр. – 4 назв.

УДК 316.33

Орлов В.И. Социальные функции бизнеса в современном обществе // Веснік ВДУ, 2004. № 2(32). С. 15–22.

Анализируются стабилизационная, антитоталитаристская, селекционная, гносеологическая и другие социальные функции, выполняемые бизнесом в современном обществе. Показывается, что частная собственность на средства производства является тем главным отношением, которое детерминирует социальную роль бизнеса.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 130.2:8

Уткевіч В.І. Міфалогія і мастацкая літаратурная творчасць // Веснік ВДУ, 2004. № 2(32). С. 23–28

Даследуюцца розныя погляды на суадносіны міфалогіі і літаратуры. Сама міфалогія разглядаецца як сінкрэтычны вобраз свету, які яднае мінулае і цяперашняе, а таксама накіраваны ў будучыню. Абапіраючыся на такое разуменне, аўтар аналізуе розныя формы ўплыву міфалогіі на развіццё мастацкай літаратурнай творчасці.

Бібліягр. – 12 назв.

УДК 930:801

Миницкий Н.И. Текст исторического источника: когнитивные модели // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 29–37.

Подробно анализируются методология и методика работы с текстом исторического источника, различные подходы к исторической текстологии и историческому источниковедению, концептуальная стратегия обработки исторических текстов, а также роль междисциплинарных связей в восприятии и построении текстов исторической литературы.

Библиогр. – 21 назв.

УДК 259 – 26/28

Добжинская Т.В. Роль Высшего Старообрядческого Совета в Польше в довоенный период (1927–1929 гг.) // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 38–41.

Рассматривается деятельность Высшего Старообрядческого Совета в Польше (далее ВСС) в довоенный период (1927–1929 гг.) и его роль в становлении духовной жизни защитников старого обряда. Описывается история создания ВСС и основные этапы его деятельности. Показано также, как менялось отношение польского государства к старообрядцам после создания ВСС.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 130.2

Чеснокова О.И. Методология анализа проблем пола и гендера в славянской культуре XX века // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 41–47.

Дается анализ различных философских парадигм и методологических подходов к проблеме пола/гендера в современной славянской культуре. Автор выявляет три типа отношений к гендерным исследованиям, которые существуют на постсоветском пространстве на рубеже XX–XXI вв.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 339.16.012.32(476)(091)+334.722.8(476)(091)

Полетаева Н.И. Купечество Беларуси: источники формирования (60-е гг. XIX – начало XX вв.) // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 48–53.

Рассказывается об основных источниках формирования купеческого сословия белорусских губерний. С помощью неизвестных ранее материалов воссоздается история купеческой сословной группы, конкретизируется проблема формирования буржуазных слоев в дореволюционной Беларуси. Для анализа ситуации использованы списки купцов по городам и уездам, материалы переписки населения 1997 г. Выделена тенденция периодического перенесения коммерческих интересов и деятельности купцов из одних регионов в другие.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 37.016:502(476)(09)

Минаева В.М. Развитие методики преподавания природоведения в Беларуси в 80–90-е годы XX века // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 54–57.

Работа посвящена рассмотрению вопроса о том, что было сделано методистами нашей республики для совершенствования преподавания природоведения в начальной школе в 80–90-е годы XX века.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 371.132

Гайковая О.Л. Педагогические условия подготовки студентов к формированию социально-нравственной устойчивости подростков // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 58–62.

Определены педагогические условия системной подготовки будущего учителя к формированию социально-нравственной устойчивости личности учащихся-подростков. Выявлены особенности образовательной среды классического университета и ее воспитательный потенциал.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 371.398 + 371.036

Рачинский С.В. Художественно-эстетическое направление в системе дополнительного образования на современном этапе // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 62–66.

Изучаются проблемы в системе дополнительного образования, находящейся на современном этапе стадии научно-педагогического осмысления. Особое внимание уделяется художественно-эстетическому дополнительному образованию.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 316.622

Кухтова Н.В. Возрастные и гендерные различия в проявлении просоциального поведения // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 66–71.

В данной работе нашли отражение возрастные и гендерные различия в появлении просоциального поведения. Проделан теоретический анализ развития просоциального поведения от младенчества до взрослой жизни, а также дается описание гендерных различий в проявлении просоциального поведения, механизмов его возникновения и проявления во взаимодействии с другими людьми.

Библиогр. – 14 назв.

УДК 371.671.1

Васюковіч Л.С. Інтэрпрэтацыя мастацкага тэксту падручніка як вучэбна-пазнавальная дзейнасць // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С 72–76.

У дыдактычным плане даследуецца методыка чытання і аналізу мастацкага тэксту як кампанента школьнага падручніка па беларускай мове. Аўтар кваліфікуе інтэрпрэтацыю тэксту як спецыфічную вучэбна-пазнавальную дзейнасць, што прадугледжвае як заданні, скіраваныя на ўразуменне прадметнага, вобразнага зместу, так і практыкаванні, што фарміруюць уласную, асобасную ацэнку прачытанага.

Паўнацэннасць асэнсавання тэксту залежыць ад узроўню засваення прыёмаў сэнсавай перапрацоўкі мастацкай інфармацыі.

Бібліягр. – 8 назв.

УДК 808.2(091)

Трофимович Т.Г. К изучению нумерально-темпоральных наименований старорусского делового языка // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 76–83.

Рассмотрены нумерально-темпоральные наименования языка старорусской деловой письменности. Выявлены основные особенности их ономасиологической структуры, характер ономасиологического признака и способы его экспликации в производных универбальных и бивербальных наименованиях.

Библиогр. – 22 назв.

УДК 882(091)

Голубович Н.В. Сатирическая условность в прозе М.А. Булгакова 1920-х годов // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 83–90.

Художественным принципом М.А. Булгакова в 1920-е годы является комически разоблачительная типизация, присущая сатирическому типу условности. Сатирическая модель реальности создается при помощи реализованной метафоры, гиперболы, алогизма, символа, сатирического гротеска, фантастики. Булгаковская фантастика в этот период имеет специфический характер. Рационально-логическая посылка, образная система и другие атрибуты научной фантастики (НФ), использованные в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» с целью переосмысления канонов и штампов НФ, лишь формально соответствуют фантастическому типу условности, в действительности же играют вспомогательную функцию в создаваемой сатирической модели реальности.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 792.028

Котович Т.В. Театр и ритуал // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 91–96.

То, что театр зарождается в ритуале и выделяется из него, одни исследователи полагают действительным (А. Авдеев), другие – опровергают (Ю. Барбой). Автор предлагаемой работы склонен опираться на обоснования первых, исходя из чего рассматривает генезис театра как распадение структуры ритуала и вычленение из нее пространства/времени собственно театра. Этот процесс происходит благодаря тому, что ритуал содержит в себе информацию кодового значения, которая позволяет сформировать особое пространство/время. В нем структурируется система «актер – художественная форма – зритель», где каждый элемент представляет собой еще и самостоятельную сложную систему.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 75.03(09)

Медвецкий С.В. Особенности развития белорусской станковой живописи в 1990-е годы // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 97–103.

Останавливаясь на основных этапах эволюции художественного образа в белорусской живописи 1990-х годов, следует отметить его многосоставность. В произведениях этих лет заметно некое промежуточное состояние композиционно-пластической структуры. Художник по традиции начинает работать над «темой», отталкиваясь от общей идеи, но увлекаемый конкретной человеческой ситуацией, создает произведение, ярко окрашенное субъективным подходом к материалу. При обретении статуса независимой личности художники девяностых сформировали искусство глубокого социального видения, обладающего новым художественным языком, оригинальной формой образности. Тревога о человеческом существовании, социальные метаморфозы, стратегия выживания становятся особо актуальными проблемами для белорусского искусства 1990-х годов.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 512.542

Савельева Н.В., Воробьев Н.Т. О максимальных подклассах нормального класса Фиттинга // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 104–107.

Класс Фиттинга $\mathfrak{F}$ называется нормальным, если в любой группе G подгруппа $G_{\mathfrak{F}}$ является $\mathfrak{F}$-максимальной подгруппой G. Доказано, что каждый максимальный подкласс Фиттинга нормального класса Фиттинга является нормальным.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 512.542

Задорожнюк Е.А. О *p*-сверхразрешимости конечных групп // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 107–111.

В работе доказано, что если в *p*-разрешимой группе *G*, где $p \neq 2$, существует нормальная подгруппа *N*, такая, что факторгруппа *G/N* *p*-сверхразрешима, и если для любой нециклической *p*-подгруппы *A* из *N* все ее минимальные подгруппы пронормальны в *G*, то группа *G* *p*-сверхразрешима.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 517.956

Прохожий С.А. Об однозначной разрешимости задачи Коши для уравнения фильтрации с конвекцией и поглощением // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 111–119.

Рассматривается задача Коши с неотрицательной непрерывной начальной функцией для уравнения $u_t = a(u^m)_{xx} + b(u^n)_x - cu^p$, где $m \geq n \geq 1 > p > 0$, a, b, c – положительные постоянные. Доказывается ряд теорем существования и единственности растущих на бесконечности обобщенных решений задачи Коши для различных соотношений показателей m, n, p.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 677.026.42

Локтионов А.В., Буткевич В.Г., Мачихо Т.А. Исследование процесса смешивания волокнистых компонентов при формировании нетканых полотен // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 120–123.

Предлагаемая работа посвящена решению одной из основных задач при формировании нетканых полотен из волокнистых отходов – разработке процесса смешивания и формирования смеси требуемого качества. Для выявления модели процессов смешивания получен аналитический закон распределения материала по площади смесовой шахты. Рекомендованы подтвержденные экспериментально оптимальные параметры работы смесовой камеры.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 548.0

Дунина Е.Б., Корниенко А.А., Контарева О.А. Анализ параметров интенсивности люминесцентных и абсорбционных переходов Eu^{3+} в $YAlO_3$ // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 124–127.

Выполнен анализ экспериментальных значений параметров интенсивности иона Eu^{3+} для люминисцентных и абсорбционных переходов. Параметры интенсивности для люминисцентных и абсорбционных переходов этого иона имеют разное значение. Это противоречит выводам теории интенсивностей и приближений Джадда-Офельта. Показано, что непротиворечивое описание экспериментальных значений может быть получено в приближении промежуточного конфигурационного взаимодействия. В этом приближении теории интенсивностей более корректно учитывается влияние возбужденных конфигураций.

Табл. – 2. Библиогр. – 6 назв.

УДК 539.2

Буйнов Н.С., Иванов В.С. Спектр элементарных возбуждений в системе осцилляторного типа // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 128–130.

Проведено исследование воздействия бозонного поля на систему осцилляторного типа в случае нелинейного взаимодействия. С помощью метода функций Грина получен спектр элементарных возбуждений системы, а также температура, при которой возможен фазовый переход.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 595.782 (476)

Пискунов В.И., Солодовников И.А. Уточнение перечня видов выемчатокрылых молей (Lepidoptera, Gelechiidae) Беларуси // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 131–138.

По результатам обработки сборов на светоловушку 2003 года, отдельных сборов более ранних лет из Мядельского, Витебского и Сенненского районов Минской и Витебской областей впервые для фауны Беларуси указаны 6 видов семейства *Gelechiidae*. Один вид этого семейства из региональной фауны изъят как неправильно детерминированный, определение еще одного вида уточнено; для 4 редких видов, ранее известных в республике, приведены новые места находок на территории Витебской обл. Изученный материал хранится в биологическом музее ВГУ им. П.М. Машерова (Витебск), в зоологическом музее БГУ (Минск) и в Зоологическом институте РАН (Санкт-Петербург). Всего в фауне Беларуси известно 137 видов Gelechiidae.

Рис. – 3. Библиогр. – 20 назв.

УДК 667.633

Гречаников А.В., Платонов А.П., Ковчур С.Г. Утилизация отходов ТЭЦ // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 138–142.

Исследован состав отходов, образующихся при водоподготовке на ТЭЦ г. Витебска. Содержание тяжелых металлов в отходах определено с помощью атомно-эмиссионного анализа. Установлено, что содержание тяжелых металлов не превышает допустимых санитарных норм. Разработана технология утилизации отходов ТЭЦ с целью изготовления асфальтобетона, в котором все минеральное связующее (доломитовый порошок) заменено шламом продувочной воды. Замена доломитового порошка шламом не приводит к ухудшению физико-механических свойств асфальтобетона и удешевляет стоимость строительства автомобильных дорог.

Рис. – 1. Табл. – 3. Библиогр. – 3 назв.

УДК 796.015

Кривцун В.П. Сравнительная характеристика эффективности средств физической культуры для лиц умственного труда // Веснік ВДУ, 2004, № 2(32). С. 143–146.

Дается сравнительный анализ оздоровительных занятий спортивным ориентированием, оздоровительным бегом и ритмической гимнастикой в сочетании с общеразвивающими упражнениями, спортивными и подвижными играми.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Арлоў Валерый Іванавіч – кандыдат філасофскіх навук

Буйноў Мікалай Сяргеевіч – кандыдат фізіка-матэматычных навук, старшы навуковы супрацоўнік, дацэнт кафедры агульнай і тэарэтычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава

Буткевіч Вячаслаў Гар'евіч – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт кафедры тэарэтычнай механікі і ТММ ВДТУ

Вараб'ёў Мікалай Цімафеевіч – доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар, загадчык кафедры алгебры і методыкі выкладання матэматыкі ВДУ імя П.М. Машэрава

Васюковіч Людміла Сяргееўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава

Гайкавая Вольга Леанідаўна – аспірантка кафедры педагогікі ВДУ імя П.М. Машэрава ВДУ імя П.М. Машэрава

Галубовіч Ніна Васільеўна – старшы выкладчык кафедры літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава

Гашчанка Леанід Аляксеевіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава

Грачанікаў Аляксандр Віктаравіч – аспірант ВДТУ

Дабжынская Таццяна Вячаславаўна – аспірантка кафедры культуралогіі БДУ імя А.С. Пушкіна

Дуніна Алена Браніславаўна – кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт кафедры агульнай і тэарэтычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава

Задаражнюк Алена Андрэеўна – аспірантка кафедры вышэйшай матэматыкі БДУ транспарту

Зыбін Сяргей Юр'евіч – старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава

Іваноў Уладзімір Сяргеевіч – студэнт V курса фізічнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава

Кантарова Вольга Аляксандраўна – студэнтка IV курса фізічнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава

Карніенка Аляксей Аляксандравіч – доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар, загадчык кафедры агульнай і тэарэтычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава

Катовіч Таццяна Віктараўна – кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава

Коўчур Сяргей Грыгор'евіч	– доктар тэхнічных навук, прафесар, загадчык кафедры аховы працы і прамэкалогіі ВДТУ
Крыўцун Валянцін Пятровіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і методыкі фізічнай культуры і спорту ВДУ імя П.М. Машэрава
Кухтова Наталля Валянцінаўна	– аспірантка кафедры псіхалогіі і карэкцыйнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
Лакціёнаў Анатолій Васільевіч	– доктар тэхнічных навук, прафесар, загадчык кафедры тэарэтычнай механікі і ТММ ВДТУ
Мачыха Таццяна Афанасьеўна	– аспірантка ВДТУ
Мінаева Вера Міхайлаўна	– кандыдат педагагічных навук, прафесар, загадчык кафедры педагогікі і методыкі пачатковага навучання ВДУ імя П.М. Машэрава
Мініцкі Мікалай Іосіфавіч	– дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі БДПУ імя Максіма Танка
Мядзвецкі Сяргей Віктаравіч	– аспірант Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі
Палятаева Наталля Іванаўна	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дактарант Інстытута гісторыі НАН Беларусі
Піскуноў Уладзімір Іванавіч	– загадчык біялагічнага музея ВДУ імя П.М. Машэрава
Платонаў Аляксандр Пятровіч	– кандыдат хімічных навук, дацэнт, загадчык кафедры хіміі ВДТУ
Прахожы Сяргей Аляксандравіч	– асістэнт кафедры геаметрыі і матэматычнага аналізу ВДУ імя П.М. Машэрава
Рачынскі Святаслаў Валянцінавіч	– аспірант кафедры дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва ВДУ імя П.М. Машэрава
Савельева Наталля Валянцінаўна	– студэнтка IV курса матэматычнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
Саладоўнікаў Ігар Альбертавіч	– дацэнт кафедры заалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Трафімовіч Тамара Рыгораўна	– доктар філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі мовы БДПУ імя Максіма Танка
Уткевіч Вольга Іванаўна	– аспірантка кафедры замежнай літаратуры БДУ
Часнакова Вольга Іванаўна	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным універсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстанага матэрыялу, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экземплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты універсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне (прафесара, доктара навук), рэферат на мове арыгінала (да 0,25 стар.), рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).
6. Па рашэнні рэдкалегіі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегіі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.
7. Літаратура, выкарыстаная ў артыкуле, друкуецца ў канцы тэксту, а спасылкі ў тэксце азначаюцца парадкавым нумарам у квадратных дужках. Спіс літаратуры афармляецца:
   для кніг: прозвішча і ініцыялы аўтара, поўная назва кнігі, месца і год выдання, нумар тома, выпуску, агульная колькасць старонак (напрыклад, 300 с.) або спасылка на канкрэтныя старонкі (напрыклад, С. 10–15);
   для артыкулаў: прозвішча і ініцыялы аўтара, назва артыкула, назва крыніцы, у якой ён надрукаваны (часопіс, зборнік і т.п.), год, нумар, старонкі (напрыклад, // Веснік ВДУ, 1997. № 1(3). – С. 3–7).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments in the Republic of Belarus. The major criterion for publishing is the novelty and authenticity of the issue.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5") or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Length: not exceeding 5 full pages.

c. Page format: 10-point Arial font; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4.

d. Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. All sources are to be marked and listed at the end of the article under the heading BIBLIOGRAPHY in succession as they appear in the text. References in the text are to be given in brackets indicating the ordinal number and the number of the page.

3. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: annotation of an expert in the field of research; summary in the original language (1/4 page), summary in English (2-3 sentences); the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If returned to the author for further consideration, the article shouldn't be accounted rejected. The improved variant is submitted to the editorial board. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.